

Р * С * Ф * С * Р

ПРОФ. Е. ВАРГА

ПРОБЛЕМЫ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ПОЛИТИКИ
ПРИ ПРОЛЕТАРСКОЙ
ДИКТАТУРЕ

перевод с немецкого
под редакцией
Г. И. КРУМИНА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1

9

2

2

ПРОФ. ЕВ. ВАРГА,

бывш. народн. комиссара и председ. Высшего Совета Народн. Хозяйства
Венгерской Совет. Республики

ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЕ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Г. И. КРУМИНА

*Посвящается памяти преданных
и отважных, благородных передовых
борцов пролетариата, павших после
крушения Венгерской Советской Рес-
публики жертвою белого террора.*

I.

Предисловие к русскому изданию.

Книжка, которую я предлагаю вниманию русского читателя, представляет собой попытку на основании имеющегося в моем распоряжении опыта развернуть проблемы экономической политики, встающие при пролетарской диктатуре вообще, и сделать попытку их разрешить. Тот практический опыт, на котором я при составлении моей книжки мог основываться, был весьма узок и состоял, в сущности, только из опыта длившейся четыре с половиной месяца пролетарской диктатуры в Венгрии, да еще из скудных известий и нескольких брошюр, которые доходили до нас из России. Для восполнения недостающих практических данных приходилось в значительной степени обращаться к теоретическим построениям марксистской мысли вообще...

Что касается фактической обстановки диктатуры в Венгрии, то русский читатель найдет очень много сходства между экономическими условиями и учреждениями Советской Венгрии и Советской России. Но читатель не должен думать, что это потому, что мы подражали русским учреждениям. Отнюдь нет. Мы едва что-либо знали об этих учреждениях. Сходство это вовсе не является следствием подражания России, а неизбежным результатом самого факта диктатуры. Сколько бы ни разнились национальные, исторические и географические условия, основные факты экономики периода диктатуры повсюду одинаковы.

Отсюда следует, что *проблемы*, которые приходится разрешать в экономической политике во время диктатуры, по существу своему повсюду одни и те же. Русский читатель найдет, что развернутые здесь проблемы до сих пор еще сохранили всю свою актуальность и для России. Развитие здесь двинулось, конечно, с тех пор значительно вперед, но и здесь ни одна из этих проблем не разрешена еще окончательно, ни одна из них не сдана пока еще в архив.

Моя книга разрабатывает тот же круг вопросов, которым занят и тов. *Бухарин* в своей книге «Экономика переходного периода». Перед нами здесь тот интересный случай, когда два марксиста одновременно, но абсолютно независимо друг от друга, занимаются разработкою одного и того же круга проблем. Каков же результат? Мы видим полное соответствие: в моей книге нет

решительно ни одного положения, которое противоречило бы выводам тов. Бухарина. И все же, как в этом убедится читатель, обе книги глубоко различны между собою. Различие объясняется тем обстоятельством, что марксистское учение объединяет в себе две точки зрения: социологическую и экономическую. Тов. Бухарин рассматривает хозяйство переходного времени с *абстрактно-социологической* точки зрения. Он дает анализ *социальных образований переходного периода*. Я же подхожу к изучению с экономической стороны, пытаюсь ставить проблемы конкретно, связать их с практическими попытками их разрешения.

К этому присоединяется еще и методологическое различие. В то время, как тов. Бухарин, следуя в этом непосредственно Марксу, считает понятие «класс» конечным фактором в смысле объяснения, я держусь того мнения, что в переходное время должно быть особенное внимание уделяемо *психологии*, идеологии отдельных классов. Я склонен видеть основную трудность переходного периода в факте «реманиации идеологии», в том, что переход к коммунистическому хозяйству приходится осуществлять поколению, находящемуся еще почти целиком во власти идеологии капиталистического строя. Все затруднения явятся лишь следствием этого важнейшего, исторически неизбежного факта.

Интересно отметить, что этот социальный феномен, который я называю «реманиацией идеологии», тот факт, что изменения идеологические следуют за изменением экономического базиса лишь с большим запозданием,—факт, имеющий решающее значение для всего современного периода истории,—признается и т. т. Лениным и Троцким в последних их работах основным по своей важности. «Сила привычки у миллионов и десятков миллионов людей—это самая страшная сила»—Ленин. «О левом ребячестве», стр. 25 фр. издания). А Троцкий в своем «Анти-Каутский» дает следующий анализ «реманиации идеологии». Он пишет:

«Сознание масс... чрезвычайно сильно отстает от развития социальных условий: сознание старых социалистических партий на целую эпоху отстает от настроения масс; а сознание старых вождей «трэд-юнионов и парламентаризма более реакционно, чем сознание их партии» и т. д. («Анти-Каутский», стр. 4). Мы видим, что здесь снова подчеркивается «инерция», реманиация идеологии, как называю это я...

Было бы, может-быть, хорошо, если бы я дополнил эту книжку на основании фактов последующего развития вещей в России. Но в таком случае книжка потеряла бы то место, какое она занимает в историческом ходе наших дней. Такая, как она есть, написанная непосредственно после крушения Венгерской Советской Республики, она, несмотря на преимущественно теоретическое содержание, все же имеет известное значение в истории мировой революции.

Автор.

Москва, 7 февраля 1920 г.

II.

Предисловие к немецкому изданию.

«Буржуазные революции, какова революция XVIII столетия, быстро несутся от успеха к успеху, в них драматические эффекты—один ослепительнее другого, люди и вещи как бы утопают в бриллиантовом огне, каждый день дышит экстазом,—но они скоропреходящи; быстро достигают они своего зенита, и обществу приходится пережить продолжительное похмелье, раньше чем оно в состоянии трезво усвоить себе результаты своего периода бурных стремлений. Революции пролетариата, какова революция XIX столетия, напротив того, постоянно критикуют сами себя, то и дело останавливаются на ходу, возвращаются к, повидимому, уже пройденному, чтобы еще раз начать с начала, жестоко-основательно осмеивают половинчатость, слабые стороны и негодность своих первых попыток, сваливают своего противника с ног, как бы только для того, чтобы тот от прикосновения к земле набрался свежих сил и снова выпрямился еще могучее прежнего, все снова и снова отступают перед неопределенною громадною своих собственных целей,—пока не создано положение, отрезающее всякий путь к отступлению»... (Маркс: 18 Брюмера Луи Бонапарта перев. Б. Кричевского, стр. 10). Преданная теми вождями рабочих, которые «испугались громадности своих собственных целей», покинутая пролетариями соседних государств, пала Венгерская Советская Республика, эта докатившаяся далее на запад победоносная волна русского революционного моря; она пала в борьбе против румынско-чешской солдатчины, поддерживаемой всеми империалистическими державами. Вожди, предвидя историческую неизбежность белого террора, бежали из страны и нашли убогое убежище в Австрии. Интернированный в замке Карлштейн, отрезанный от всяких сношений с внешним миром, я в течение шести месяцев имел достаточно времени и досуга, чтобы обдумать половинчатость, слабость и мягкосердечие первой попытки пролетариата. Настоящая книжка является результатом этих размышлений. Она носит на себе следы своего происхождения. Книг в моем распоряжении было лишь очень и очень мало, статистического же материала не было и вовсе. Работать приходилось на память, на память даже и приводить цифры — отсюда много мелких неточностей.

Преследуемый палачами венгерского белого террора, обвиненный в убийстве, грабеже и фальшивомонетничестве, оклеветанный капиталистической прессой всего мира, покинутый не одним добрым старым товарищем, испуганным суровой действительностью пролетарской классовой борьбы и бросившимся обратно в идиллию буржуазной демократии, я все же, несмотря на понесенное поражение, с полной ясностью, открыто заявляю: нет другого пути к воздвигению социалистического общества, кроме диктатуры пролетариата. Формы диктатуры пусть будут различны: найдутся, вероятно, страны, в которых не русская, советская система, а какая-нибудь иная пролетарская организационная система явится основой диктатуры. Найдутся, быть-может, страны, в которых в период диктатуры пролетариата сохранится даже парламентаризм. И будем надеяться, что найдутся и такие страны, где диктатура пройдет без всякого террора. Было бы бессмысленным заниматься предсказыванием форм, которые должен принять исторический процесс рождения нового общественного строя. Но одно неоспоримо: без диктатуры пролетариата, т.-е. без такого переходного состояния, при котором пролетариат выступает как господствующий класс и при исключении всех других классов капиталистического общества сам определяет политику данной страны¹⁾, переход от капитализма к социализму невозможен.

Это положение, высказанное Марксом еще полстолетия тому назад, в настоящее время необычайно быстро приобретает себе сторонников, несмотря на поражение, быстрое крушение финской, баварской и венгерской диктатуры. Германская независимая социал-демократическая партия на последнем своем съезде единогласно приняла эту платформу. Итальянская социалистическая партия на основе ее добилась блестящей избирательной победы. В Англии и в Америке рабочее движение принимает формы, которые очень приближаются к идее и методам диктатуры. Необычайные военные успехи Российской Советской Республики в 1919 г., уничтожение всех контр-революционных армий в России доказывают, что господство пролетариата в России приобрело прочную основу в психологии большинства политически-активного населения и вместе с этим стало непобедимым. Невозможно, однако,

¹⁾ Таков именно истинный смысл понятия „диктатура пролетариата“, а не как это кажется Каутскому: „политика угнетения... освобождающая себя от законов, [ее самой созданных... состояние произвола, который естественно может твориться лишь очень маленьким кругом... или одним человеком“... Это—определение тирании, диктатуры в самом общем смысле, но не определение пролетарской диктатуры, которая обозначает переходную государственную форму исключительного политического господства пролетариата, как класса, также, как буржуазная демократия является государственной формой исключительного господства буржуазии. Диктатура пролетариата не значит «освобождение от им же созданных законов». Наоборот, чем строже будут соблюдаться все законы, чем согласованнее проводиться диктатура, тем более сократится период ее исторической необходимости.

чтобы социализм и капитализм длительно продолжали существовать бок-о-бок, рядом. Трудно представить себе, чтобы пролетариат Германии, Англии и Америки, несмотря на то, что он составляет абсолютное большинство населения, еще долго покорно сносил иго капитализма, в то самое время, когда в России пролетарский режим не только держится, но, как это доказывают последние события, крепнет в военном, хозяйственном и культурном отношениях. Или пролетарская Россия должна погибнуть, или и в других капиталистических странах пролетариат должен завоевать политическую власть.

Я верю в дальнейшее шествие революции, ибо капитализм, как я показываю в первой главе этой работы, неспособен даже дать пролетариату то реальное повышение жизненного уровня, которое одно было бы в состоянии замедлить революционный натиск пролетариата. Это убеждение в неудержимом шествии пролетарской революции и побудило меня выпустить в свет работу, несмотря на все ее несовершенства и пробелы. Быть-может, она хоть немного будет способствовать тому, чтобы «сократить родовые муки нового общества».

Моя работа совершенно не имеет своей задачей агитацию или оправдание. Я без боязни вскрываю все ошибки, которые мы совершили во время венгерской диктатуры; в каждом отдельном случае я констатирую, проводилось ли то или иное постановление на самом деле или оно оставалось только на бумаге. Я далек и от того, чтобы давать рецепты для поведения пролетариев всех других стран. Это было бы неисторической наивностью. Я ставлю себе целью развернуть проблемы экономической политики всякой пролетарской диктатуры, рассмотреть все теоретически мыслимые способы их решения и затем изобразить тот реальный опыт, который мы проделали в Венгрии в наших попытках разрешить эти проблемы. Знание этих фактов может быть только полезно для пролетариев всех стран. Им самим предоставляется взять из венгерского опыта то, что может пойти им на пользу...

Несколько слов еще о методе. Мой метод — метод марксизма. Подобно тому, как Маркс методологически исходил из предпосылки исключительного господства капиталистического способа производства и уделял мало внимания феодальной экономич. системе, так точно и здесь центр внимания обращен на развитие новых форм хозяйства, тех форм, которые возникли при капитализме, но при диктатуре получают дальнейшее развитие и сбрасывают свой антагонистический характер. Экономическая жизнь периода диктатуры раздваивается. Наряду с пролетарским общественным хозяйством продолжают существовать остатки частно-хозяйственной системы. Последние медленно разлагаются и поглощаются системой общественного хозяйства. Когда этот процесс завершится, диктатура пролетариата приходит к концу. Нет больше пролетариев и нет буржуа: имеется только общественное хозяйство свободно трудящихся культурных людей.

При этом предполагается, что вместе с исчезновением частной собственности исчезает также и соответствующая этой форме собственности алчно-эгоистическая идеология. Необходимость в диктатуре пролетариата не кончается с исчезновением частной собственности на средства производства а лишь с исчезновением капиталистической алчно-эгоистической идеологии. На смену диктатуре пролетариата социализм может прийти только тогда, когда завершится процесс изменения идеологии, когда исчезнет свойственная капитализму эгоистическая психика. Но на это, вероятно, потребуется целое поколение. Беспристрастный анализ хода событий при советской диктатуре в Венгрии в общем показал, что в революционные периоды идеология имеет гораздо большее значение, чем до сих пор это думает большая часть марксистов. Угроза существованию пролетарского режима заключается не столько в активном сопротивлении экспроприированных господствующих классов, что диктуется их правильно понятыми классовыми интересами, сколько в пассивном сопротивлении широких слоев самого пролетариата, которые не в состоянии освободиться от чуждой идеологии, навязанной им всей основанной на угнетении культурой капиталистического государства. Это громадное значение идеологии и покоящейся на ней линии политического поведения привело к тому, что при обсуждении экономических проблем мы должны были на каждом шагу в качестве определяющих факторов обращаться к области политики и идеологии. Строгое ограничение чисто хозяйственной стороны дела дало бы, быть может, резче очерченную, но зато и далеко отстающую от действительности картину.

В своей работе я пользовался помощью своих товарищей по заключению, многими ценными указаниями я обязан т.т. Бела Кун и Юлиусу Лонгиелю. Всем им я высказываю здесь сердечную благодарность.

Карлштейн, 10 января 1920 г.

Автор.

I. Кризис капитализма.

Мировая война ярко выявила кризис капитализма. Пролетариат всего капиталистического мира охвачен революционным брожением.

Беря свое начало в России, революционная волна неудержимо катится по направлению к западу. Полный упадок трудовой дисциплины, все более и более возрастающее нежелание работать при капиталистических условиях труда, грандиозные забастовки, которые одним своим размахом в корне расшатывают самые основы капиталистического строя, все более и более усиливающаяся дороговизна, нищета, рост грабежей в городах, волнения в войсках, — все вместе взятое, как показывает опыт, — это предвестник близящегося вооруженного восстания пролетариата. Само собой разумеется, что защитники интересов буржуазии утверждают, что в данном случае может идти речь лишь о временном, о преходящем кризисе капитализма; происходящее отнюдь не знаменует собой начала конца. «Большевизм — это болезнь побежденных стран», — вот их лозунг. Мы хотим попытаться установить, является ли современный кризис действительно чем-то преходящим или же он таит в себе окончательную развязку.

Общественный строй при капитализме является антагонистическим строем. Основанный на классовом господстве, строй этот мог казаться устойчивым лишь до тех пор, пока интересы буржуазии совпадали с интересами преобладающего большинства населения. Это, однако, продолжалось недолго. Присущие капиталистическому способу производства тенденции развития все более и более ярко выявляли антагонистический характер этого строя. Не воля большинства, а созданная господствующим классом организация насилия поддерживала систему, подтачиваемую в течение десятилетий внутренним, скрытым кризисом. Широкие массы пролетариата организовывались для борьбы с капиталом. Но дело ограничивалось пока лишь единичными вспышками. Капитализм не успел еще развить все вложенные в него силы; он не использовал еще всех возможностей — он охватывал все новые области, овладевая новыми странами, перебрасываясь в другие части света, приносил капиталистам все большую и большую прибыль, а благо-

даря последней давал им возможность уделять крохи из своей наживы верхам борющегося пролетариата, давал этим верхам возможность постепенно повышать свой жизненный уровень, что приводило к ослаблению их революционной энергии¹⁾.

Концентрация производства и централизация капитала были еще слабо развиты; число же заинтересованных в частной собственности на орудия производства было весьма значительно. Консервативная идеология, вера в незыблемость, в несокрушимость капиталистического порядка глубоко еще коренилась в умах пролетарских масс. «Эволюционная» теория социал-демократии, отодвигавшая революционный переворот в неизвестное будущее, практика профессиональных союзов, всецело посвятивших себя улучшению положения рабочего класса в пределах капиталистического строя,—все это вместе взятое отнюдь не способствовало превращению скрытых противоречий в активную революционную энергию.

Наконец, организация насилия, на которой покоится господство правящих классов, осталась непоколебленной; она была достаточно сильна, чтобы в корне убить всякие попытки пролетариата к вооруженному восстанию и этим укрепляла в рабочих массах столь ревностно прививаемую им глашатаями господствующих классов веру в незыблемость и несокрушимость капиталистического строя.

Мировая война внесла глубокие изменения в структуру капиталистического общества. Мы попытаемся, прежде всего, исследовать те изменения, которым во время войны подверглась экономическая основа капиталистического строя.

Часть происшедших изменений совершилась в направлении общих тенденций развития капиталистического способа производства, но только гораздо быстрее, чем это происходило бы без войны. Концентрация производства сделала громадные и чрезвычайно быстрые успехи. Сотни тысяч мелких производителей и лавочников ушли на войну, а предприятия их погибали. С другой стороны, крупные предприятия обогащались благодаря военным поставкам, дававшим владельцам их огромные барыши. Гораздо резче, чем до войны, выступило наружу деление общества на капиталистов с громадным состоянием и пролетариев, не имеющих ничего, кроме своей рабочей силы. Присущая империалистической фазе капитализма тенденция к преодолению анархии, к *организации* капиталистического хозяйства в целях все более и более полного господства капитала над рынком чрезвычайно усилилась за время войны благодаря государственным принудительным хозяйственным организациям. Заговорили о военном социализме; собственно говоря, пра-

¹⁾ Так оно длилось вплоть до начала нового столетия; начавшаяся острая дороговизна привела затем к тому, что при повышающейся денежной плате реальная заработная плата падала. См. Карл Каутский, «Путь к власти».

вильнее было бы назвать это государственно-организованным капитализмом. Целый ряд других изменений может быть охарактеризован, как военно-хозяйственная деформация экономической жизни. Остановимся на наиболее значительных явлениях этой деформации ¹⁾.

Реальное накопление сменилось реальным обеднением, сопровождаемым необычайным ростом фиктивного капитала. Государство, ведущее войну, берет из хозяйства большее количество благ, чем может быть вновь создано в соответствующий период времени. Вместо присущего капитализму накопления происходит уменьшение реального богатства, вместе аккумуляции — «дезаккумуляция». Капиталистическое государство отбирает эти блага у их владельцев, исходя из полного признания священной частной собственности, иначе говоря, оплачивает их полной ценой. Денежная наличность создается путем все новых и новых выпусков военных займов. Место непроизводительно расточаемых благ занимает фиктивный капитал, — расписки на прибавочную стоимость, имеющую быть впоследствии произведенной и присвоенной государством путем налогового обложения. Размеры фиктивного капитала возрастают соответственно со все повышающимися, вследствие быстро наступающего недостатка в товарах, ценами на последние.

«Эти долговые обязательства, выданные за первоначально отданный в ссуду и давно израсходованный капитал, эти бумажные дубликаты уже не существующего капитала, являются для их владельцев капиталом постольку, поскольку они являются товаром, который может быть продан и, следовательно, могут быть превращены в капитал» (Маркс, «Капитал» III, 2, 14).

Это обратное превращение в капитал возможно в условиях военного времени лишь для отдельных единичных держателей военных займов; для общества в целом такое превращение бумажных обязательств в реальный капитал невозможно в виду того, что на мировом рынке отсутствуют элементы производительного капитала.

Реальное обеднение населения во время войны не идет равномерно. Одновременно происходят глубокие сдвиги в распределении постоянно сокращающегося реального богатства. Военные поставщики, производители предметов продовольствия, все вообще слои, имевшие то или другое отношение к работе на войну, сильно обогатились. Мелкие же предприятия, капитал которых был недостаточен для дальнейшего ведения производства, вследствие быстрого вздорожания сырья, одно за другим погибали. Все слои населения, получавшие твердый денежный доход вследствие обесценения денег беднели.

Исчезновению реальных благ и нарастанию фиктивного капитала сопутствует подобный же процесс в области распределения

¹⁾ См. Э. Варга. «Деньги и капитал в военном хозяйстве», 1916 г.

доходов. Номинальная сумма общего народного дохода сильно повышается, но на-лицо не имеется соответствующего количества благ для реализации доходов. Цены быстро скачут вверх, а деньги теряют свой характер всеобщего орудия обмена. Между городом и деревней возникает примитивный натуральный обмен. «Буржуазия отдала деревню во власть города», — гласит Коммунистический Манифест. В период военного хозяйства произошло обратное: деревня подчинила себе город. На фоне всеобщего недостатка в товарах перевес оказался на стороне деревни, продолжавшей производить необходимейшие блага—предметы продовольствия, что повело в результате к закабалению городского населения и заставило рабочих отдавать свои скромные пожитки в обмен на предметы продовольствия крестьянам. Жизненный уровень воюющих народов в общем все падал и падал, но, конечно, падение это было далеко не равномерным во всех классах общества. Землевладельцы и крупная буржуазия сохранили свой прежний образ жизни; положение сельского населения даже улучшилось, но зато сильно ухудшились условия жизни служащих и рабочих. Наступило фактическое (реальное) обнищание рабочих масс, так как повышение заработной платы не поспевало за все возрастающими ценами на предметы первой необходимости. Наоборот, жизнь в армии ставила призванных крестьян и неквалифицированных рабочих Восточной и Средней Европы в значительно лучшие условия существования: люди, которые прежде ели мясо раз в две недели, получали его в своей части ежедневно; рабочие, которые в мирное время ходили большую часть года босыми и едва имели сорочку на теле, получали на военной службе хорошее обмундирование и т. д.

Эти изменения в экономическом базисе повлекли за собою глубокие изменения и во всей общественной надстройке. Прежде всего обнаружилась коренная перемена в настроении, в идеологии пролетариата; скрытая революционная энергия стала принимать активные формы.

Моменты, характеризующие период военного хозяйства и совпадающие с общими тенденциями капиталистического развития—ускоренный темп концентрации производства и развитие принудительно-хозяйственной организации—сами по себе усиливали потенциальную энергию к сопротивлению у пролетариата.

Ухудшение положения рабочего класса выступило в качестве нового революционизирующего элемента. Считаем необходимым отметить, что, несмотря на эксплуатацию рабочих, на все тяготы, которые им приходилось испытывать в рамках капиталистического строя, условия их жизни (если не считать кратковременных периодов экономических кризисов) в течение девятнадцатого века, когда капитализм переживал эпоху расцвета, постепенно улучшались. Это с безусловностью вытекает из статистических данных по производству предметов продовольствия и потреблению.

История современного рабочего класса не знает в прошлом столь резкого ухудшения условий жизни как то, которое в настоящее время постигло пролетариат Средней и Восточной Европы.

Но таков основной психологический закон, что утрата раз достигнутого жизненного уровня действует гораздо более революционизирующим образом, чем простое стремление к улучшению достигнутого жизненного уровня.

В ряды пролетариата вошли разоренные войной мелко-буржуазные элементы и кадры чиновничества, опустившегося до уровня рабочего класса. Эти деклассированные элементы принесли с собой в ряды пролетариата революционную энергию, хотя недостаточно дисциплинированную, но зато полную злобы и ожесточения.

Материальное обнищание постигло пролетариат в условиях, сильно способствовавших укреплению в нем его социального самосознания. Господствующие классы всех стран беспрерывно апеллировали во время войны к пролетариату, апеллировали к нему на поле брани, апеллировали и на фабриках и в деревнях. Так и носился клич: «Пролетарии должны спасти отечество». Таким образом пролетариат узнал от самих вождей капитализма, как велико его значение, как важна его роль в современном обществе. До сих пор официально проповедуемая идеология толковала ему только о его ничтожестве в сравнении с представителями господствующих классов. Теперь он услышал совершенно противоположное. Притом он узнал, что в деле владения оружием, которое, как ему показал многолетний опыт, охранителями классового господства направлялось до сих пор всегда против него, он столь же опытен и ловок, как и представители господствующего класса и его прислужники. Сознание это произвело глубокое впечатление на пролетариат. Мы примем поэтому, как основной факт, *что пролетариат всех стран вышел из войны с пониженным жизненным уровнем, но с окрепшим социальным самосознанием.* В соответствии с этим возросшим самосознанием он требует теперь повышения своего материального и духовного уровня, повышения не только по сравнению с настоящим его положением, но и по сравнению с условиями, в которых он находился до войны,—требование, которого, как мы покажем в дальнейшем, капитал ни в каком случае не в состоянии удовлетворить. *В этом — вся суть современного кризиса капитализма.*

С количественной стороны развитие это проявлялось неравномерно. Военно-хозяйственная деформация хозяйственной жизни была сильнее в побежденных странах, чем в странах-победительницах: отсюда и ухудшение условий жизни рабочих, их недовольство и их революционный натиск. И так как это сильное революционное настроение в побежденных странах совпало с вызванным военным поражением *развалом организации насилия государства*, то во всех этих странах вспыхнула политическая революция.

В России, где пролетариат, с одной стороны, имел самое богатое революционное прошлое, а господствующий класс, с другой, располагал наиболее слабой организацией, политическая революция сменилась победоносной, чисто-пролетарской революцией, за которой последовали вскоре кончившиеся неудачей подобные же попытки в Финляндии, Баварии и Венгрии.

В странах-победительницах, где государственный аппарат насилия остался непоколебленным, до революций дело пока еще не дошло, но явного кризиса капитализма нельзя отрицать и здесь. Рабочий класс бурно требует повышения своего жизненного уровня. При этом капиталисты *охотно готовы идти на всякие уступки рабочим, в направлении улучшения и поднятия в рамках буржуазной демократии их духовного уровня.* Расширение, согласно желаниям пролетариата, всеобщего избирательного права, участие его вождей в правительстве, советы рабочих депутатов с ограниченной сферой действия, наконец, даже социализация при полной компенсации собственников—все это легко достижимо для рабочих в пределах буржуазной демократии.

Но рабочие массы стран Антанты уже убеждаются в том, что подобные политические уступки отнюдь не устраняют их экономического порабощения. Пролетариат всех стран требует более высокого жизненного уровня: сокращения рабочего дня до семи, а в Америке до шести часов, — и пытается добиться этого—часто неосознанно — путем социально-революционных мероприятий. Опыт военного хозяйства приблизил организацию пролетарского общественного хозяйства из туманной дали социальных утопий, низведя его на почву доступной действительности. И как ни уродлива принудительная организация военного хозяйства в качестве прообраза коммунистического хозяйства, все же она показала рабочим массам, что централистически-организованное управление хозяйством страны не утопия, а неизбежно вытекающая из сложившихся условий, а потому и осуществимая средствами современного общества задача. Теперь уже кажется непосредственно возможным организовать чисто-пролетарское хозяйство, опрокинув капиталистическую военно-хозяйственную организацию и превратив ее в пролетарскую. В силу этого известные своей консервативностью английские тред-юнионы выставляют требование национализации шахт и рудников, железных дорог, банков и важнейших отраслей торговли,—требования, удовлетворение которых означало бы конец капитализму. Немецкие рабочие требуют права контроля и участия фабрично-заводских рабочих советов в управлении капиталистическими предприятиями и т. д.

Борьба за повышение жизненного уровня ведется преимущественно путем экономической борьбы, но борьба эта полна революционной энергии. Грандиозные забастовки сотни тысяч железнодорожников, горнорабочих, металлистов потрясают хозяйственную жизнь Европы и Америки. Широта размаха этого движения сама по себе придает ему характер революционной классовой борьбы

даже тогда, когда в сознании рабочих речь идет лишь о чисто-экономических требованиях. Ибо буржуазия не в силах удовлетворить эти требования. Пролетариат всего капиталистического мира охвачен поэтому общей неохотой к труду; трудовая дисциплина расшатывается все глубже и глубже, а производительность неудержимо все понижается ¹⁾.

Класс капиталистов, однако, совершенно не в состоянии удовлетворить требований рабочих масс о реальном повышении их жизненного уровня над довоенным. Это было бы концом капитализма, ибо положило бы конец присвоению прибавочной ценности. Капиталистам пришлось бы совершенно отказаться от прибыли и продолжать производство исключительно в интересах рабочих и в надежде на лучшее будущее. Можно, конечно, допустить, что руководящая бюрократия анонимного капитала, директора акционерных обществ, продолжали бы производство, вполне сознавая, что их ждет несколько бездивидендных годов, но по отношению к классу капиталистов в целом это является предположением не реальным.

Но противоречие между требованиями рабочих и ресурсами капиталистического производства так велико, что даже полный — на практике совершенно немыслимый — отказ класса капиталистов от всякой прибыли этого противоречия все же не разрешил бы. Война сильно понизила производственные возможности во всех

¹⁾ Падение производительности в Германии характеризуется следующими данными, число которых может быть бесконечно увеличено: чистый убыток металлург. общества Vereinigte König-Laurahütte составлял в 1918—1919 гг. — 10,8 миллионов марок. Причинами убытка были, согласно отчету, бесконечные требования рабочих и служащих, страшный рост издержек производства, главным образом, падение производительности труда рабочих («Berliner Tageblatt» от 9/X 1919 г.).

Всеобщая компания Гортенских рудников опубликовала следующий отчет.

Г О Д.	Средняя производительность одного рабочего.	Заработная плата рабочего (в марках).
1913—14	9.49	6.63
1915—16	9.38	7.73
1916—17	8.54	9.86
1917—18	8.55	12.06
1918—19	7.65	16.71
июль 1919	6.90	23.33
авг. 1919	6.02	26.87

Средняя производительность, таким образом, упала со времени окончания войны с 8.55 до 6.02 («Berliner Tageblatt» от 23/X—19 г. На общем собрании акционеров «Laurahütte» главный директор последних Гильгнер докладывал, что производство сократилось на половину в сравнении с производством мирного времени. Основной причиной этого падения, по его словам, является недостаточная производительность рабочих («Berliner Tageblatt» за октябрь 1919 г.). В конце 1919 и в начале 1920 г. производительность труда как будто повысилась, но это лишь преходящее явление.

странах; изменился возрастной состав и состав населения вообще; доля трудоспособных элементов сильно сократилась; орудия производства изношены, разрушены и все запасы благ, сырья и средств производства истрачены. При таком производственном аппарате и в условиях капиталистических отношений совершенно невозможно создание той суммы благ, которая необходима для удовлетворения требований рабочих масс. Помимо того, *капиталистическое производство во всей своей структуре всегда приспособлено к существующему в данный период распределению доходов*. Напрасны были бы жертвы со стороны класса капиталистов в направлении временного отказа от прибавочной стоимости: *это повело бы, в лучшем случае, лишь к тому, что необходимую для повышения их жизненного уровня ценность рабочие получали бы в виде денег, но отнюдь не в виде реальных благ, которые одни только, действительно, могли бы улучшить их положение*. Дело-то в том, что орудия производства, предназначенные для производства предметов роскоши, не могут, как мы уже говорили, быть просто-напросто направлены на производство благ, которые требуются в обиходе рабочего класса¹⁾. Следовательно, требование рабочего класса о реальном повышении его жизненного уровня могло бы быть удовлетворено лишь при условии внезапного повышения производства таких благ, которые являются предметом потребления рабочего класса.

Но капитализму присущ лишь один способ расширения производства — *повышение производительности*, иначе говоря, умножение приводимых в движение одним рабочим средств производства или, как Маркс это называет, *повышение органического состава капитала*. Все другие средства — в следующей главе мы на этом остановимся более подробно — лежат вне прямой линии капиталистического развития. Повышение производительности предполагает увеличение средств производства, иначе говоря, реальное накопление. Накопление же это при капитализме является функцией класса капиталистов и состоит в том, что часть присвоенной прибавочной стоимости потребляется не в виде дохода, а идет на дальнейшее расширение производственного аппарата. Но как может класс капиталистов накапливать, когда ему приходится отказываться от своей прибыли для того, чтобы удовлетворить безудержные требования рабочих об улучшении

¹⁾ Проблема эта сохраняет свое значение также и при диктатуре пролетариата. Об этом будет у нас речь в третьей главе. Вопрос этот подробно рассмотрен Марксом во II томе „Капитала“.

²⁾ Повышение производства благ затрудняется также тем хаотическим состоянием, в котором пребывает мировой рынок. Россия и Сибирь совершенно сошли со сцены, как поставщики сырья; Балканские страны, Венгрия, Польша подорваны в своих хозяйственных возможностях. Постоянное колебание валюты, отсутствие абсолютно устойчивой английской мировой валюты, прежде господствовавшей на мировом рынке, крайне затрудняет международный обмен благ, а вместе с тем и рост производства.

их положения, и этим предотвратить их революционные выступления? *Без прибыли нет накопления; без накопления нет возможности расширить производство¹⁾; без расширения производства нет возможности улучшить положение рабочих.*

Если же капитал решится пойти по другому пути, если он попытается отвергнуть эти требования для того, чтобы привести в порядок производственный аппарат, чтобы быстро накапливать и этим путем осуществить то расширение производства, которое необходимо для осуществления требуемого рабочими реального повышения их жизненного уровня, то в таком случае он натолкнется на самое отчаянное сопротивление со стороны рабочих. На очередь выступают бесконечные забастовки, трудовая дисциплина резко упадет, вообще рабочие будут отказываться при таких условиях от работы¹⁾; производительность труда — сознательно или бессознательно — будет понижена.

Производство при таких условиях, конечно, падет, противоречие между требованиями рабочих и наличными для удовлетворения этих требований благами увеличится, кризис капитализма автоматически все более и более обострится. Из этой дилеммы для капитализма был бы один выход: убедить пролетариат сохранить полную свою производительность и временно хотя бы отсрочить свои требования, направленные к повышению жизненного уровня, дав, таким образом, классу капиталистов возможность путем сокращения своих личных расходов быстро накапливать, восстановить уничтоженные и изношенные средства производства и подготовить путем энергичного производства средств производства расширенное производство предметов потребления; а это дало бы возможность впоследствии повысить жизненный уровень рабочих. *Рыцари гражданского мира* проповедают рабочему классу необходимость такого именно разрешения вопроса. Они предлагают пролетариату временно прекратить классовую борьбу, работать с полным усердием, работать и сверхурочно и в то же время отказаться пока от всяких «непомерных» — т.-е., угрожающих присвоению прибыли и капиталистическому накоплению — требований об увеличении заработной платы, а, главным образом, сокращении рабочего времени. В этом духе действуют шейдемановцы в Германии, Гомперс и К^о в Америке. Однако, с малым успехом. Проникнутый глубоким недовольством пролетариат не проявляет никакой охоты, во имя призрачных надежд добиться впоследствии некоторого улучшения условий жизни в рамках капиталистического рабства, отказываться от выступления против капиталистов, от требований немедленного улучшения своего положения.

¹⁾ Характерной для революционной психологии рабочих является снова и снова повторяющаяся жалоба капиталистов на то, что, несмотря на широкую безработицу, трудно найти рабочих для тяжелой, черной работы. Настроение рабочих такое, что они предпочитают голодать, чем работать на предлагаемых им условиях.

Остается еще путь насилия. Но возросшее за время войны самосознание пролетариата, приобретенные им умение и ловкость во владении оружием, приобретенная им на войне привычка в нужный момент ставить на карту свою жизнь, обнаруживающееся разложение аппарата насилия господствующего класса делают или вообще невозможным применение насилия или же вынуждают прибегать к самым грубым и жестоким формам его при помощи солдатчины, как это имеет место в Венгрии. Но эта форма применения насилия годна для всего, но только не для обеспечения стремящегося к прибыли капиталистического хозяйства. Этот путь может, правда, повести к уничтожению современной культуры, к возврату к средневековым отношениям замкнутого домашнего хозяйства и натурального обмена, но отнюдь не к спокойному капиталистическому производству.

Эта дилемма для капитализма неразрешима. Революционное брожение охватывает все более широкие слои. Поразительный пример России, обширного государства с сотнями миллионов жителей, которое вот уже слишком два года управляется победоносным пролетариатом, военная мощь которого разбила вдребезги всех его врагов, экономические силы которого, несмотря на бойкот империалистических великих держав и продолжающуюся уже шесть лет войну, заметно крепнут, толкает сознательных рабочих всех стран на все новые и новые усилия к свержению капитализма. Подавление попыток социального переворота в Финляндии, Венгрии и Баварии ничуть не меняет положения вещей, сводящегося к тому, что революционное брожение охватывает все более и более широкие слои, а капитализм бессиле бороться с этим. Возможно, что кризис этот будет длиться годами, а революционное преобразование потребует десятков лет и будет стоить десятков тысяч жертв, но возврат к мирному капитализму представляется совершенно невозможным.

То убеждение, что все попытки к восстановлению капиталистического производства должны разбиться об это неразрешимое противоречие, что классовая борьба закончилась бы *«общей гибелью борющихся классов»* в случае, если бы *«революционное преобразование всего общества не удалось»*, — привел целый ряд представителей экономической науки среди марксистов — в том числе и автора этих строк — в большевистский лагерь. Ибо, если диктатура пролетариата на первых порах даже усиливает расстройство хозяйственной жизни, то все же она создает основы для окончательного разрешения вопроса, создает фундамент социалистического общества.

II. Проблема производительности труда.

Поднятие производства — вот ходячий лозунг, к которому в настоящее время то и дело возвращаются в своих речах буржуазные государственные деятели всех стран. Мы сами закончили наши предыдущие рассуждения выводом, что требуемое пролетариатом реальное повышение его жизненного уровня возможно лишь путем быстрого и всеобъемлющего повышения производства. Мы показали, что такое поднятие производства невозможно в условиях потрясенного войной капитализма. Но и вообще при капитализме невозможно достичь максимальной продуктивности. Чтобы это доказать, мы прежде всего исследуем общие условия продуктивности, иначе говоря, *мы исследуем факторы продуктивности труда при производстве материальных богатств, потребительных ценностей*, что следует строго отличать от доходности капитала, затрачиваемого в производстве. Доходность в капиталистическом смысле является тормозом поднятия производства, препятствием к максимальной продуктивности в смысле создания потребительных ценностей.

Продуктивность (Ergiebigkeit) труда народа зависит, прежде всего, от естественных условий страны, «от вековых основных моментов»¹⁾. Так как эти факторы изменяются очень медленно, то мы можем рассматривать их как постоянные и вовсе не считаться с ними при рассмотрении интересующей нас проблемы²⁾.

Переменными факторами являются:

1. Рациональность труда.

1) „Sekuläre Grundtatsachen“. Этот термин был установлен Карлом Реннером в его труде: „Основы и цели развития Австро-Венгерской монархии“.

2) Маркс, исследования которого имеют своей основой не продуктивность труда в создании потребительных ценностей, а проблему ценности и прибавочной ценности, установил понятие производительности которое отчасти покрывается нашим понятием продуктивности (Ergiebigkeit), основанном на потребительной ценности: «Производительная сила труда объясняется многосложными обстоятельствами, между прочим, средней степенью искусства рабочего, уровнем развития науки и ее технических применений, общественной организацией производственного процесса, размерами и дееспособностью средств производства и, наконец, естественными условиями», (Маркс, «Капитал» т. I стр. 6, перев. Базарова и Степанова Москва, 1920).

2. *Производительность труда.*

3. *Интенсивность труда.*

4. *Численное отношение между производительными и непроизводительными элементами населения.*

1. Под рациональностью труда я понимаю различия в продуктивности труда, вытекающие из интеллектуальных качеств трудящихся, как руководителей, так и исполнителей. При прочих равных условиях продуктивность труда зависит от психических факторов: от общей культуры, от профессионального образования, от рациональных приемов работы, применяемых участниками трудового процесса. Мы приведем здесь лишь два примера. Английские фабриканты устроили в Китае ткацкие фабрики с такими же механическими ткацкими станками, как в Ланкашире. Оказалось, однако, что фабрики эти, несмотря на продолжительный рабочий день и необычайно низкую заработную плату, были не только непродуктивными с нашей точки зрения, но даже неприбыльными в капиталистическом смысле. В то время, как английский ткач в состоянии обслуживать четыре, а в исключительных случаях даже шесть станков при полной скорости хода, к одному станку должно быть приставлено двое рабочих-китайца, при чем быстрота хода станка, кроме того, должна быть замедлена. И все же, несмотря на это, ткацкие станки в Китае в среднем в течение дня бездействуют или идут холостым ходом больше, чем в Англии. Подобные же наблюдения были сделаны и в Японии¹⁾. Еще более показательным являются следующие: базирясь на данных «Annuaire de la Statistique agricole internationale, 1915», я произвел обследование причин различной производительности культуры хлебов в разных странах. С этой целью я сопоставил среднюю, охватывающую все четыре главные хлебные злака (пшеницу, рожь, ячмень и овес), урожайность с гектара за период десятилетия 1905—1914 гг., и получил, таким образом, ряд стран, расположенных по степени урожайности. Оказывается, что ряд этот не обнаруживает никакой зависимости ни от среднего размера хозяйства, ни от хлебных пошлин или хлебных цен, ни от различий в климатических условиях. Но зато этот ряд показывает несомненное совпадение с общей культурой страны, с развитием грамотности. Чем меньше безграмотных, тем больше производительность сельского хозяйства, следовательно, культурный уровень рабочих играет крайне важную роль в качестве фактора продуктивности труда²⁾.

¹⁾ K. Koch, Die Industrialisierung Chinas «O. Vialatte,» L'avenir économique du Japon и др. автора.

²⁾ Годскин говорит: „Накопление—это не что иное, как скопление (Aufhäufen) производительных сил общественного труда, так что накопление ловкости и знаний рабочих является основным накоплением и несравненно важнее, чем рука об руку с ним идущее и его только воплощающее накопление наличных объективных, постоянно вновь создаваемых и потребляемых, лишь номинально аккумулированных объективных условий. Производительный капитал и искусный труд—одно и то же; капи-

2. Под *производительностью* я подразумеваю различия в *продуктивности труда*, вытекающие из различия применяемых средств производства. При прочих равных условиях продуктивность труда зависит от рода средств производства, применяемых рабочими. Род средств производства определяет также большую или меньшую степени кооперации. Эти факты общеизвестны; специальные доказательства излишни. Группа рабочих, объединенных на современной ткацкой или обувной фабрике, производят во много раз, иногда даже в тысячу раз больше, чем то же количество рабочих при ремесленном труде. Чем больше постоянный капитал, чем больше производственный аппарат страны по отношению к численности населения, тем больше, при прочих равных условиях, продуктивность и производительность (*Ergiebigkeit*) труда.

3. Под *интенсивностью труда* я понимаю различия в *продуктивности труда*, вытекающие из различий в количестве и полезных эффектах производительных движений, совершаемых рабочим в среднем в определенную единицу времени в течение более или менее продолжительного периода¹⁾. при прочих равных условиях, продуктивность труда зависит от того, как рабочий работает при помощи имеющихся в его распоряжении средств производства. «Интенсивность труда или его интенсивная величина (указывает) то количество труда, которое затрачивается в течение данного времени». (Маркс: «Капитал», т. I, пер. Степанова и Базарова, стр. 521). Интенсивность труда имеет также и качественную сторону: бережное или небережное

лал и трудящееся население совершенно однозначущи. Все это лишь дальнейшее развитие выражений *Галлани*: настоящее богатство... — это человек. Весь объективный мир, весь мир материальных благ исчезает здесь, как нечто преходящее, как то скрывающееся, то вновь и вновь возникающее проявление деятельности общественно производящего человека. Marx. „Theorien ueber den Mehrwert“. Stuttgart, 1910, III/318.

1) При такой формулировке продолжительность рабочего дня выдвигается как специальный фактор интенсивности, а вместе с этим и проблема влияния сокращения рабочего дня. У Маркса продолжительность рабочего дня и интенсивность труда являются факторами производства ценности: Принудительное сокращение рабочего дня, дающее мощный толчок развитию производительной силы и экономизации условий производства, заставляет рабочего увеличивать затрату труда в единицу времени, повышать напряжение рабочей силы, плотнее наполнять поры (промежутки) рабочего времени, т.-е. конденсировать (уплотнять) труд до такой степени, которая достижима только в рамках сокращенного рабочего дня. Эта сжатая в пределе данного периода времени большая масса труда рассматривается теперь как большее количество труда, чем она является в действительности. На-ряду с мерой рабочего времени как „экстенсивной величиной“ теперь выступает измерение степени его уплотнения. Более интенсивный час десятичасового рабочего дня содержит теперь столько же и больше труда, т.-е. затраченной рабочей силы, чем более пористый час двенадцатичасового рабочего дня“.

(Маркс, „Капитал“ т. I, стр. 404 по перев. Степанова и Базарова, Москва 1920).

Это у нас оказывается устраненным, т. к. за меру интенсивности мы принимаем среднее более или менее продолжительного рабочего периода.

обращение с материалами, с инструментами, большее или меньшее качественное соответствие произведенной работы поставленной цели,—все это, насколько это зависит от рабочего, мы вкладываем в понятие интенсивности труда.

Интенсивность труда, следовательно, отчасти зависит от воли рабочего, частью же, независимо от его сознательной воли, от условий питания, от его жилищных условий, от его индивидуальной склонности к тому или иному виду труда и других чисто психологических моментов. Исходя из новейших тщательных наблюдений, мы должны выступить против механического воззрения, преобладающего также и у Маркса, что продуктивность труда зависит исключительно от рода применяемых средств производства, что «машина применяет рабочего», вследствие чего рабочий вынужден безусловно сообразовать интенсивность своего труда с ходом машины.

4. *Рассматривая народ, как производящее целое, можно установить то положение, что общий продукт его труда, при данной рациональности, производительности и интенсивности, будет зависеть от соотношения между количеством производительных элементов населения и количеством элементов, лишь потребляющих блага.*

* * *

Из всего сказанного легко усмотреть, что высшая продуктивность труда недостижима при капиталистическом строе. Рассмотрим один за другим отдельные факторы производительности труда. Но прежде всего укажем на *главное препятствие к достижению максимальной продуктивности,—на те пределы, которые ставит капиталистическая прибыль.* Так как в капиталистическом обществе все средства производства, даже и не являющаяся продуктом труда земля, составляют частную собственность, то они только тогда применяются для производства, если это связано с получением соответствующей прибыли.

Отсюда следует:

Так как высшая продуктивность труда (производство максимально-возможной массы потребительных ценностей) не совпадает с высшей доходностью предприятия — в капиталистическом сельском хозяйстве никогда, а в промышленности лишь случайно, — а при капиталистическом способе производства одна только прибыльность является решающим моментом, то совершенно в порядке вещей, что всегда имеются налицо неиспользованные средства производства, с одной стороны, и кадры безработных, непродводящих за неимением средств производства — с другой стороны. В наиболее рационально-культивируемых странах Европы имеются еще громадные площади необрабатываемой земли, которые могли бы, при соответствующем применении труда, стать плодоносными, имеются неиспользованные водяные силы, неразработанные богатства недр. Соображения прибыли мешают их использованию.

В капиталистическом земледелии результат всегда ниже максимально-возможного, так как вследствие убывающего плодородия почвы доходность добавочных затрат капитала постепенно падает, а новое приложение капитала, а вместе с ним и повышение натурального продукта земли прекращаются в тот самый момент, когда вновь приложенный капитал перестает давать среднюю прибыль. В этом сказываются основные законы капиталистического хозяйства, которые при существовании капитализма не могут быть изменены никакими мероприятиями экономической политики.

Рациональность труда при капитализме по необходимости очень низка. Самая примитивная ступень культуры, умение читать и писать в Европе еще не достигнуто миллионами рабочих. Искусственно привитый консервативный дух трудящихся масс, необходимый для сохранения классового господства, задерживает развитие рациональности труда. От 60 — 80% пахотной земли находится во владении невежественных, консервативных крестьян, боящихся всякого рационального новшества и с упорным консерватизмом крепко держащихся за старое. Для миллионов крестьян, владеющих землей, даже доходность не является решающим моментом, как у капиталистов. Они производят лишь столько, сколько требуется для покрытия их давно сложившегося и лишь медленно повышающегося жизненного уровня. И от таких руководителей хозяйства зависит в настоящее время питание населения!

Консервативность, недостаточная рациональность, дают себя также сильно чувствовать и в области промышленности. Промышленные стандарты сохраняются десятилетиями, несмотря на то, что они, в виду изменяющейся техники, давно перестали быть выгодными. До тех пор, пока получается соответствующая прибыль, капиталисты также охотно продолжают производить традиционным иррациональным способом¹⁾.

Производительность труда при капиталистическом способе производства сильно отстает от теоретически возможного максимума. Прежде всего здесь дают себя чувствовать рамки прибыли. Улучшение средств производства, увеличение пропорции постоянного капитала, а в пределах последнего основного капитала, является, правда, имманентной тенденцией капитализма, основанного на свободной конкуренции. Но размер производительного приложения нового капитала зависит от размера частного накопления. С другой стороны в вопросе практического применения всякого нового технического открытия решающим моментом является не возможность большей производительности, или экономия человеческих усилий, а исключительно одна лишь точка зрения прибыльности. Чем более поработен рабочий класс данной страны, тем меньше импульса у

¹⁾ Интересные примеры этого можно найти у Tr. Herz, „Standortverhältnisse der österreichischen Industrie“.

класса капиталистов к поднятию производительности труда.

Производительность низка, потому что несчетные миллионы рабочих работают в мелких предприятиях при помощи примитивных орудий производства. Личный труд «хозяина», который содержит себя, свою семью и одного или двух рабочих, получающих заработную плату, далеко не соответствующую стоимости их рабочей силы, делает возможным дальнейшее прозябание таких остальных предприятий к великому вреду для продуктивности всего общественного труда.

В современном фазисе «организованного капитализма» свободная конкуренция в большинстве отраслей крупной промышленности преодолена. На ее место выступают картели и тресты. В то время, как американские тресты путем закрытия плохо оборудованных или неблагоприятно расположенных предприятий, одновременно с прибылью поднимают и продуктивность труда, более свободно организованные картели преследуют противоположную политику. Все существующие предприятия продолжают функционировать, а продажные цены на внутреннем рынке, охраняемом ввозными пошлинами, устанавливаются на такой высоте, чтобы даже наихудшие, наиболее дорого производящие предприятия, приносили еще прибыль. Таким путем искусственно поддерживаются остальные предприятия, которые неминуемо погибли бы при свободной конкуренции. Некоторые картели даже непосредственно препятствуют возникновению усовершенствованных предприятий. В картельном договоре между венгерскими и австрийскими чугуно-плавильными заводами и железообрабатывающими группами имелся пункт, запрещающий поставку какого бы то ни было сырья новым, не входящим в картель железообрабатывающим предприятиям. Создание новых более современных предприятий стало таким образом невозможным.

Наконец, продуктивность труда задерживается многообразной анархией производства. Анархией в том смысле, что самые разнообразные товары производятся для одной и той же цели, в зависимости от каприза покупателя или по произволу производителя. Организованный капитализм стремится, правда, преодолеть эту анархию производства введением однородных типов: путем нормализации отдельных составных частей, (например, в машино-строительной промышленности), путем далеко идущей специализации производства отдельных предприятий, — но все это разбивается о противоположность интересов отдельных предприятий.

Анархия в общем процессе капитала выбивается наружу в периодически повторяющихся торговых кризисах. При капитализме не существует такого высшего регулирующего органа, который распределял бы производство в соответствии со степенью насущности отдельных потребностей. Каждый капиталист производит те товары, которые он надеется сбыть с наибольшей вы-

годой для себя. Ожидаемая рыночная цена, — вот что является регулятором производства. Но производство многих товаров периодически превышает платежеспособное потребление. Огромные массы товаров не находят сбыта и совершенно гибнут¹⁾ или же должны сбываться по ценам ниже их стоимости; производство останавливается, рабочие выбрасываются на улицу. Средства производства и рабочие, оторванные друг от друга, бездействуют. Продуктивность труда резко падает. Прогрессирующая организация капитала изменила характер кризисов и переложила всю их тяжесть на плечи рабочего класса. В эпоху «свободного капитализма» рынок освобождался от избыточных товаров, не находивших себе сбыта, путем понижения их цены до той суммы, которая соответствовала бы их стоимости, если бы было произведено лишь общественно-необходимое количество. Происходило резкое падение цен, получались большие убытки, крахи и массовые банкротства. Выравнивание происходило преимущественно за счет капиталистов. Безработица длилась сравнительно недолго.

В эпоху финансового капитала, картелей и трестов перепроизводство не может принимать столь больших размеров, как при свободном капитализме, в виду большей обзримости мирового рынка. И если наступает перепроизводство, то излишки сбываются не путем понижения цен. Картели сохраняют высокие продажные цены, но уменьшают размеры производства или же совершенно приостанавливают его. Открытый крах таким образом предупреждается, банкротства редки и незначительны. Класс капиталистов теряет лишь ускользнувшую от него прибыль. *Напротив — на рабочий класс ложится всей своей тяжестью широко распространяющаяся кругом длительная безработица при оставшихся без изменения высоких ценах на продукты...* Это — новая, ползучая форма кризисов, которая, однако, больше вредит продуктивности труда, чем менее длительные острые кризисы эпохи свободного капитализма.

Меньше всего обращают внимание на тот вид анархии, который по своему вредному влиянию на продуктивность труда имеет как раз наиболее важное значение; мы имеем в виду анархию

¹⁾ К какой расточительности ведет анархическое производство сравнительно с лучше организованным показывает следующее заявление, сделанное г. Мак-Кэрди, парламентским секретарем министерства продовольствия (food controller): „Обратимся к угольному вопросу. Уголь является главным источником богатства Англии. Мы потребляем ежегодно 80 миллионов тонн угля в качестве двигательной силы (motive power). Мы тратим его на каждого рабочего, занятого в промышленности, на 50% больше, чем это имеет место в Америке, и в то же время само потребление угля производится так нерационально, таким расточительным образом, что затрачиваемая Соединенными Штатами для поддержки рабочего тонна угля дает на 50% больше помощи, на 50% больше двигательной силы чем 1½ тонны потребленного угля дают английскому рабочему. „The Times“ 10/X—1919 г. Можно себе легко представить, до каких размеров доходит расточение угля в отсталых предприятиях европейского континента.

в выборе профессий и занятий. Выбор профессии в капиталистическом обществе определяется прежде всего классовым положением родителей. Сыновья господствующих классов должны учиться, их во что бы то ни стало проталкивают через среднюю школу. Дитя бедных родителей, пусть даже в нем скрывается гений Ньютона или Лейбница, не доходит до высших классов средней школы, не говоря уже об университете. Он должен пойти па выучку, в поле, на фабрику. Отбор «носителей культуры», техников, изобретателей и организаторов распространяется, может быть, на 10% молодого поколения. Таланты остальных 90% погибают, они вынуждены заниматься всю жизнь трудом, результаты которого воспроизводят ничтожную долю вложенных в них возможностей.

Но даже в пределах границ, доступных для рабочего населения, отсутствует возможность планомерного выбора занятий. Случай решает, становится ли сын пролетария сельским рабочим, столяром, токарем, или идет в другое какое-нибудь ремесло. Его телесные и умственные способности не подвергаются исследованию. И, таким образом, многие, которые могли бы совершить много дельного, идя по своему призванию, жалко гибнут вследствие неправильного выбора профессии. Но и в рамках одной и той же профессии имеются работы, которые одним выполняются легко и хорошо, в то время как другой рабочий с одинаковой подготовкой не подвигается вперед. Производство конкретных исследований в этой области является заслугой Тэйлоровской школы, «Scientific management».

Имеются рабочие, совершенно неспособные к работе, требующей постоянного, монотонного внимания, но в то же время они прекрасно справляются с работой, требующей быстрого приспособления к часто меняющейся обстановке. Бывают работы, требующие применения постоянного, равномерного мускульного труда, и работы, при которых большое напряжение сил сменяется ничегонеделанием. Мы отклонились бы слишком далеко, если бы захотели указать на различные типы работ и наилучше соответствующие им физические и психические типы людей. Мы хотим лишь установить, что анархия в выборе призвания и в распределении труда приносит величайший вред продуктивности труда.

Интенсивность труда при капитализме остается далеко позади возможного, несмотря нанутренний контроль в крупных машинных предприятиях. Прежде всего отсутствует интерес к самому процессу труда: «Мрачное однообразие бесконечной муки труда, при котором неизменно повторяется один и тот же механический процесс, похоже на Сизифов труд; тяжелое бремя труда, подобно скале, вновь и вновь падает на истомленного рабочего. Напрягая до крайности нервную систему, машинный труд подавляет многостороннюю игру мускулов и парализует всякую свободную телесную и умственную деятельность. Даже облегчение труда обращается в орудие пытки, ибо машина

не освобождает рабочего от труда, а освобождает его труд от всякого содержания».

Так характеризует Энгельс в своем труде «Положение рабочего класса в Англии», современный промышленный труд. Интерес к работе, радость творчества исчезает у рабочего уже в силу одного разделения труда. Приученный к одной части работы, он зачастую не знает даже, какой цели будет служить продукт его труда. Оплачиваемый часовой заработной платой, он не чувствует ни малейшего интереса к результату труда. Более интенсивный труд повел бы лишь к увеличению прибыли капиталиста. И в такой же степени отсутствует у него интерес к экономии (сбережению) сырья и вспомогательных материалов, к бережному обращению с орудиями производства. Рабочий несет свое ярмо под внешним давлением надсмотрщика. Один лишь страх быть уволенным при сильном понижении средней выработки гарантирует некоторую продуктивность труда. Аккордная или поштучная плата существенно дела не меняет. Капиталисты понижают поштучную плату, как только недельный заработок рабочих переходит за пределы той суммы, которую капиталисты считают максимальной. Рабочие, однако, знают это и предупреждают понижение аккордной заработной платы: они сами устанавливают, что ни один рабочий не в праве производить в течение недели больше единиц, чем это соответствует допускаемому капиталистам на практике недельному заработку. Несмотря на аккордную плату — налицо систематическое ограничение интенсивности труда, а вместе с ней, следовательно, и продуктивности труда. Одна лишь система Тайлора, последнее слово высоко развитого американского капитализма, пыталась создать систему интенсивности, обеспечивающую прибыльность и очень высокую степень производительности, но ценой доведенного до крайности выкачивания человеческой рабочей силы, которое человеческий организм едва ли долго может выдержать. Сфера применения научного ведения предприятий пока настолько ограничена, что все это не может изменить общего нашего суждения о незначительной интенсивности и продуктивности труда. Выражаясь языком Маркса: «Общественно-необходимое рабочее время, требующееся для создания какой-нибудь потребительной стоимости при данных общественно-нормальных условиях производства и среднем общественном уровне ловкости и интенсивности»... гораздо больше, чем это было бы необходимо при других общественных отношениях.

При капитализме численное соотношение между производительными и непроизводительными членами общества по необходимости является неблагоприятным. Вследствие царящей среди широких народных масс нищеты и невежества, детская смертность там чрезвычайно велика. Так как дети бедных людей вынуждены с самого раннего возраста выполнять тяжелые работы, рабочие рано умирают, или преждевременно теряют трудоспособность. Народ, как целое, насчитывает при условиях капиталистич-

ческого производства далеко меньше индивидов работоспособного возраста и физически работоспособных, чем это имело бы место при рациональном методе хозяйственного использования человеческого материала. Из среды лиц работоспособного возраста и располагающих достаточными для работы физическими силами, *многие вовсе не работают, так как они могут жить и не работая*. Землевладельцы, домовладельцы, всякого рода рантье проводят свою жизнь, в проедании прибавочной стоимости, не занимаясь лично никаким трудом. Сюда относятся все женщины зажиточных слоев, которым принципиально не полагается заниматься производительным трудом.

В то время, как 60% мужского населения Европы занято хозяйственной деятельностью, для женщин число это падает до 25% (Philippowich, Grundriss I, 83). Но при капитализме и среди занятых хозяйственной деятельностью *миллионы людей занимаются бесполезным, непроизводительным трудом*. К ним относятся все те, доход которых составляет накладные расходы (*faux frais*) капитализма, а именно: все органы, призванные «охранять частную собственность» (сторожа, полицейские, судьи, адвокаты, чиновники и т. д.), весь аппарат милитаризма и все рабочие, занятые производством предметов военного снаряжения, все лишние агенты обращения товаров (торговые воляжеры, торговые и банкювые служащие и т. д.), далее, вся домашняя прислуга, поскольку она одновременно не занимается производительным трудом. При помощи детальной статистики профессий возможно было бы приблизительно установить, какая часть людей, занятых хозяйственной деятельностью, ничего не прибавляет к общей сумме производительного труда.

Отсюда мы видим, что капитализм ведет свое хозяйство с громадным расточением человеческой рабочей силы. Неработающие богачи, женщины зажиточных кругов, большое количество лиц, занятых непроизводительным трудом, преждевременно болеющие хроническими болезнями, и преждевременно потерявшие трудоспособность, вследствие непосильного труда и плохого питания, жертвы бесчисленных несчастных случаев во время работы, сокращение продолжительности жизни рабочих масс, наконец, жертвы империалистических войн: *мы приходим к выводу, что капитализм использует для действительного производительного труда примерно только половину того числа трудоспособных, которое та же нация могла бы дать в распоряжение рационального общественного строя*.

* * *

Теперь перейдем к рассмотрению отдельных факторов продуктивности труда в государстве, где средства производства являются не частной собственностью, а составляют собственность всего общественного коллектива, где производство ведется планомерно, а результаты производства—при устранении всякого рода

нетрудовых доходов—распределяются между рабочими по твердо установленным правилам соответственно выполненной ими работе. Речь идет здесь, следовательно, не о полном коммунизме в его высшей форме, *при котором каждый человек работает в соответствии со своими силами и потребляет соответственно своим потребностям*. Хозяйственная система, покоящаяся на таком базисе, могла бы существовать лишь после окончательного исчезновения эгоистически-алчного типа людей, — развившегося на почве господствовавшей тысячелетиями системы частной собственности. Когда именно завершится это превращение в идеологической надстройке, в душевном мире человека, после изменения материального базиса, переворота в отношениях собственности, об этом мы здесь загадывать не станем. История показывает нам упорную живучесть идеологии: она держится в умах еще долго после изменения материального базиса. «Предания всех мертвых поколений тяготеют кошмаром на умах живых», говорит Маркс. *Мы исследуем поэтому видоизменение продуктивности труда в переходный между капитализмом и коммунизмом период, который характеризуется политически диктатурой пролетариата, а экономически тем, что средства производства, хотя в большей своей части уже обобществлены, но находятся в пользовании поколений с эгоистически-алчной психологией времен капитализма*. В этой главе наше исследование — чисто теоретическое. В следующих главах мы постараемся вскрыть все встречающиеся на практике трудности, исходя при этом из русского и венгерского опыта.—Sine ira et studio.

* * *

Рациональность труда сильно повышается с повышением интеллектуального уровня трудящихся. Но всякая пролетарская власть с самого начала вводит *абсолютное запрещение употребления спиртных напитков*; приступает немедленно к школьному строительству, к элементарному обучению как взрослых, так и детей и юношества; превращает современную, чисто теоретическую школу в трудовую, где физическому труду обучают одновременно с научными дисциплинами; заменяет консервативную идеологию, зиждущуюся на вере в авторитет, свободным рациональным мировоззрением. Даже абсолютно враждебно настроенные против большевизма писатели признают его громадные достижения в области культурной политики. Таким путем быстро поднимается интеллектуальный уровень трудящихся, чем и создаются основы повышения рациональности и продуктивности труда, хотя бы на первых порах рациональное управление промышленными предприятиями и страдало вследствие отказа от сотрудничества или саботажа лучших буржуазных техников. Быстрое распространение технических и технологических знаний среди рабочих во всяком случае поведет к скорому ограничению монополии в этих областях прежних технических руководителей.

Говоря теоретически, *производительность труда*, может лучше развиваться в силу того, что отпадают рамки капиталистической прибыли. Введение технических новшеств, возведение новых промышленных сооружений не обусловлено уже больше тем, чтобы они непременно приносили среднюю прибыль. Достаточно, если нововведения эти повышают продуктивность труда и покрывают затраченные на них издержки производства.

«Если рассматривать машину исключительно, как средство удешевления продукта, то граница ее применения определяется тем, что труд, которого стоит ее производство, должен быть меньше того труда, который замещается ее применением. Однако, для капитала эта граница очерчивается более узко. Так как он оплачивает не применяемый труд, а стоимость применяемой рабочей силы, то для него применение машины целесообразно лишь в пределах разности между стоимостью машины и стоимостью замещаемой ею рабочей силы... Поэтому в Англии в настоящее время изобретаются машины, которые находят себе применение только в Северной Америке, как Германия XVI и XVII веков изобрела машины, которые применялись только в Голландии (Маркс, «Капитал», т. I, стр. 385, по перев. Степанова и Базарова. Москва, 1920).

Но в то время, как технические нововведения наталкиваются вначале на большие затруднения, может быть, однако, немедленно приступлено к планомерному строительству хозяйственной жизни, в первую очередь к планомерной *концентрации промышленного производства* в наиболее крупных, наилучше оборудованных и наиболее выгодно расположенных предприятиях.

Каутский высказывает следующее предположение¹⁾: В текстильной промышленности Германии было в 1917 г. занято круглым счетом 1.000.000 рабочих, из них 368.000 человек работало в предприятиях, насчитывавших более 200 рабочих. Если бы концентрировать всех рабочих на этих крупных предприятиях, то для того, чтобы при наличном оборудовании занять всех рабочих, пришлось бы работать в три смены. Во избежание ночных работ, Каутский принимает пятичасовую смену! Общая производительность того же количества рабочих была бы, по предположению Каутского, несмотря на сокращенное до 5 часов рабочее время, в два раза больше, чем раньше в мелких предприятиях при десятичасовом рабочем дне. Мы не беремся решить, правильны ли предположения Каутского или интересные вычисления Баллода, приводимые в его труде «о государстве будущего». Мы знаем также по опыту, что концентрация всего производства в крупных предприятиях наталкивается на большие практические затруднения. Несомненно лишь то, что плановое хозяйство и всеобъемлющая концентрация производства осуществимы лишь при диктатуре пролетариата.

¹⁾ К. Каутский. «Социальная революция», II, 87.

Возможно также немедленно приступить к устранению анархии производства. Вместо разнообразных типов товаров могут производиться нормализованные и типизированные изделия. Никакие частные интересы прибыли уже не препятствуют самой широкой специализации отдельных предприятий. Нет более патентов и фабричных тайн, которые служили бы интересам прибыли в ущерб продуктивности. Кризисы смягчаются, так как нет уже места бессистемному производству на рынок, а производство приспособляется к потребностям. При диктатуре становится уже почти невозможным, чтобы товары не находили сбыта из-за того, что при данном распределении доходов отсутствуют платежеспособные покупатели. Нет больше перепроизводства, возможно лишь недопроизводство. *Анархия в выборе профессии занятий постепенно исчезает.* Отбор руководителей, носителей культуры совершается уже из всего молодого поколения, а не только из узкой среды буржуазных сынков. Выбор призвания не является уж больше игрой случая: специалисты решают, исходя из научных данных, к какому призванию и к каким видам труда то или иное лицо наиболее подходит. Все эти моменты вместе взятые в сильной степени способствовали бы поднятию продуктивности труда.

Интенсивность труда в начале диктатуры пролетариата будет падать. Но впоследствии она поднимется значительно выше той ступени, которая возможна при капитализме. В интересах производительности должны, правда, сохраниться наибольшие разделение и специализация труда, а вместе с тем и монотонность работы. Напротив, повышению интенсивности труда будет сильно способствовать: сокращение рабочего времени, гигиенически-эстетическое устройство рабочих помещений, сознание трудящегося, что он работает на всех, а значит, и на самого себя, а не на эксплуатирующего его капиталиста. Рабочее самоуправление на фабриках, постепенная ориентировка во всем производственном процессе, возможность перемены рода работы, благодаря более разностороннему образованию, получаемому в трудовой школе, поведут к смягчению убивающей душу монотонности (однообразия) трудового процесса в крупных промышленных предприятиях с характеризующим их разделением труда. Мы не будем отрицать, что все эти моменты, способствующие поднятию интенсивности труда, проявятся в полной мере лишь по истечении некоторого периода времени. На первых порах переходного времени, пока продолжает господствовать эгоистически-алчная идеология, сохранение аккордной заработной платы является абсолютной необходимостью, так же как и применение приспособленной к данным условиям системы Тайлора.

Необычайное значение будет иметь вопрос об увеличении относительной численности производительных рабочих.

Экспроприация источников нетрудового дохода вынуждает к немедленному отказу от услуг свиты слуг и нахлебников, при-

нуждает прежних рантье к работе. Систематически применяемое принуждение к труду действует в том же направлении. Планомерная организация хозяйства сокращает число работающих непродуктивно; эти «faux frais», эти непроизводительные издержки капиталистического хозяйства исчезают. После завершения революционных освободительных войн, вся, поглощаемая армией человеческая масса освобождается для производительной деятельности. Превращение торговли в государственную распределительную организацию, централизация банкового дела также освобождают большую массу рабочей силы.

Все это пока—и это, необходимо отметить—лишь потенциальная рабочая сила: одной из самых трудных задач диктатуры является организационное проведение принципа трудовой повинности, превращение каждого трудоспособного в производительного рабочего.

Теоретически не подлежит никакому сомнению превосходство коммунистического способа производства над капиталистической анархией. В дальнейшем мы рассмотрим все практические затруднения переходного времени.

Все эти трудности,—повторяю,—вытекают из того основного факта, что не все средства производства могут быть отчуждены одним ударом, и что во владение отчужденными средствами производства вступает рабочее поколение, развращенное капитализмом, воспитанное в хищнически-эгоистической обстановке. Идеологическая надстройка может лишь с запозданием последовать за постепенным изменением материального базиса.

III. Понижение жизненного уровня индустриального пролетариата при начале пролетарской диктатуры.

Мы видели уже, что существо современного кризиса капитализма заключается в противоречии требований рабочими реального повышения их жизненного уровня, с одной стороны, и экономической невозможности удовлетворить эти требования в рамках капиталистической системы—с другой. Мы показали, что с чисто теоретической точки зрения коммунистическое производство гораздо продуктивнее капиталистического и поэтому скорее в состоянии предоставить рабочим требуемое ими повышение жизненного уровня ¹⁾. Однако мы должны теперь добавить, что как раз для индустриального пролетариата, для передового отряда революции, это может наступить только через сравнительно долгий промежуток времени, *что при начале пролетарской диктатуры неизбежно дальнейшее падение жизненного уровня городского пролетариата.*

Это утверждение находится на первый взгляд в противоречии с тем фактом, что диктатура как раз и начинается с отчуждения частной собственности на средства производства, с конфискации миллиардов нетрудового дохода. Казалось бы естественным предположить, что тем самым обеспечивается возможность надлежащего повышения жизненного уровня пролетариата.

На самом деле это не так. Мы должны снова указать на тот факт, который обстоятельно разработан Кенэ, а позднее и Марксом: а именно, что потребление капиталистического класса в его натуральном виде состоит из таких благ, которые при капитализме не идут для потребления рабочих и—добавим мы—также и при диктатуре непригодны для того, чтобы создать возможность всеобщего повышения жизненного уровня рабочих масс. Можно, преодолевая сильные затруднения, расселить пролетариев в дворцах богачей. Но это может устранить лишь очень малую долю жилищной нужды. Что же касается других благ, на которые господствующий класс расточал миллиарды годового дохода: всей этой роскоши в одежде, украшениях и прислуге, в лошадях и охот-

¹⁾ Маркс. „Капитал“ т. II/3.

ничьих собаках, автомобилях, яхтах и т. д., и т. д.—все это в своей натуральной форме непригодно для массового потребления пролетариата. Для повышения своего жизненного уровня пролетариат нуждается прежде всего в предметах продовольствия ¹⁾, а затем в некоторых массовых изделиях промышленности: мебели, платье, белье, топливе. Отчуждение средств производства, экспроприация нетрудового дохода несколько не увеличивают находящегося в руках рабочего класса запаса этих благ. Если даже отчуждение у буржуазии средств производства проведено самым основательным образом, у нее все же остаются наличные деньги, бриллианты, платье, белье, домашняя обстановка,—как никак достаточные для того, чтобы в продолжение многих лет наесться досыта. Путем ограничения господствующих классов в потреблении предметов роскоши, невозможно увеличить количество потребительных благ для пролетариата.

Но на первых порах при диктатуре невозможно к тому же и повысить производство этих благ. В первой главе мы уже говорили о том, что при капитализме производство всегда находится в соответствии с тем или иным установившимся в данное время распределением дохода. При отсутствии высшего регулирующего органа, который приводил бы в гармонию потребности и производство, исключительно «спрос» разрешает вопрос о том, что может быть произведено с достаточной прибылью. Но мало того, что производится именно то, на что существует «платежеспособный» спрос—будь то мишура для дам полусвета или вышивки для святых алтарей: производственный аппарат во всей своей структуре приспосабливается к производству этих «ходких» товаров. Мало того, что экспроприация экспроприаторов еще не означает немедленного прироста потребительных благ для пролетариата: унаследованный от капитализма производственный аппарат не может быть просто обращен на производство тех благ, которые, являясь предметами потребления рабочего класса, сразу

¹⁾ Несчетное число раз доказанный статистикой факт, что всякое повышение дохода на низших ступенях влечет за собой сильное увеличение расходов на предметы продовольствия, хотя и процентное отношение той части дохода, которая тратится на предметы продовольствия, падает. Приведу только один из многих примеров. Обширное немецкое обследование бюджетов малоимущих семейств (Erhebungen von Wirtschaftsrechnungen minderbemittelter Familien i. Deutschen Reich: Bearb. im Kaiserl. Statist. Amte) показывает следующую картину:

Ступени дохода марок.	Средний доход марок.	Расход на питание марок.	В процентах
ниже 1200	1074	582,10	54,2
1200 — 1600	1437	784,60	54,6
1600 — 2000	1802	919,20	51,0
2000 — 2500	2213	1062,24	48,1
2500 — 3000	2714	1151,68	42,7
3000 — 4000	3386	1280,06	38,1
4000 — 5000	4333	1421,22	32,8

повысили бы его жизненный уровень. *Неизбежна перестройка всего производственного аппарата, перемещение рабочей силы из производства предметов роскоши в производство предметов массового потребления*, прежде чем может быть значительно расширено производство этих благ. Пока же, в этот начальный период диктатуры происходят глубокие сдвиги в распределении наличных или производимых в текущем хозяйственном периоде предметов продовольствия, что неизбежно ведет к ухудшению положения городского индустриального пролетариата. Для освещения этого вопроса нам придется несколько вернуться назад.

Во всех европейских странах, в том числе и в так наз. аграрных, бедных странах Восточной и Средней Европы, города в мирное время всегда были вполне обеспечены съестными припасами. Представлялось совершенно немыслимым, чтобы кто-либо за деньги не мог получить необходимых ему предметов питания. Это отнюдь, конечно, не означало, что всякий наедался до-сыта; кто не имел дохода, принужден был и тогда голодать. Но всякий денежный доход легко было превратить в предметы продовольствия.

Как получали города это продовольствие от деревни? *Формально*, разумеется, только взамен всеобщего эквивалента, за денежную плату. *Реально* же из различных источников, отчасти взамен равноценных городских благ, промышленных изделий, которыми города снабжали деревню, отчасти же как *натуральную форму нетрудовых доходов*: в виде *земельной ренты крупных землевладельцев, налогов и других платежей крестьян*. Крупные землевладельцы потребляли свою земельную ренту в городах, они продавали предметы продовольствия, воплощавшие их земельную ренту, на городских рынках! Точно так же и крестьяне привозили свои продукты на городской рынок, не получая за них реального эквивалента: выручка служила им для уплаты разного рода налогов. И все эти страны не только сполна обеспечивали свои города, — у них оставались еще большие излишки продовольственных припасов для экспорта в западные страны.

Но снабжение городов и вывоз предметов продовольствия был возможен лишь благодаря тому, что потребление сельско-хозяйственных батраков, миллионов необученных рабочих держалось на *чрезвычайно низком уровне*. Среднее потребление хлеба, мяса, сахара, напр., венгерцев значительно отстает от потребления тех же предметов германцами, французами или англичанами. Да и что мог потреблять венгерский сельско-хозяйственный рабочий, годовой заработок которого в 1913 г., согласно официальной статистики, определялся менее чем в 400 крон! Но и питание самостоятельного мелкого хозяина было довольно скудное: в хлебе, правда, у него недостатка не было, но зато мясо он мог позволять себе только по воскресеньям. Экспорт предметов продовольствия и достаточное обеспечение городов было

возможно лишь благодаря очень плохому питанию сельско-хозяйственного трудового населения. Это в одинаковой степени относится как к Венгрии, так и к России и Румынии.

Война нарушила равновесие между установившимся распределением дохода, с одной стороны, и продовольственным снабжением — с другой. Всеобщая дороговизна изменила распределение дохода в пользу производителей — в ущерб тем, которые жили своею заработной платой. Городское население могло теперь покупать меньшее, чем раньше, количество предметов продовольствия, так как повышение заработной платы и жалованья не поспевало за ростом дороговизны. С другой стороны, номинальная ценность платежей, лежавших на сельско-хозяйственных производителях, — налоги, проценты, арендная плата — оставалась та же. Если эти три статьи для старой Венгрии мы примем круглым счетом в полмиллиарда крон в год, то при довоенной цене в 25 крон за метрический центнер это соответствует количеству в 20 миллионов метрических центнеров пшеницы. (Все продукты переведены здесь на пшеницу). При цене же во время войны в 60 — 80 крон за пшеницу крестьяне в состоянии были покрыть все обязательства деревни по отношению к городу 6 — 9 миллионами метрических центнеров. Каждому отдельному крестьянину приходилось отдавать городу в виде налогов, процентов или земельной ренты, значительно меньшую часть своего урожая, чем раньше. В распределении дохода произошел сильный сдвиг в пользу деревни, в пользу сельского хозяйства. Крестьянин погасил свои долги, город уже не получал больше процентов в виде предметов продовольствия. Жизненный уровень крестьянства повысился.

Это повышение нашло свое выражение, в первую очередь, в лучшем питании. Запросы крестьянства, находившегося на низкой ступени культурного развития, на продукты городской промышленности и культуры почти не увеличились. Но если бы даже крестьянин и захотел купить что-либо из продуктов промышленности, для личных ли нужд или для обновления своего хозяйственного инвентаря, это оказалось бы для него невозможным, ибо вследствие блокады и перехода промышленности на военное производство, на рынке царил всеобщий недостаток в товарах. Главным результатом изменения, происшедшего в распределении дохода, явилось улучшенное питание сельского населения. Весьма образно выразил это в следующих словах один венгерский крестьянин: «Прежде я тащил уток на рынок, а сам ел картошку, теперь же я продаю картошку, а жареных уток съедаю сам». Город стал получать от деревни все меньше и притом все худшие по качеству предметы продовольствия. Но и город не в состоянии был компенсировать деревню реальными благами. Деньги, которые до войны в товарообмене между городом и деревней играли только посредническую роль, постепенно изменили свою функцию. Город покупал за деньги, но не был в состоянии

компенсировать деревню реальными благами. Некоторое время крестьянин шел на это: он юнил деньги в своих сундуках, как сокровище; но, наконец, он пресытился собиранием золотых и серебряных монет и раскрашенных синих бумажек. Повышение жизненного уровня приняло самую опасную в хозяйственном отношении форму: *сельский хозяин стал мало работать, мало производить и отдавал продовольственные излишки только в обмен на реальные блага.*

В Венгрии так же, как и в Германии, Австрии и России деньги еще до пролетарской диктатуры перестали быть всеобщим эквивалентом, столь горячо и всегда желанным всеобщим воплощением общественного богатства.

Таким образом, крестьяне стали доставлять в города все меньшее количество предметов продовольствия. Революция Кароли, а еще в большей степени диктатура пролетариата смела продовольственные излишки крупных землевладельцев, которые в мирное время также попадали в города, представляя овеществленную форму земельной ренты. Дело в том, что заработная плата сельско-хозяйственных батраков и сезонных рабочих (жнецов и друг.) очень быстро повышалась. *И это повышение было реальным, ибо поднималась заработная плата, выдававшаяся не деньгами, а все падающей покупательной силы, а действительными благами.* Количество получаемых в качестве заработной платы продуктов, как-то: хлеба, сала, молока, удвоилось; жнецы, работавшие до войны за десятую часть урожая, получали при диктатуре пролетариата восьмую, даже седьмую часть его. *Выигравшими от революции Кароли и диктатуры пролетариата оказались сельско-хозяйственные рабочие и деревенская беднота, жизненный уровень которых, в особенности в отношении питания, поднялся беспримерно высоко.* И действительно, часть сельско-хозяйственных рабочих правильно оценила диктатуру: набранные в деревнях полки Красной армии дрались храбро до самого конца. К сожалению, просветительная работа длившейся всего 4½ месяца диктатуры не была достаточна, чтобы вырвать из тысячелетней летаргии сотни тысяч сельско-хозяйственных рабочих и вызвать их к активной политической жизни.

Это в широком масштабе ишевшее место повышение жизненного уровня сельско-хозяйственных рабочих,—что, несомненно, должно наступить при всякой пролетарской диктатуре — по существу дела означает уничтожение земельной ренты в социализированных крупных имениях; с точки же зрения материального снабжения оно обозначает, что из произведенного в крупных имениях продовольствия в города попадает и может быть употреблено для снабжения городского пролетариата гораздо меньшее количество, чем в то время, когда сельско-хозяйственный пролетариат терпел нужду. И это потому, конечно, что крупный землевладелец не потреблял своей ренты сам, но продавал ее в

форме продовольственных продуктов городу и получал взамен продукты промышленности и предметы роскоши.

Итак, диктатура пролетариата, несмотря на отчуждение не-трудового дохода господствующих классов, не может принести индустриальному пролетариату действительное повышение его жизненного уровня, ибо нехватает необходимых для этого добавочных запасов продовольствия. И это тем более, что к представленным до сих пор экономическим мотивам присоединяется еще мотив *политический*. Крестьяне отказываются доставлять продовольствие рабочим. Таким образом, для промышленного пролетариата, учредившего свою диктатуру, улучшение питания в первые годы диктатуры, по крайней мере в восточных государствах Европы, где натуральная оплата сельско-хозяйственных рабочих весьма в ходу — оказывается невозможным; напротив, почти неизбежно ухудшение, ибо реальное повышение жизненного уровня сельско-хозяйственного пролетариата поглощает значительную долю продовольствия, попадавшего до сих пор в города. И даже в таких странах, как Англия, где в сельском хозяйстве применяется чисто денежная оплата труда, весьма вероятно, что сельский пролетариат, живущий и работающий у самого источника продовольствия, получит весь тот излишек продовольствия, который соответствует его повышенному доходу, оставляя меньше для городского промышленного пролетариата. Для тех же стран, существование которых основано на постоянном и значительном ввозе предметов продовольствия из-за границы, проблема представляется еще более сложной. Рассмотрением этого вопроса мы займемся в главе о международном обмене благ.

Но без коренной перестройки производственного аппарата нельзя удовлетворить и остальных притязаний промышленного пролетариата. Жилищную нужду как это показывает деятельность жилищных отделов в Будапеште и провинциальных городах, можно лишь в очень малой степени смягчить путем конфискации жилищ буржуазии и приспособления ставших излишними торговых помещений. То же самое мы испытали и в отношении мебели. С повышением дохода промышленного пролетариата возник колоссальный спрос на шаблонную мебель. Производство же, приспособлявшееся до сих пор к капиталистическому распределению дохода, не было пока в состоянии отвечать этим новым требованиям.

Мы пришли таким образом к тому выводу, что диктатура пролетариата как раз знаменует начало нового общественного порядка, промышленному пролетариату, может дать только моральное и культурное повышение жизненного уровня (театр, музыка, библиотеки, бани и т. п.). Что же касается материальных благ, то в этом отношении неизбежно дальнейшее падение его жизненного уровня. Это должно быть с полной откровенностью сказано авангарду промышленного пролетариата. Что это вовсе не должно непременно препятствовать

укреплению господства пролетариата, доказывает пример России, где промышленный пролетариат с его развитым классовым сознанием, несмотря на ужаснейшие лишения, твердо стоит за диктатуру. С другой стороны, необходимо подчеркнуть, что промышленные рабочие Венгрии в период пролетарской диктатуры были абсолютно и относительно лучше обеспечены, чем теперь, в период диктатуры буржуазии. Относительно особенно потому, что *теперь голодает только пролетариат, а буржуазия открыто пирует и кутит*. Наоборот, во время диктатуры пролетариата государственное снабжение имело в виду в первую очередь пролетариат; так как государственное распределение продовольствия происходило по принципу «классового пайка», то продуктами снабжались прежде всего трудящиеся.

Разрешение противоречия между политическим господством пролетариата и неизбежным понижением его жизненного уровня не может состоять ни в чем ином, как в приспособлении производства к новому распределению дохода: *отмене всякого рода производств предметов роскоши и повышении производства предметов массового потребления, главным же образом, в мощном расширении сельско-хозяйственного производства*. Экспроприация средств производства, устранение прибыли, как единственного регулятора производства, теоретически дают к тому полную возможность.

«... С развитием капиталистического производства... все большая часть рабочих, вообще занятых производством предметов потребления, в которых реализуются доходы, производит предметы потребления для капиталистов, помещиков и их клики (государственных чиновников, церковных лиц и т. д.), для израсходования их доходов. Лишь незначительная часть рабочих производит предметы, предназначенные для реализации доходов рабочих. Но это опять-таки не следствие, а причина. С изменением социальных отношений между рабочим и капиталистом, при революционном преобразовании капиталистических производственных отношений это немедленно изменилось бы. В физических, — шажем это так, — отношениях производства не заключается ничего такого, что принуждало бы к этому (т.-е. к вышеупомянутой пропорции в производстве предметов потребления для капиталистов и рабочих). Раз у руля находится рабочий класс, раз он получил власть производить для себя, то он очень быстро и без труда поднимет капитал (выражаясь языком вульгарных экономистов) на высоту своих собственных потребностей.

Вся разница состоит в том, противостоят ли рабочему классу имеющиеся при капитализме средства производства в форме капитала и, следовательно, могут быть применены для него лишь постольку, поскольку это необходимо, чтобы увеличить прибавочную стоимость или прибавочный продукт для его эксплуататоров; дают ли эти средства производства занятие рабочим или же последние, в качестве субъектов, применяют средства про-

изводства, как объекты, чтобы создавать богатства для себя ¹⁾).

Маркс резко противопоставляет экономическую политику капитала политике установившего свое господство пролетариата. Благодаря экспроприации средств производства, политическое господство пролетариата приводит фактически к повышению жизненного уровня трудящихся масс. Но эта перемена не может совершиться *«немедленно»*, даже и в том — политически едва ли вообще мыслимом — случае, если при захвате политической власти пролетариат перенял бы от буржуазии совершенно исправный производственный аппарат вместе со всеми нормальными запасами. Основным условием повышения жизненного уровня является поднятие сельско-хозяйственного производства; но это последнее связано с годовым, а в некоторых отраслях даже с многолетним производственным периодом. Для производства предметов потребления, на которые в усиленной степени предъявляет требование пролетариат, должны быть установлены новые обширные промышленные предприятия, сделано новое оборудование, а это одно потребует целого ряда лет. Следовательно, к переустройству возможно приступить *«немедленно»*, но *результаты в ближайшее время скажутся только спустя ряд лет.*

Однако, этот аппарат достался русскому и венгерскому пролетариату неисправным, совершенно разрушенным, а войной обреченным на полную гибель. И Маркс в вышеупомянутом месте прибавляет: «Мы предполагаем, конечно, что развитие капиталистического производства подняло производительные силы труда на ту ступень, на которой вообще возможно наступление революции».

Тот производственный аппарат, в обладании которого очутился русский или венгерский пролетариат, без сомнения, достиг необходимой для успеха пролетарской революции ступени развития. Хотя в промышленности сохранилось еще большое число мелких предприятий, но на-ряду с этим ушла далеко вперед концентрация производства, развитие крупных предприятий, и совершенно правильно признал уже Каутский, что о зрелости к социальной революции можно судить не по тому, сколько еще сохранилось пережитков старого способа производства, а исключительно по тому, какое значение приобрели носители будущего способа производства, т.-е. крупные предприятия. Можно считать несомненным, что налицо были и другие необходимые предпосылки — кадр квалифицированных рабочих, техников, администраторов предприятий. Но реорганизация и развитие производства в той степени, в которой это необходимо для улучшения условий жизни пролетариата, чрезвычайно затруднялись тем, что как русскому, так и венгерскому пролетариату, достался в наследство аппарат отнюдь не исправный, а запущенный во время войны, изношенный и полуразрушенный, который для того

¹⁾ Marx, „Theorien über den Mehrwert“, II, 2, стр. 376.

только, чтобы продолжать производство в старом масштабе, нуждался в самом основательном ремонте.

Диктатура пролетариата установилась не там и не тогда, где и когда материальные предпосылки нового общественного строя были больше всего развиты в недрах старого, а там, где оказалось наиболее подорванной, вследствие военного поражения, организация насилья господствующего класса. Но военное поражение как раз и вызывалось предшествующим разрушением материальных и человеческих производительных сил и недостаточностью их для продолжения войны.

Наконец, ни русский, ни венгерский пролетариат не могли отдавать все свои силы делу переустройства производства, так как прежде всего они должны были отстаивать свое политическое господство от надвигавшихся на них со всех сторон враждебных империалистических сил и поддерживаемой этими последними действиями и оружием внутренней контр-революции.

Резюмируя, можно сказать следующее: пролетариат завоевывает политическую власть прежде всего с намерением улучшить свой жизненный уровень. Повышение жизненного уровня осуществляется немедленно для сельско-хозяйственного пролетариата; оно, однако, является невозможным для передового отряда революции, для промышленного пролетариата. Временю, правда, путем хищнического хозяйства, усиленного убоя скота и т. д., может быть улучшено жизненное положение и промышленных рабочих, однако, это улучшение не могло бы длиться долго. Внутреннее противоречие заключается в том, что пролетариат может захватить политическую власть лишь в такой момент, когда сила господствующих классов расшатана: но этому по необходимости предшествует такая сильная дезорганизация производственного аппарата, что до поры до времени улучшение жизненного уровня индустриального пролетариата оказывается невозможным. Это решительно и с полной откровенностью должно быть сказано промышленному пролетариату, чтобы, ради прозрачных перспектив улучшения его продовольственного положения, он не поворачивался спиной к пролетарской диктатуре, как это имело место в Венгрии.

Наконец, заметим еще, что помочь этому горю не может никакое, даже самое резкое, повышение денежной заработной платы. В течение войны деньги во всех государствах превратились в непокрытые государственные бумажные деньги. Ценность находящихся в обращении денег уже не определяется ценностью обращающихся товаров¹⁾. Настоящие деньги—будь то золото или банкноты с золотым покрытием, или непокрытые банкноты, но выдаваемые в виде ссуды частным лицам лишь для нужд.

¹⁾ Количество находящихся в обращении денег=сумме товарных цен, деленной на число оборотов одноименной монеты. См. Маркс, „Капитал“, т. I, гл. 76.

реального их товарооборота, — по мере того, как они становятся излишними для обращения товаров, возвращаются к эмиссионному банку или же накапливаются в отдельных хозяйствах в виде полноценного сокровища. Мы говорим — полноценного, потому что в любой момент оно может быть превращено в реальный капитал.

Совершенно иначе обстоит дело с бумажными деньгами, выпускаемыми в оборот для формального покрытия государственных расходов: количество их уже не приспособляется к общей ценности поступающих в оборот товаров. Наоборот: в условиях конкуренции цена растет пропорционально росту номинальной суммы насильно внедряемых в оборот бумажных денег ¹⁾. Диктатура пролетариата уничтожает свободную конкуренцию. Потребление важнейших благ подвергается регулированию со стороны государства. Какие бы размеры ни приняла заработная плата, пролетариат все равно не в состоянии реально улучшить своего положения; единственным последствием высокой денежной платы явилось бы то, что деньги обесцененные, не способные превратиться в товар, накапливались бы у рабочих, или же служили бы только для того, чтобы взвинтить цены на остающиеся еще немногие свободные, ненормированные товары до недостижимой высоты. Высокая денежная заработная плата имеет значение для промышленного пролетариата лишь постольку, поскольку при продолжающейся вначале еще анархии снабжения она ставит пролетариат на одну доску с буржуазией, давая ему возможность приобретать предметы продовольствия на подпольном рынке.

Таким образом, жизненный уровень пролетариата может быть повышен только тогда, когда новое пролетарское производство достигнет своей полной зрелости. А отсюда вывод: *для осуществления социализма каждый сознательный пролетариат должен уметь не только бороться, но и терпеть лишения.*

Венгерские рабочие, благодаря недостатку революционного воспитания и отсутствию организованной коммунистической партии, не хотели платить никакими лишениями за свою власть, за свою социалистическую будущность. Они требовали немедленного улучшения своего положения, а так как это было невозможно, они отвернулись от идеала пролетарской власти. Такое настроение в умах пролетариата было использовано всеми слоями контр-революции и явилось главной причиной успеха румынского нападения.

¹⁾ Рудольф Гильфердинг, „Финансовый капитал“, стр. 50.

IV. Экспроприация экспроприаторов.

Вооруженная политическая власть дает возможность осуществить экспроприацию экспроприаторов. Величайшая трудность—сопротивление классового государства и его вооруженной классовой силы—устранено. Между тем, осуществление экспроприации вызывает сложные практические проблемы.

Прежде всего необходимо решить, *что* подлежит экспроприации—целое ли предприятие, как таковое, отдельные ли производственные единицы (Betriebe), или, наконец, одни лишь средства производства в их натуральной форме. Если отчуждается *предприятие*, то к государству переходят все входящие в его состав производственные единицы со всем активом и пассивом, как одно коммерческое целое. Если же отдельные эти производственные единицы (Betriebe) отчуждаются порознь, то сложившееся в них единство разрывается, но активы и пассивы все же будут, или могут быть приняты государством.

Если же, наконец, экспроприации подвергают средства производства в их натуральной форме, т. е. постройки, машины, сырье и готовые продукты, то в таком случае долги и требования теряют свое значение. Самым радикальным и соответствующим всей сущности пролетарской диктатуры является последнее решение вопроса. В Венгрии была избрана первая форма экспроприации—то же самое, как мы полагаем, имело место и в России. В Венгрии в этом отношении решающими были двоякого рода соображения: во-первых, соображения, касавшиеся иностранного капитала. (к этому мы вернемся впоследствии), во-вторых,—касавшиеся тех хозяйств, которые продолжали вестись на правах частной собственности. Прибегая к отчуждению в натуральной форме, казалось неделовым просто аннулировать долги крестьян, промышленников и торговцев. При этом, правда, исчезли бы также и долги отчужденных предприятий; но так как сумма, выдаваемая с текущих счетов для личного потребления и так уже была ограничена 2000 кронами в месяц, то временное признание долгов отнюдь не превышало тех выгод, которые вытекали из сохранения в силе требований к неэкспроприированным представителям имущего класса.

Затем возник вопрос, каким образом, в каких технических формах имеет быть произведено отчуждение.

Прежде всего предприятия должны перейти в общее владение *всех трудящихся*. Поэтому с самого начала должны быть приняты меры к тому, чтобы рабочие отдельных предприятий не присваивали себе средств производства, как свою частную собственность, не растаскивали бы их, как это многократно имело место в России с оборудованием и скотом крупных имений. Во-вторых, необходимо заботиться о том, чтобы в момент изъятия средств производства из распоряжения бывших буржуазных управляющих и владельцев предприятий по возможности не нарушалась непрерывность хода производства. В Венгрии удалось то и другое. Нигде рабочие не дотрагивались до инвентаря предприятий и непрерывность производства в сколько-нибудь серьезной степени ¹⁾ с момента провозглашения диктатуры почти не была нарушена. Движимая стремлением показать миру, что диктатура не означает разрушения народного хозяйства, венгерская Советская власть принимала все меры к предупреждению нарушения непрерывного хода производства и делала это часто во вред своим политическим целям.

Для того, чтобы мог состояться переход предприятий из распоряжения капиталистов в распоряжение пролетариата, необходимо было создать новые пролетарские органы: фабрично-заводские советы и комиссаров по организации производства. Но прежде чем перейти к этому вопросу, мы должны установить принципиальную позицию к вопросу, подвергавшемуся многократно обсуждению, — вопросу о том, *созрел ли уже пролетариат* для управления производством.

В этом пункте расходятся взгляды коммунистов и социалистов на задачи пролетариата в настоящий момент. Коммунисты полагают, что пролетариат достаточно созрел для того, чтобы обходиться без капиталистического руководства в области производства, что необходимые для руководства производством навыки и умение могут быть приобретены пролетариатом лишь путем практики, овладевая политической и экономической властью. Социал-демократы, наоборот, того мнения, что пролетариат не обладает еще необходимой зрелостью для управления производством. Они в виду этого полагают, что пролетариат должен и интеллектуально и морально пока что подготавливаться, чтобы достичь той зрелости, какая необходима для перенятия политической и экономической власти. И поэтому экспроприация должна совершаться постепенно, расширяясь в соответствии с ростом зрелости пролетариата; в противном случае вместо долгожданного социализма наступит хозяйственный хаос.

¹⁾ Были лишь единичные случаи, когда рабочие портняжных мастерских изготовляли для себя платья из наличных в мастерских материалов и сами устанавливали для себя весьма низкие цены. Прямых хищений и драж почти нигде не было.

Те, кто отказывают пролетариату в зрелости, необходимой для руководства народным хозяйством, основываются в своей аргументации на том, что управление современным предприятием требует многосторонних познаний, специальных способностей и организационного таланта. Мы рассмотрим поэтому прежде всего функции управления предприятием в условиях капиталистического строя. Мы находим, что эти функции могут быть разложены на три основных функции:

1. *Коммерческое управление.* Оно охватывает работу по учреждению и финансированию предприятия, закупку сырья и вспомогательных материалов, калькуляцию, сбыт продуктов и проч. Большой навык, знание людей и рынка, организаторский талант и отсутствие щепетильности,—вот что необходимо для этого.

2. *Техническое руководство.* Оно имеет значение лишь в промышленных предприятиях, в материальном производстве благ. Оно охватывает выбор лучших технических методов, машин и регулирует производство с технической стороны. Калькуляция является связующим звеном между ним и коммерческим управлением.

3. *Административное руководство.* Оно охватывает надзор за рабочими и их исполнительностью; его задачей является обеспечение в предприятии производства прибавочной стоимости. Все три перечисленных основных функции управления производством преследуют одну общую цель—гарантирования наибольшей прибыльности предприятия.

Если мы поставим теперь вопрос о зрелости пролетариата в том смысле, способны ли в данный момент рабочие физического труда и пролетарские служащие взять на себя такого рода руководство, то каждый непредубежденный наблюдатель должен будет ответить категорическим—*нет*.

Но вопрос поставлен неправильно. *Экспроприация крупных предприятий в условиях пролетарского режима не означает одной лишь персональной перемены в управлении предприятием, лишь переход прибавочной ценности или заменяющего ее прибавочного продукта из рук капиталиста в руки всего общества, а знаменует собой переустройство самой системы хозяйства, при которой наиболее сложные функции капиталистического управления предприятиями становятся излишними.*

От руководителя отдельным предприятием в рамках социалистически организованного хозяйства не требуется при закупке товаров знания рынка, ему не приходится торговаться, ему не надо спекулировать, ему некого надувать. Он получает нужные ему сырье и вспомогательные материалы от других отчужденных и перешедших в руки всего общества предприятий. При продаже он не должен гнаться за покупателями, не вынужден ни прибегать к рекламе, ни открывать кредит, ни финансировать; доставленный товар засчитывается по твердо установленным ценам. *Коммерческое руководство с устранением анархии в области хозяй-*

ственной жизни все более и более теряет свое значение и в конце концов сводится к простой бюрократической функции.

Техническое руководство тоже уменьшается в своем значении, благодаря типизации производства и специализации предприятий, хотя и далеко не в столь значительной степени, как коммерческое руководство. Но дельных техников средней руки для технического руководства производством найти нетрудно, а что касается специалистов, то пролетарское государство может и должно оплачивать их так же хорошо, как капитализм,—до тех пор, пока сохранится эгоистически-алчная психология людей.

К моменту установления диктатуры, большее значение, наоборот, исключительного политического господства трудящихся классов, приобретает административное руководство предприятиями. Но как раз создание совершенно новых форм дисциплины может быть делом лишь пролетарского управления. При капитализме дисциплина служит целям предпринимательской прибыли. Капиталистическая трудовая дисциплина авторитарна, она соединяет трудовую дисциплину с осуществлением классового господства. Безработица и голодная смерть—вот те плетки, которыми размахивают капиталистические погонщики, мастера и т. п., особенно ненавистные рабочим. При изменившихся условиях, после крушения капитализма старые руководители неспособны поддерживать дисциплину в предприятиях и должны быть заменены новыми пролетарскими органами.

С другой стороны, вопрос поставлен неправильно еще потому, что интеллектуальная сила пролетариата после освобождения от ига капитала, благодаря обучению и непосредственному опыту, должна быстро подниматься. При этом мы должны еще отметить следующее: многие социал-демократы полагают, что с завоеванием политической и экономической власти необходимо ждать до тех пор, пока пролетариат интеллектуально и морально не созреет для этого. Но это абсолютно невозможно. В рамках устойчивого и могущественного капитализма рабочий никогда не сможет приобрести необходимых ему познаний, ибо ему никогда не представится для этого случая, точно так же, как нельзя научиться плавать, не бросившись в воду ¹⁾.

¹⁾ „То, что называют „начальством“, необходимо в организации общества так же, как заключительный камень в своде моста; но заключительный камень сделан не из лучшего материала, чем многие другие части моста; его значение основано на его положении, а не его положении на его значении. Если подюжины людей окажутся высаженными в парусной лодке, то им необходим будет капитан. Простейшее для них, повидимому, будет выбрать способнейшего, но возможно, что способнейшего вообще и нет... В этом случае капитан должен быть выбран по жребию, но в тот самый момент, когда он перенимает власть, эта власть делает его способнейшим человеком в лодке. Он обладает могуществом, которое дает ему остальные пять для своего собственного блага... Как прекрасно известно защитникам „старой системы“, мы в течение столетий превращаем

Сам по себе факт занятия поста с большим объемом деятельности и личной ответственности выявит у многих пролетариев ценные качества, которые оставались бы в них скрытыми, если бы они продолжали заниматься физической работой. Мы не хотим отрицать того, что переход от капиталистического к пролетарскому управлению производством связан с большими трудностями и ущербом для производительности труда. Это, однако, неизбежно. Пожалуй, лучшей и единственной подготовительной школой для этого является работа в фабрично-заводских советах и в советах рабочих депутатов, какая ведется в настоящее время в Германии, Австрии и Англии.

Но вернемся к новой организации руководства экспропрированными предприятиями.

Новая организационная форма должна отвечать следующим требованиям:

1. Она должна иметь свои корни в рабочих каждого предприятия, чтобы быть в состоянии обеспечить дисциплину.
2. Она должна гарантировать включение предприятия в единую государственную хозяйственную организацию.
3. Она не должна быть бюрократически неподвижной.
4. Она должна быть надежной в политическом отношении.

В Венгрии попытка разрешения этой проблемы была сделана следующим образом. (*Декрет от 26 марта 1919 № 9*).

В каждом отчужденном предприятии рабочие выбирали фабрично-заводской совет (Betriebsrat), из трех до семи членов, смотря по размеру предприятия, рабочих или служащих, согласно их желанию. Задачей совета являлось: *поддержание трудовой дисциплины, охрана имущества предприятия, контроль деятельности комиссара по организации производства*, совместная с последним выработка условий труда, а также прием и увольнение рабочих, разделение рабочих на тарифные разряды и т. д.

На каждое отчужденное предприятие, или же совместно для нескольких мелких предприятий, назначался комиссар. Последний защищал общие интересы в противовес опирающемуся на рабочих данному предприятию фабрично-заводскому совету. Он заступает место бывшего «главного директора», покупает и продает, совместно с председателем фабрично-заводского совета распоряжается деньгами и банковыми счетами. В случае конфликта с фабрично-заводским советом или рабочими предприятия его распоряжения впредь до разрешения конфликта высшей инстанцией подлежат исполнению. Он является постоянным личным связующим звеном между предприятием и высшими органами, тогда как члены фабричного совета в любое время могут быть рабочими смещены.

обыкновенных людей в особенно способных, позволяя им получать по наследству необыкновенную власть и должности“... (Bernhard Shaw, „Der Sozialismus und die geistig Begabten“.

Эта система отвечает всем вышеизложенным требованиям, если только комиссар соответствует своему назначению; фабрично-заводский совет опирается на самих рабочих, комиссар же представляет интересы целого. Аппарат лишен бюрократического характера, т. е. фабрично-заводские советы и комиссары в любой момент могут быть смещены.

Недостатки этой организации следующие.

Члены фабр.-заводск. совета стремятся совершенно освободиться от производственной работы. Под флагом контроля они проводят свое время в конторских помещениях. Таким образом увеличивается число непроизводительных служащих. Чтобы сохранить за собою эту приятную должность, они стремятся обеспечить себе расположением рабочих путем всякого рода уступок в отношении трудовой дисциплины, выработки, заработной платы, во вред общим интересам. В России поэтому несколько членов фабрично-заводского комитета назначается извне. В Венгрии мы пытались предоставить профессиональным союзам влияние на выборы фабрично-заводских советов. Однако, результаты этой попытки уже не могли быть прослежены.

Самая большая трудность заключается в выборе подходящих комиссаров. Здесь получается почти неразрешимое противоречие. В интересах обеспечения правильного хода производства на этой должности желателен обладающий коммерческой и технической подготовкой специалист. Но как раз эти элементы для пролетарской власти ¹⁾ политически ненадежны. Если же назначается рабочий, то он, конечно, должен быть из числа выделившихся в рабочем движении товарищей. Но нет никакой гарантии, что эти люди, бывшие хорошими агитаторами и организаторами в борьбе против капитала, действительно обладают особыми способностями к управлению промышленным предприятием. Противоречие между специальными знаниями и политической благонадежностью не может быть до конца разрешено. На некоторые предприятия назначались инженеры, уже ранее примыкавшие к рабочему движению, а в других случаях выбирали в качестве комиссаров выдающихся рабочих, при чем, конечно, наличный технический и коммерческо-бюрократический аппарат пока что оставался неприкосновенным. Недостаток в подходящих людях приводил к тому, что сами рабочие предприятия стали предлагать на эту должность подходящих лиц. Такой способ, однако, понижал авторитет комиссаров. На первый план слишком сильно выступали местные интересы. Характерным для низкого уровня классового сознания венгерского пролетариата является то обстоятельство, что рабочие многих предприятий требовали назначения на должность комиссара бывших владельцев или главных директоров. Часто стоило боль-

¹⁾ После падения венгерского советского правительства многие из взятых из рядов этих „специалистов“ комиссары кичились тем, что они путем планомерного саботажа останавливали или вредили правильному ходу производства.

ших усилий побудить рабочих отказаться от этого. В исключительных случаях, при совершенно особом техническом умении, прежние владельцы оставались на своих местах в качестве комиссаров. Во многих случаях приходилось прибегать к удвоению этой должности: рядом с буржуазным специалистом в качестве политического контролера назначался рабочий, или же к рабочему-комиссару придавался специалист-техник.

В качестве высшего органа функционировал вначале народный комиссариат социального производства, подразделенный соответственно отдельным отраслям промышленности на специальные секции. Все технические, коммерческие и организационные задачи—худо ли, хорошо ли—разрешались пока здесь. (Об организационном построении см. ниже).

* * *

На какие предприятия должна распространяться экспроприация?

Обширная литература о социализации давно уже ответила на этот вопрос ¹⁾: крупные предприятия добывающей промышленности и транспорта, железнорудные, машиностроительные заводы и т. д. Все эти исследования страдают той общей им всем ошибкой, что они смотрят на социализацию, как на простой переход права собственности внутри капиталистического хозяйственного строя. *Государство просто-на-просто скупает предприятия.* Правда, Бауер думает получить средства для этого путем поимущественного налога, так, чтобы государству эти предприятия ничего не стоили. Правда, Каутский думает путем высокого подоходного и наследственного налога ²⁾ быстро вернуть те государственные ренты, которые получают бывшие владельцы предприятий. Но все же при этом вся капиталистическая структура страны остается в существенном незатронутой. Полная социализация в коммунистическом духе, экспроприация притом одним ударом является одновременно и экономическим и революционным актом. Лишением буржуазии материальных ресурсов он должен сделать невозможной с ее стороны контр-революцию. Именно политическая точка зрения говорит против возможности для пролетарской диктатуры медленной, планомерной, связанной с вознаграждением социализации, при чем, однако, мы отнюдь не отрицаем, что «*несправедливо*», что люди, собственность которых государство отчуждает, теряют все, в то время как другие, обладающие меньшим состоянием, сохраняют все свое состояние. Дело в том, что экспроприация является актом классовой борьбы, но в борьбе и господствующие классы не знают справедливости.

В вопросе об объеме экспроприации решающей поэтому является исключительно целесообразность. Необходимо экспроприировать до тех пор, пока не будет сломлено экономическое могуще-

¹⁾ См. напр. Otto Bauer, „Der Weg zum Sozialismus“. Wien. 1919.

²⁾ Карл Каутский, „Социальная революция“.

ство господствующего класса. И чем скорее это будет сделано, тем лучше. То и другое зависит также и от количества человеческого материала, имеющегося в распоряжении для этой цели.

В России отчуждались лишь предприятия с числом рабочих более 50 или с капиталом свыше полмиллиона или миллиона рублей ¹⁾, притом довольно медленным темпом. Во многих случаях экспроприация по истечении первого года революции ²⁾ (еще не была завершена. Декрет от 2-го июля 1918 г. оставляет отчужденные предприятия в бесплатном арендном пользовании их прежних владельцев. Бывшие владельцы финансируют их пока что в прежнем порядке... В Венгрии же были экспроприированы все предприятия, имевшие более 20 рабочих, притом одним ударом, еще в марте месяце. На практике шли даже еще дальше этой границы, так как сознательные рабочие в предприятиях от 10 до 19 человек также не желали больше подчиняться предпринимателю и добивались отчуждения предприятия.

Различие в политике этих двух стран основано на следующем. Россия развила свою промышленность очень поздно и притом преимущественно при помощи иностранного капитала. Это имело своим последствием то, что капитализм обосновался здесь с самого начала в его наиболее развитой форме, в форме гигантских предприятий, в то время как собственное среднее производство, основанное на мануфактуре, почти отсутствует здесь совершенно. Россия является страной преобладающих крупных предприятий. Поэтому как политически, так и экономически, вполне достаточной могла быть национализация предприятий до 50 рабочих. Венгрия, напротив, насчитывает сравнительно немного гигантских предприятий, зато очень много с числом рабочих от 20 до 50. Здесь поэтому и граница должна была быть проведена ниже. К такой низкой границе отчуждения в виду острого недостатка в товарах принуждала и необходимость по возможности скорее создать упорядоченное материальное хозяйство. (Об экспроприации банков, торговых предприятий и крупного землевладения речь пойдет в другом месте).

Медлительность в проведении вызывалась в России гражданской войной, громадной территорией страны и саботажем враждебного большевизму чиновничества. Венгрия пришла к диктатуре без гражданской войны, весь государственный и технический аппарат чиновников подчинился вначале без сопротивления; при незначительности страны оказалось поэтому возможным очень быстро осуществить экспроприацию. Нет никакого сомнения, что венгерская система и политически и экономически лучше русской. Чем быстрее и основательнее проводится экспроприация, чем скорее отдельные индивиды из буржуазии принуждены сбросить с

¹⁾ Hans Berliner, „Der bolschewistische Staat“. 1919. Стр. 30.

²⁾ Dr. Max Hirschberg, „Bolschewismus. Eine kritische Untersuchung etc.“ Leipzig. Duncker-Humblot 1919. Это сравнительно самое объективное с буржуазной стороны изображение пролетарской советской диктатуры.

себя свой буржуазный облик, тем скорее и благополучнее совершится переход. В западных странах, где уровень образования рабочего класса выше и где он поэтому более способен к управлению предприятиями, экспроприация, раз только пролетариат завладеет политической властью, может быть проведена еще быстрее и еще основательнее, чем в Венгрии.

Однако, экспроприация экспроприаторов является лишь первым шагом к созданию нового хозяйства. Замена капиталистов пролетарским правлением гарантировала непрерывность (Kontinuität) производства. Вследствие ослабления интенсивности труда (этим явлением мы займемся подробно в последующем), производительность труда, правда, падала, но удалось избежать хозяйственного хаоса. Теперь мы перейдем к рассмотрению практических попыток организации пролетарского хозяйства и возникающих при этом проблем. Ибо с удалением капиталиста из предприятия и с переходом управления отдельными предприятиями к доверенным лицам рабочего класса создается лишь первое условие строительства. Отчужденные предприятия должны быть организационно слиты воедино, из отдельных предприятий должно быть создано единое стройное целое. Вот в чем истинная задача пролетарской диктатуры: осуществить переход от капиталистического хозяйства к коммунистическому.

V. Проблема организации народного хозяйства в пролетарском государстве.

«В буржуазных революциях главная задача рабочих масс заключалась в отрицательной или разрушительной работе, в уничтожении феодализма, монархии, средневековья. Созидательную работу совершало имущее буржуазное меньшинство... В противоположность этому главной задачей пролетариата во всякой социалистической революции является положительная или созидательная работа: раскинуть чрезвычайно сложную и тонкую сеть новых организационных отношений, обнимающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей».

В этих словах Ленин характеризует основное различие между буржуазной и пролетарской революцией¹⁾.

Новая организационная работа может начаться только тогда, когда средства производства перейдут в распоряжение пролетариата. Факт экспроприации сам по себе еще мало значит: вся организация хозяйства должна быть вновь перестроена, ибо только таким путем может быть разрешена самая насущная задача, — задача увеличения производительности труда. Задачи, выдвигаемые организацией пролетарского хозяйства, не являются абсолютно новыми. Все организационные формы общественного хозяйства имеются уже в зародыше в системе современного финансового капитализма; *они должны быть только перестроены и расширены в соответствии с изменившимися социальными условиями, и превращены из органов капитализма в организации общественного хозяйства.*

¹⁾ Ленин. „Влижайшие задачи Советской власти“, стр. 5. В приведенной характеристике задач пролетарской революции Ленин вполне сходится со стоящим на крайне правом фланге марксизма Карлом Реннером. И Реннер усматривает основную проблему социалистического преобразования в организации. Но он уже в капиталистическом обществе видит зародыши основных форм социалистической общественной собственности, которые просто-напросто должны быть далее развиваемы, — тогда как коммунисты для создания социалистического общества считают безусловно необходимым и неизбежным коренное изменение всей организации государственной власти (Karl Renner, *Marxismus, Krieg u. Internationale*. Stuttgart. Internationale Bibliothek).

Самая трудная принципиальная проблема заключается в правильном разграничении того, что должно быть *централизовано и что предоставлено местной инициативе*. В материальном отношении в этой организационной работе мы можем различать три области:

- 1) Организационно-техническое построение хозяйства.
- 2) Материальное хозяйство.
- 3) Управление человеческим материалом.

В начале диктатуры в Венгрии все эти функции были слиты воедино в Комиссариате социального производства. За неимением специальных учреждений все стекалось непосредственно сюда. Постепенно происходила дифференциация, и к концу первых четырех месяцев ясно уже наметились очертания новой организации.

При организационно-техническом строительстве общественного хозяйства нужно было, прежде всего, провести грань между теми предприятиями, которые подлежали включению в центральную организацию, и теми, которые должны были передаваться в управление местных органов. Разграничение это зависит прежде всего от условий *месторасположения* производства (*Standortverhältnisse*). Те предприятия, которые по роду своего производства располагаются всегда вблизи места потребления, продукты которых не выносят далекого транспорта, должны быть предоставлены местному управлению. Сюда относятся: водопровод, газовые заводы, местные электрические станции, городские железные дороги, кирпичные заводы, мастерские по починке одежды и обуви, хлебопекарни, огороды, все местные средства сообщения, общественные бани и т. д. В отношении таких предприятий вообще наиболее целесообразным является не огосударствление, а муниципализация. Напротив, все те предприятия, продукты которых служат потреблению всего населения страны, требуют единого технически-организационного управления. Управление это лучше всего создать по образу капиталистического треста. *Идеальная картина* подобной организации, которая в Венгрии начала создаваться в лице производственных центров, такова.

Все предприятия данной отрасли промышленности в организационном отношении сливаются в единое предприятие. Отдельные предприятия составляют только отделения производственного центра. Бухгалтерия их ограничивается учетом материалов и калькуляцией себестоимости, баланс же составляется только центральным управлением. Заготовки сырых и вспомогательных материалов также совершаются централизованно для всех предприятий; продажа или вообще распоряжение изделиями находится в исключительном ведении центрального управления. Все платежи проходят через центральный производственный орган, который единообразно управляет всем имуществом объединенных предприятий. Центр в согласии с Высшим Советом народного хозяйства разрешает вопрос о том, что и в каком количестве

должно производиться на отдельных предприятиях. Старые названия предприятий, напоминающие о бывших капиталистических отношениях собственности, также отменяются и заменяются соответствующим обозначением, как, например, Будапештская паровая мельница Советской Республики № 1, 2, 3 и т. д.

Централизация управления не должна, конечно, вырождаться в бюрократический педантизм. Правлениям отдельных, расположенных на далеком расстоянии предприятий, должна быть предоставлена необходимая свобода движения: прием и увольнение рабочих, местное распределение их, некоторая свобода в распределении производства и т. д. Централизация не должна быть доведена до того, чтобы, например, для производства незначительного ремонта машин приходилось обращаться за формальным разрешением в центральное управление. Само собой разумеется, что правильное распределение функций управления производством между центральным и местным управлениями может должным образом развиться лишь на практике.

Повидимому, подобным же образом организованы производственные центры и в России. Согласно отчету Ларина, к концу 1919 г. в России существовали центральные производственные органы для следующих отраслей промышленности: текстильной, металлической, бумажной, резиновой, медной, цементной, угольной, деревообрабатывающей, торфяной, соляной, спичечной, табачной, крахмальной, винокуренной; далее для кожи, электрических станций, обувных мастерских, хлебопекарен и т. д. В Венгрии слияние отдельных предприятий в единое центральное управление задерживалось благодаря запутанному положению в области внешней политики. Окруженное со всех сторон враждебно настроенными к нему капиталистическими государствами, Венгерское Советское правительство объявило, что имущество иностранных капиталистов не будет подлежать отчуждению, или же за отчуждаемое имущество будет дана полная компенсация. Пролетарское управление, правда, было установлено на всех предприятиях, независимо от подданства их владельцев. Однако, признание иностранной собственности препятствовало уничтожению самостоятельности многих предприятий, в которых в значительной степени был вложен иностранный капитал. Казалось, правда, политически совершенно неправдоподобным, чтобы диктатура пролетариата могла долго держаться изолированно от других стран. Но во всяком случае правительство хотело выиграть время и отсрочить насколько возможно момент вооруженной интервенции капиталистических стран, пока революция не получит дальнейшего развития в соседних странах, или не будет установлена военная связь с Россией. Поэтому пришлось в виде уступки допустить, чтобы иностранные предприятия, как самостоятельные имущественные единицы, могли продолжать вести свою обособленную бухгалтерию. Это обстоятельство помешало полному с начала до конца слиянию предприятий. Вместе с тем имел место скрытый, по упор-

ный саботаж чиновников, которым энергично проводимая централизация угрожала потерей занимаемого ими положения, — явление, неизбежное при всякой диктатуре.

Неизменным затруднением в осуществлении централизованного управления являлись партикуляристические интересы отдельных областей. При общем недостатке во всех видах благ было понятно, что местные советы были склонны воспользоваться производимыми на их территории продуктами для удовлетворения местных нужд. Центральной организации приходилось беспрестанно бороться с этими тенденциями, прибегать к авторитету Народного Комиссариата внутренних дел для борьбы с самовластием местных политических органов, что, правда, не всегда приводило к положительному результату. Выяснилась необходимость для центрального хозяйственного управления организовать в областных центрах свои собственные местные отделения. Они были задуманы как хозяйственные органы с назначаемыми из центра чиновниками, рядом с которыми должны были функционировать местные советы народного хозяйства (об организации последних речь пойдет ниже). Задача этих органов должна была состоять в проведении в жизнь распоряжений центральных хозяйственных учреждений, в составлении докладов по всем хозяйственным вопросам и участи в управлении местными общественно-хозяйственными предприятиями.

На-ряду с централизацией управления предприятиями в Венгрии было приступлено и к концентрации производства. При этом, однако, пришлось встретиться с дальнейшими затруднениями. Там, где влияние факторов, определяющих месторасположение промышленности (Standort), приводит к тому, что однородные предприятия сосредоточиваются в определенных районах, осуществление концентрации производства представляется делом сравнительно легким. Но даже и тут рабочие выдвигают всякие препятствия: отчасти по лени, — чтобы не ходить далеко до места работ, отчасти из боязни потерять свое старое место в случае крушения диктатуры или оказаться излишним в их прежней профессии, благодаря увеличению производительности труда. Не лишен тут значения и своеобразный фабричный шовинизм. Когда в Будапеште намеревались прекратить постройку железных буксирных пароходов на одних верфях, с тем чтобы концентрировать ее на других, то протестовавшие против этого мероприятия рабочие ссылались, главным образом, на старинную, упрочившуюся репутацию «своей» верфи. Однако, путем просвещения и увещевания рабочих эти затруднения сравнительно еще легко преодолимы. Но зато концентрация производства предприятий, расположенных в разных местах, совершенно разбивается о недостаток квартир для рабочих. Чтобы иметь возможность сосредоточить все производство на одном предприятии, необходимо обеспечить рабочих жилыми помещениями, выстроить для них новые квартиры. Но при общем недостатке в материалах, ощущаемом в

начале диктатуры, это могло бы быть выполнено только в сравнительно продолжительный срок.

К числу функций центральных органов управления относится также контроль над ведением предприятия, над использованием государственного имущества — проблема, причинившая особенно много затруднений в России. В систематическом контроле Ленин усматривает одну из важнейших задач строительства. В «Ближайших задачах Советской власти» 29 апреля 1918 г. он писал следующее:

«Величайшие трудности стоят перед нами в области экономической: осуществление строжайшего учета и контроля над производством... (стр. 5). Сейчас, после крушения власти буржуазии, ближайшими и важнейшими задачами и лозунгами момента являются: веди добросовестно и точно счет деньгам, хозяйничай экономно, не будь лодырем... (стр. 9). Решающим является организация строжайшего и всенародного учета и контроля над производством и распределением продуктов. Мы не поставили еще учета и контроля на национализированных предприятиях (стр. 11). Наша работа по организации пролетарского учета и контроля явно отстала—это ясно для каждого думающего человека—от работы по непосредственной экспроприации от экспроприаторов... Мы будем! наверняка биты, если мы захотим продолжать сейчас экспроприацию капитала в прежних размерах... Всеми силами мы должны приналечь сейчас на работу по организации учета и контроля». (Стр. 12).

Легкомысленное отношение к государственному имуществу, к экспроприированной у буржуазии собственности вытекает прежде всего из капиталистически-алчного образа мысли, проникающего все общество, мораль которого к тому же еще более подорвана продолжительной войной. Но не лишена тут значения и некоторая неясность в понимании новых отношений собственности. Пролетарии, в непосредственном управлении которых находятся экспроприированные предприятия, слишком легко проникаются представлением, что предприятия составляют их собственность, а не собственность всего общества. Это делает особенно важным существование правильно функционирующего контроля, т. к. этот контроль в то же самое время становится прекрасным орудием воспитания.

Проблема контроля была разрешена в Венгрии весьма удачно. Помимо контролеров, служивших раньше капиталистам, к этой деятельности приурочили еще адвокатов и преподавателей средних учебных заведений, и весь этот штат был влит в особую секцию Совета народного хозяйства. Эта секция была разбита по отдельным специальностям, так что одни и те же контролеры постоянно контролировали предприятия определенных отраслей. Контроль распространялся не только на денежную и материальную сторону дела, но и на правильное использование рабочей силы, на обследование причин плохой производитель-

ности или вообще неблагоприятных результатов работы предприятий. В определенные промежутки времени контролер производил обследование производства и бухгалтерии и представлял доклад, в котором он не только вскрывал отмеченные недостатки, но и делал известные предложения для их устранения. Контролеры сами не обладали никакими правами распоряжения в ревизуемых ими предприятиях, они лишь представляли свои доклады соответствующим органам. Однако, вскоре выработалось невольное сотрудничество между контролерами, производственным комиссаром и фабрично-заводским советом. Указания контролера часто совершенно естественно, без всякого принуждения, принимались к исполнению. Издавался специальный журнал: «*Вестник контроля*», который рассылался всем национализированным заводам и очень много способствовал выяснению в кругу рабочих организационных вопросов в деле управления предприятиями. Систематический контроль распространялся не только на предприятия, но и на действия всех народных комиссариатов.

Во время, а также после диктатуры Советов очень много говорилось и писалось о *коррупции* новой советской бюрократии. Мы сами неоднократно в устных выступлениях и в печати резко восставали против коррупции. И все же нужно признать, что управление общественным достоянием в период диктатуры совершалось отнюдь не хуже, чем при буржуазном строе. Впечатление якобы усилившейся коррупции объясняется тем, что в буржуазном обществе эта коррупция могла затронуть лишь узкий слой, рекрутировавшийся из членов господствующего класса, и в большинстве случаев нетрудно было скрыть совершаемые этим слоем злоупотребления, так как вся государственная машина выработала великолепную рутину. При пролетарской диктатуре гораздо более широкий слой населения стал принимать участие в государственных делах, число злоупотреблений поэтому и возросло. Пролетарские воры крали гораздо меньшие суммы, делали это неуклюже и без навыка. *В то время как крупные кражи, совершаемые чиновниками при буржуазном строе, затушевывались всей бюрократической системой, масса мелких злоупотреблений советских чиновников, благодаря демократическому строю и систематическому контролю, выплывали в значительно большей степени наружу.* Поэтому и как средство борьбы с коррупцией, неизбежной в начале диктатуры, создание хорошего аппарата контроля является важной и не терпящей отлагательства задачей всякого пролетарского государства. Осуществление его облегчается тем, что контролеры должны быть только лично порядочными и знающими свое дело людьми, но не непременно убежденными сторонниками пролетарской системы.

* * *

Трудную задачу для народного хозяйства представляет *материальное хозяйство*. Под материалами мы подразумеваем

здесь не только сырьё и вспомогательные материалы, но и средства производства в готовом виде: следовательно, все блага, за исключением предназначенных для непосредственного производственного потребления готовых предметов. Суть проблемы заключается в том, что ввиду истощения всех запасов, благодаря войне, ввиду затруднений в новом производстве, вследствие хозяйственной изоляции, наконец, ввиду бурного стремления пролетарских слоев к поднятию своего реального жизненного уровня, на долгие годы вперед приходится считаться с недостатком материалов. Наличные и вновь производимые материалы не должны поэтому анархично потребляться, а должны быть использованы наиболее производительно, согласно важности подлежащих удовлетворению потребностей.

С этой целью для важнейших благ в Венгрии были созданы материальные управления, — некоторые из них путем преобразования военно-хозяйственных организаций. Организация этих учреждений состояла из исполнительного аппарата — штата чиновников — и из решающего все вопросы распределения руководящего совета, составленного из представителей тех профессиональных союзов, которые являлись потребителями данных материалов. Такие материальные управления существовали для угля, дерева, железа и железных изделий, строительных материалов, химических продуктов, керосина и бензина, стекла, кожи, текстильных изделий, мешков, далее для разных предметов потребления: зерна, кормовых средств, сахара, спирта, мебели и т. д. Функция этих материальных управлений заключалась в переписи и текущем учете запасов и целесообразном распределении их. Распределение совершалось фактически таким образом, что для всех отраслей устанавливалась скала наущности подлежащих удовлетворению потребностей, которой и руководствовались все органы при удовлетворении предъявляемых требований. В отношении угля в первую очередь удовлетворялись потребности водопровода, электрических станций (для света и энергии), железных дорог, военной промышленности, как и важнейших отраслей пищевой промышленности: мельниц, скотобоев, дрожжевых заводов и т. д. Доля этих предприятий заранее фиксировалась на продолжительный срок и лишь время от времени приходилось разрешать вопросы, касающиеся распределения остатков. Включение представителей рабочих в эти органы распределения диктовалось не только стремлением ввести их в круг задач управления всем народным хозяйством, но было необходимо также для того, чтобы рабочие тех отраслей промышленности или предприятий, которые вследствие недостатка угля или материалов приходилось останавливать, всегда ясно видели, что это делается не злонамеренно, а в интересах всего общественного хозяйства в его целом.

Руководство всеми материальными управлениями находилось в последнем счете в руках Высшего Совета Народного Хозяйства,

который в согласии с общей производственной политикой устанавливал высшие принципы для всего хозяйственно-материального управления. Такое единое высшее руководство необходимо потому, что при отсутствии его определенные предприятия получали бы необходимые им материалы от одного материального управления, но не получали бы его, может-быть, от другого, как это в Венгрии часто имело место во время войны. Строго организованное, энергично проводимое хозяйственное управление материалами является лучшим рычагом пролетарской экономической политики. *Мелкие предприятия*, которые нецелесообразно было бы отнять у их владельцев, национализировать или муниципализировать, *благодаря существованию такого правильно направляемого материального хозяйства, включаются в здание всего общественного хозяйства*; путем отказа в выдаче материалов легко приостановить их, если это признается необходимым. Концентрация производства на наиболее усовершенствованных предприятиях может быть проведена при помощи соответствующего распределения угля даже и против воли сопротивляющихся этому рабочих и служащих. *Правильно и хорошо организованное материальное хозяйство дает вновь возникающему общественному хозяйству абсолютный перевес над продолжающимися еще существовать остатками частнохозяйственной системы.*

Материальное хозяйство в Венгрии было уже довольно хорошо налажено, и деятельность материальных ведомств нарушалась только упомянутым уже своеводем областных учреждений и разве еще злоупотреблениями отдельных предприятий, которые часть своих изделий скрывали от учета материального ведомства и вели с ними нечто вроде подпольной торговли. Случалось, например, что горнорабочие угольной шахты устанавливали воскресные смены и добытый, таким образом, уголь непосредственно обменивали на продовольствие. Но это было лишь редким исключением. Материальное хозяйство Венгерской советской республики держало на учете отнюдь не меньшую часть всех монополизированных продуктов, чем капиталистические центральные организации военного хозяйства.

Во время Венгерской советской республики раздавалось много жалоб на бюрократизм многих материальных управлений, тормозивший производственную деятельность. Однако, эти жалобы были большей частью необоснованны. Хронический недостаток в материалах принуждал каждую заявку подвергать самой беспощадной критике, тем более, что пролетарские администраторы предприятий, в стремлении обеспечить непременно работу своего предприятия, крайне преувеличивали свои требования на нужные им материалы. Вследствие этого каждое периодически повторяющееся требование должно было проводиться через соответствующую секцию комиссариата социального производства, где проверялась его правильность. Такого рода бюрократические

задержки могут быть устранены, как только будет обеспечено более обильное материальное снабжение. Быстрой и налаженной работе материальных управлений часто препятствовали и скрытый саботаж некоторых контр-революционно настроенных чиновников или технических руководителей предприятий, недостаточное число провинциальных распределительных пунктов, а также и то, что запасы материальных управлений находились отчасти в заведывании купцов, сильно заинтересованных в том, чтобы все распоряжения материальных управлений исполнить с возможным замедлением и сбывать побольше этих товаров по спекулятивным ценам.

Внимательный читатель, вероятно, уже заметил, что деятельность материальных управлений как будто скрещивается с деятельностью соответствующих производственных центров, находящихся тогда в стадии организации. Это действительно так. Некоторые материальные управления занимались не только распределением материалов, но и управлением производством. Так, например, управление лесными материалами, руководило не только распределением строительного леса и дров, но и производством всех отраслей деревообрабатывающей промышленности. Приблизительно так же обстояло дело и с управлением продуктами текстильной промышленности. Насколько мы знаем, в русских центральных управлениях это представляет общее явление. *Возникает поэтому принципиальный вопрос, необходимо и целесообразно ли вообще создавать отдельные центры по распределению материалов и руководства производством или же лучше всего объединить функции управления производством и распределением, как это имеет место в капиталистических трестах.*

Этот вопрос не может быть окончательно разрешен на основании данных венгерского опыта, ибо по вышеуказанным причинам к организации производственных центров было серьезно приступлено лишь в самые последние недели существования советской республики. Нам кажется, однако, что необходимы обе организации, только с резко разграниченной сферой деятельности. Производственный центр руководит производством подведомственных ему предприятий. Материальные же управления совершенно не касаются отдельных предприятий. Зато они распоряжаются всеми запасами благ, определяют, что должно быть произведено внутри страны и что должно быть ввезено из-за границы или вывезено туда. Освобожденный от всех распределительных функций производственный центр может посвятить все свое внимание поднятию производства, материальное же управление—великой задаче правильного распределения. Руководство производственным центром требует прежде всего специалистов с техническим образованием, тогда как материальные управления по характеру своей деятельности являются преимущественно органами статистико-экономическими. *За необходимость разделения этих функций*

говорят и технические соображения. Бывают случаи, когда и качественно производство и распределение не совпадают. Например: некоторые металлические предприятия производят томасовые шлаки, распределение которых вовсе не дело производственного центра железнорудной промышленности. Распределение их по существу дела подлежит управлению по распределению химических материалов, или особому правлению по распределению искусственных туфов. Объединение производственных центров с распределительными органами приводит к образованию весьма громоздких учреждений с громадным бюрократическим аппаратом, как это имело место в Венгрии с управлением лесными материалами. Все эти соображения приводят нас к убеждению, что целесообразнее всего создавать обе организации в отдельности, со строго обособленной сферой деятельности. Гораздо позже, когда минует острый недостаток в материалах, когда больший для данного момента отпуск в одном месте не должен будет непременно вызывать недостаток в материалах и остановку в другом, можно будет отказаться от этих особых материальных управлений. Тогда распределение будет выполняться центральными производственными органами на основании общих указаний, получаемых от статистического управления.

* * *

Чрезвычайно важный круг проблем, относящихся к *экономике человеческого материала*, во время Венгерской советской республики был разработан лишь в самых общих чертах. Основой экономики человеческого труда при всякой пролетарской диктатуре является всеобщая трудовая повинность. Эта повинность и была принципиально провозглашена. Но только в последний месяц советской диктатуры была образована особая секция Высшего Совета Народного Хозяйства для практического ее проведения. Задачей этой секции являлось:

1. *Основной и текущий учет всей рабочей силы страны.* Для этой цели предполагали ввести обязательную для всех трудоспособных лиц трудовую карточку, в которой помимо общих сведений о личности (фамилии, возраста и т. д.) должно было отмечаться и место работы, или же факт безработицы ее владельца. Первоначальную перепись предполагалось произвести одновременно со всеобщим медицинским освидетельствованием, с целью проверки трудоспособности. Текущий учет возлагался на больничные кассы, которым поручалась также и выплата пособий на случай болезни и безработицы. Таким образом думали воспрепятствовать тому, чтобы одно и то же лицо получало одновременно больничное пособие и пособие на случай безработицы. Трудовая карточка служила бы в одно и то же время и в качестве удостоверения личности и в качестве удостоверения о болезни и безработице.

2. *Предоставление работы.* Только не тем механическим путем, как при капитализме, когда безработные просто распределялись по свободным местам, если таковые вообще имелись, а в смысле предоставления производительной работы. В пролетарском народном хозяйстве в данном отношении действуют совершенно другие законы, чем при капитализме. Капиталистический предприниматель, руководствующийся исключительно принципом прибыльности, дает занятия рабочим лишь в том случае, если существует возможность производства прибавочной стоимости. Для пролетарского же государства решающим является то, чтобы по возможности всех трудоспособных граждан перевести на производительный труд, хотя бы и продукт их труда был ниже стоимости заработной платы. С капиталистической точки зрения такой труд является убыточным, но для пролетарского государства он полезен, ибо государство все равно должно содержать всех рабочих. Поэтому желательно дать работу всем способным к труду, хотя бы и при низкой производительности их труда. Правда, при общем недостатке сырья и орудий труда найти работу для всех—задача нелегкая. Но земледелие и все, что связано с ним: орошение и осушение, земельные мелноработы, а также дорожные работы, постройка каналов, водопроводных сооружений и т. д. требуют небольшого количества материалов и в то же время могут дать производительное занятие большим массам людей, конечно, при предположении, что удастся преодолеть упомянутые нами уже затруднения в отношении расквартирования. Поэтому на долю этой секции Высшего Совета Народного Хозяйства в строительстве пролетарского хозяйства выпадает самая важная, правда, и самая трудная задача. Здесь диктатура должна проводиться с особенной строгостью, если только стремиться к тому, чтобы требуемое пролетариатом улучшение его материального положения наступило не в слишком отдаленном, скрытом в туманной дали будущем. Мы уже указывали, что это возможно только путем радикального изменения того распределения населения по занятиям, которое сложилось при капитализме, на основе капиталистического распределения доходов. Рабочие из отраслей промышленности, производящих предметы роскоши, должны быть переведены на производство массовых изделий; чиновники, до сих пор занятые управлением и охраной частной собственности в самом широком смысле слова, а также и сама буржуазия должны быть поставлены на производительную работу. В отношении представителей буржуазии принуждение важно еще и потому, что необходимо лишить их возможности путем спекуляции и подпольной торговли подрывать строительство пролетарского распределительного аппарата. Само собою разумеется, что при таких условиях рабочие должны исполнять всякую работу, к которой они физически вообще способны, совершенно независимо от их специальной подготовки. Все ограничения, которые ставятся в этом отношении профессиональными

союзами, должны быть беспощадно уничтожены. Приучение целых и обширных профессиональных групп к новым занятиям является, несомненно, болезненным процессом, но только проведение его даст вообще возможность повышения жизненного уровня. В Венгрии было пока только приостановлено дальнейшее обучение тем профессиям, которые при новом общественном строе полностью или частично становились излишними. Было прекращено поэтому дальнейшее обучение юристов и частных служащих, прекращен прием учеников в отрасли промышленности, производящие предметы роскоши, в кофейни, а ученикам и несовершеннолетним рабочим этих отраслей было разрешено прекращать договор об ученичестве и против воли мастера ¹⁾.

При перегруппировке занятий возникают трудно разрешимые проблемы. Рабочим, оставшимся без работы, должно быть, конечно, выплачиваемо пособие на случай безработицы. Если это пособие по своим размерам значительное, то оно вредит производству в его целом в смысле его продуктивности, ибо при небольшой разнице между заработной платой и пособием безработные рабочие не склонны брать на себя тяжелое бремя труда, тем более, что вначале, при невыяснившихся еще условиях, рабочие имеют возможность более чем пополнить эту разницу путем случайной работы, контрабандной торговли продовольствием, уличной торговлей и т. д. Точно также обстоит дело и в случае высокого размера больничных пособий. *Если же, наоборот, пособие безработным незначительно, то рабочие энергично противятся всякой приостановке непроизводительных предприятий, всякой концентрации производства*, потому что они благодаря этому «не по своей вине» превращаются в безработных. Еще сложнее представляется этот вопрос в отношении переходящих в ряды безработных чиновников и служащих. К вопросу о чиновниках мы еще вернемся в одной из следующих глав. Едва ли возможен тут иной выход, кроме как следующее: установление не слишком низких пособий безработным, соединенное со строгим, систематическим контролем, низшими органами которого должен быть местный совет. В Венгрии вопрос этот не был разрешен. В этой области действовали чрезвычайно вяло. Безработные служащие и рабочие большей частью продолжали числиться в своих предприятиях, получая полный оклад содержания. Такое положение вещей не могло не действовать крайне деморализующим образом. Оппортунизм вождей профессиональных союзов, в особенности больших союзов служащих, препятствовал более решительной политике. К тому же не была закончена и подготовительная организационная работа. Наконец,

¹⁾ Запрещение распространялось на следующие профессии: рабочих по золоту, кондитеров, поваров, прислугу в кофейнях и гостиницах, позолотчиков и олойщиков, живописцев (вывесок), парикмахеров, торговых служащих, частных служащих, банковых служащих. Дальнейшее обучение адвокатов, профессионалов—военных было приостановлено.

перевод на производительные занятия в большинстве случаев был связан с переходом из города в деревню, так как только здесь возможна в большом масштабе производительная работа, не требующая больших количеств материалов: но перевод в деревню чрезвычайно затрудняется недостатком жилых помещений. Таким образом мы видим, что от голого провозглашения принципа всеобщей трудовой повинности еще очень далеко до действительного организованного проведения его.

3. *Установление заработной платы.*

4. *Создание и поддержание трудовой дисциплины.*

Так как оба эти вопроса самым тесным образом связаны с проблемой интенсивности труда, то мы рассматриваем их в следующей главе.

5. К хозяйственному управлению людским материалом в широком смысле относятся: воспитание в школе, выбор профессии и предназначение для той или иной работы, охрана рабочих путем широко проводимой гигиены рабочих помещений и трудового процесса и т. д. Все эти проблемы могут быть разрешены только в более поздней стадии развития.

* * *

Попытаемся теперь дать краткий очерк организации Высшего Совета Народного Хозяйства, который должен был строить и руководить всем хозяйством пролетарского государства.

Когда были назначены народные комиссары, бывшие хозяйственные министерства — земледелия, финансов, торговли и продовольствия продолжали работать под руководством народных комиссаров, притом пока со старым чиновничьим аппаратом. Открытые реакционеры среди высших служащих отстранялись от дел или увольнялись, штаб чиновников пополнялся интеллигентными пролетариями или преданными пролетарскому государству представителями интеллигенции. Число народных комиссариатов немедленно же было увеличено комиссариатом *«Социального производства»*, а несколько позже — комиссариатом *«Хозяйственной организации и контроля»*. Отдельные комиссариаты функционировали самостоятельно и изолированно, по примеру бывших министерств. Все проекты декретов вносились в Совет Народных Комиссаров. Это приводило к двоякого рода неудобствам: не было достаточно согласованного сотрудничества между отдельными народными комиссариатами, и все время Совета Народных Комиссаров в значительной степени уходило на всякие мелочи.

Поэтому съездом советов был создан *Высший Совет Народного Хозяйства*. Отдельные экономические комиссариаты были лишены своей самостоятельности и продолжали теперь существовать в качестве секций Высшего Совета Народного Хозяйства; их руководители не являлись народными комиссарами, самостоятельно они не могли издавать никаких декретов, единственно только через

Высший Совет Народного Хозяйства. Последний же вносил в Совет Народных Комиссаров только дела и проекты, имевшие политическое или важное принципиальное значение; все остальное он разрешал своей властью.

Организация Высшего Совета Народного Хозяйства была следующая:

1. *Президиум* состоял из четырех народных комиссаров, из которых каждый руководил одной из секций Высшего Совета Народного Хозяйства, в качестве высшего его чиновника. На заседаниях президиума привлекались также руководители остальных секций. *В задачу президиума входило руководство народными комиссариатами, подготовка всех экономических декретов и издание их после обсуждения в комитете (Ausschuss), проведение планомерной реорганизации хозяйства.*

2. *Комитет* Высшего Совета Народного Хозяйства, представлявший собой Совет народного хозяйства в собственном смысле этого слова, состоял прежде всего из представителей наиболее важных в хозяйственном отношении профессиональных союзов, далее из представителей местных Советов народного хозяйства, об организации которых речь пойдет ниже, представителей потребительных обществ, центрального объединения сельско-хозяйственной производительной кооперации и материальных управлений. Это был орган, состоявший приблизительно из 80 членов. Руководители отдельных секций Высшего Совета Народного Хозяйства также являлись его членами. В качестве участников, но без решающего голоса, в заседаниях принимали участие руководители контрольных групп. *Все важные декреты, в особенности те из них, которые трактовали об организации производства, о трудовой дисциплине, о вопросах заработной платы и продовольствия, вносились в этот совет.* Этот орган действовал очень хорошо, обсуждение вопросов носило серьезный, деловой характер. Для изучения отдельных вопросов обыкновенно выделялись подкомиссии, которые, в случае надобности, пополняли свой состав сведущими людьми и результат своей работы представляли совету в виде письменных докладов. Профессиональные союзы были представлены в лице своих лучших вождей, и уже намечалось превращение профессиональных союзов из организаций борьбы с капиталом в созидательные органы пролетарского производства.

2а. *Сельско-хозяйственный Совет.* То выдающееся положение, которое занимает сельское хозяйство в Венгрии, этой в значительной степени аграрной стране, делало желательным образование особого центрального Совета по земельным вопросам. Он состоял, примерно, из 40 членов, являвшихся представителями сельско-хозяйственных рабочих и тех индустриальных профессиональных союзов, которые имеют тесное отношение к сельскому хозяйству, далее из представителей сельско-хозяйственной производительной кооперации, потребительных обществ и спе-

циалистов по аграрным вопросам. Совет этот был образован уже к концу существования советской республики, так что о его деятельности трудно что-либо сказать.

26. *Высший технический Совет.* К разрешению чисто технических вопросов должны привлекаться лучшие технические силы страны. Так как среди последних имеется мало политически надежных людей, то здесь должна быть применена коллегиальная система. В Венгрии из лучших инженеров, профессоров высших технических заведений и нескольких представителей профессиональных союзов был образован технический Совет из 60 членов, разбивавшийся на секции по отдельным отраслям промышленности. *Задача этого Совета состояла в разрешении актуальных производственно-технических вопросов, вопросов относительно технических нововведений, нормализации, типизации и специализации производства, о технических основах материального хозяйства, наконец, внесение предложений об инвестициях государства.* В противоположность другим Советам, члены технического Совета получали жалование в 1000 кр. в месяц. Для специальных работ была предусмотрена особая оплата — это исключительное положение технического Совета вызывалось буржуазным составом участвующих в нем специалистов-техников. Технический Совет был также образован лишь к концу существования советской республики и работа его, следовательно, не могла еще дать практических результатов. Но нет сомнения, что образование такого учреждения вполне целесообразно и — если только работа его не подрывается систематическим саботажем, что может быть устранено путем соответствующей более высокой оплаты труда, — оно может оказать большие услуги делу поднятия производительности труда.

3. *Местные Советы народного хозяйства.* В отдельных провинциальных центрах были учреждены местные хозяйственные Советы, состоявшие из представителей местных политических Советов, профессиональных союзов, крупных предприятий и организаций потребителей. Местный Совет народного хозяйства действовал бок-о-бок с упомянутыми уже хозяйственными органами, выделяемыми на местах Высшим Советом Народного Хозяйства, делегировал своих представителей в Комитет Высшего Совета Народного Хозяйства, руководил местным общественным хозяйством и имел право по всем вопросам вносить предложения в Высший Совет Народного Хозяйства.

* * *

Главным недостатком всех центральных организаций являлось отсутствие достаточного числа соответствующих служащих, соединяющих в себе знание дела с преданностью новому общественному строю. Лучшие специалисты и организаторские силы находились, конечно, в лагере буржуазии и только в исключи-

тельных случаях искренне отдавали свои силы на службу новому режиму. Бюрократия профессиональных союзов в общем не чувствовала диктатуры; ее представители предпочитали оставаться чиновниками профессиональных союзов, чем посвятить себя строительству пролетарского хозяйства. Поэтому руководителями и высшими служащими центральных хозяйственных организаций являлись или специалисты с буржуазной идеологией или рабочие с очень слабым профессиональным образованием, а во многих случаях полные воодушевления молодые интеллигенты, также не обладавшие специальными познаниями. Но на первых порах организационного строительства, проводившегося вследствие неожиданности переворота крайне поспешно, не было другого выхода, как воспользоваться теми людьми, у которых было достаточно охоты и амбиции для этого. Неизбежен длительный процесс подбора, пока на каждом месте не будет поставлен подходящий человек.

Если мы сравним венгерскую организацию и весь ход строительства пролетарского хозяйства в этой стране с русским опытом, то мы увидим, что *преобразование и организационное строительство совершалось в Венгрии гораздо быстрее и энергичнее, чем в России*. Все подходящее по своим размерам для *экспроприации предприятия были отчуждены одним ударом*, тогда как в России этот процесс не завершен и до сих пор. Венгерская организация отличалась *большой централизацией*, уделяла рабочим массам меньшее участие в хозяйственном строительстве, чем в России. Эти отличия вытекают из различия условий. Венгрия по сравнению с Россией — крошечная страна; по числу жителей она составляет одну десятую, по территории, может быть, одну сотую часть России. Поэтому многое, что при огромной площади России требовало децентрализации, могло быть организовано здесь централистически. В Венгрии, благодаря малой территории и благодаря тому, что диктатура установилась здесь без предшествовавшей революции и без гражданской войны, было возможно осуществить это преобразование одним ударом. Наконец, то обстоятельство, что чиновники и техники открыто не саботировали, а с первого момента охотно поступили на службу, что среди них было много убежденных сторонников коммунизма, затем и то обстоятельство, что в Венгрии не было хорошо организованной коммунистической партии, которая возбуждала и поддерживала бы в рабочих массах понимание задач хозяйственного строительства, — все это приводило к тому, что организация приняла здесь более бюрократический характер, нежели в России. Но в том-то и дело, что организационные формы одного государства не могут строиться путем простого подражания другому.

VI. Проблемы трудовой дисциплины и интенсивности труда.

Всякое классовое господство покоится на убеждении эксплуатируемых классов, что их положение не может быть изменено. Как только это убеждение колеблется, начинаются революционные вспышки. Но так как при всяком классовом господстве трудовая дисциплина в производстве осуществляется всегда средствами классового господства, то ясно, что всякая революция обозначает серьезное ослабление этой дисциплины. И при буржуазно-политической революции, когда происходит лишь насильственная замена одного слоя господствующего класса другим, всегда расшатывается бера массы в авторитет и потому колеблется трудовая дисциплина. Мы наблюдали это повсюду после октябрьской революции. В Венгрии, например, уже буржуазная революция привела к полному падению капиталистической трудовой дисциплины, так же как в России при Керенском. На заводах стали образовываться заводские комитеты, которые самовольно устанавливали заработную плату, собственной властью удаляли нелюбимых директоров, «социализировали» отдельные предприятия, т.-е. объявляли их собственностью рабочих. Капитализм очутился в совершенно беспомощном положении, так как в его распоряжении не было никакой вооруженной силы для осуществления классового господства и поддержания классовой дисциплины. Производительность труда падала все больше и больше, и все производство неуклонно разваливалось. Именно это обстоятельство привело некоторых венгерских социал-демократов, экономистов по специальности, в том числе и автора этих строк, к убеждению, что только диктатура пролетариата сделает возможным восстановление промышленности. Было очевидно, что только пролетарская или буржуазная диктатура смогут внести порядок в расстроенные производственные отношения. Восстановление трудовой дисциплины на капиталистической основе могло быть произведено только путем применения вооруженного насилия, как это было в Германии. При таких обстоятельствах выбор было сделать не трудно, так как даже в странах-победительницах капитализм обнаруживал, несомненно, признаки распада, а пример России до-

казывал возможность чисто пролетарской правительственной власти и восстановления производства на социалистической основе.

Но на первых порах пролетарская революция как в России, так и в Венгрии принесла с собой дальнейшее ослабление трудовой дисциплины, дальнейшее падение производительности труда. Рабочие, разбившие все цепи политического классового господства, не хотели на первых порах подчиняться и трудовой дисциплине. Психологически это понятно. Старые средства насилия над рабочей массой, средства классовой дисциплины, штрафы, увольнения, черные доски, локаут, угрозы голодом и применение пулеметов в случае массового выступления пролетариата—потеряли всякий смысл, раз рабочие сами управляют предприятием и правительство и вооруженная сила находятся в их руках. *Возникает трудная задача—создать новую, соответствующую изменившимся социальным отношениям свободную рабочую дисциплину,* без которой указанное нами во второй главе теоретически мыслимое поднятие интенсивности и производительности труда не может быть осуществлено.

Но сначала необходимо было пройти еще через один серьезный кризис. Одним из главнейших факторов, обеспечивающих при капиталистическом производстве интенсивный труд, является поштучная заработная плата, гарантирующая, во всяком случае, некоторую минимальную ежедневную выработку. От этой поштучной платы пришлось отказаться. Дело в том, что отмена аккордной работы и введение повременной оплаты было давнишним требованием рабочих, получившим при капиталистическом строе свое обоснование и сделавшимся составною частью пролетарской идеологии. *В силу инерции идеологии, это требование было весьма энергично поддержано рабочими и в отношении к пролетарскому государству.* И этому требованию времени пришлось пойти навстречу. Одним из первых декретов венгерского советского правительства устанавливалась отмена аккордной платы и введение единой часовой оплаты, при чем промышленные рабочие в отношении заработной платы были разделены на три группы: необученных, подученных и обученных. Соответственно принципу возможного уравнивания доходов, существовавшая до тех пор заработная плата необученных рабочих была сильно повышена, тогда как заработная плата наилучше оплачиваемых рабочих осталась почти без изменения. Аккордная плата сохранена была только для горнорабочих, месячная плата—для всех чиновников и служащих.

Само собой разумеется, было удовлетворено и другое требование рабочих: немедленно был введен восьмичасовой рабочий день. Рабочий день подростков был ограничен шестью часами.

Всеобщее введение часовой оплаты одновременно с ослаблением трудовой дисциплины имело прежде всего следствием новое, получившее широкие размеры, понижение производительности и интенсивности труда. Освобожденные от классового гнета, рабо-

чие обнаружили также и в процессе труда полное отсутствие дисциплины. Рабочее время точно не соблюдалось, распоряжения руководителей производством совершенно не исполнялись. Производительность труда сильно упала. Это было естественным следствием алчного, эгоистического умонастроения преобладающего большинства рабочих. Деморализованные в процессе капиталистического производства рабочие не могли понять, почему более слабый, более медлительный рабочий за свой менее продуктивный труд должен получать ту же плату, как и лучшие рабочие. Результатом введения часовой оплаты явилось то, что *интенсивность труда упала, а продуктивность труда обнаружила тенденцию спуститься до уровня продуктивности худшего рабочего*. И это происходило часто вполне открыто. Например, в Будапеште три завода, изготовляющие сельско-хозяйственные машины, были объединены в один. Оказалось, что между дневной выработкой рабочих двух заводов разница достигала 50%. И лучшие рабочие заявили: или пусть все вырабатывают, сколько они, или они сведут свою выработку на низший уровень. Это достаточно характеризует общее понимание рабочих. Продуктивность труда упала поэтому в начале диктатуры еще сильнее, в некоторых случаях — на 50%. В качестве докладчика на съезде советов, я — тогда народный комиссар социального производства — не смягчая красок и даже несколько преувеличивая, открыто разоблачал эти недостатки новой организации труда.

Тогда казалось уместным возможно сильнее подчеркивать это падение производительности труда, чтобы возбудить внимание и волю рабочих к реформе. Нужно, однако, отметить, что уже во время наибольшего развала обнаруживались и утешительные моменты. Прежде всего, падение интенсивности труда не было всеобщим. Были предприятия, как, например, большая фабрика *обмундирования в Кисепеле*, *железоделательный завод в Диосгере* и т. д., где выработка не понизилась. *На каждом заводе или фабрике было, по крайней мере, несколько отделений, где под влиянием группы рабочих с сильно развитым классовым сознанием, несмотря на переход от аккордной платы к повременной, выработка не только не понизилась, но в некоторых случаях даже поднялась*. Кроме того, для объяснения падения продуктивности труда нужно подчеркнуть еще и то обстоятельство, что, когда 2-го мая Советская республика в первый раз подверглась угрозе нападения со стороны румын, были призваны на военную службу все служившие ранее рабочие крупнейших фабрик, что привело к ухудшению в качественном составе и к ослаблению организационной связи между рабочими. Наконец, с продолжением блокады все сильнее и сильнее давал себя чувствовать недостаток в топливе, сырье, машинах и орудиях, что затрудняло правильное производство. Рабочие, находящиеся непрерывно под действием страха, что вот-вот истощатся запасы какого-нибудь материала и они останутся без работы, психически не способны

к интенсивному труду. Поэтому мы не должны впасть в ошибку и, как это делали буржуазные клеветники, объяснять падение производства при Советской власти исключительно падением интенсивности труда, а последнее существовавшей тогда формой правления.

Ведь, всем известно, что продуктивность труда очень сильно упала во всех странах уже в 1919 году, в особенности странах побежденных, независимо от того, какая у них была форма правления.

Как только закончилась самая элементарная организационная работа, сейчас же началась борьба за восстановление трудовой дисциплины и увеличение выработки. В бесчисленных статьях и речах рабочим разъяснялось, что и пролетарское государство не сможет, в конце-концов, распределить продуктов больше, чем их будет произведено; что повышение жизненного уровня при всякой государственной форме может быть достигнуто лишь при условии увеличения производства. Эта интенсивная агитационная работа дала своевременно плоды: рабочие сами стали изыскивать пути к повышению продуктивности труда. В общественном мнении рабочих произошла перемена к лучшему: не было ни одного рабочего, который высказывался бы открыто против повышения продуктивности. Вопрос этот обсуждался на всех заводских собраниях. *На многих металлургических заводах рабочие добровольно возвращались к системе аккордной оплаты. Передовые слои рабочих стремились побудить этим менее сознательные массы к более высокой выработке.*

Здесь нужно, однако, подчеркнуть то, о чем мы говорили уже в третьей главе, а именно, что увеличение заработка путем аккордной работы во время диктатуры пролетариата не имеет для рабочих того значения, как при капиталистическом строе (в нормальных условиях), когда всякий денежный доход может быть немедленно превращен в реальные блага. Уже в капиталистическом военном хозяйстве рабочие во время борьбы за увеличение заработной платы часто заявляли, что им приносит мало выгоды увеличение денежной платы, т. к. важнейшие продукты продовольствия нормированы и за деньги их получить нельзя. При диктатуре это обстоятельство проявилось с необычайной силой. Вследствие инерции идеологии приходилось очень сильно повысить заработную плату, особенно необученных рабочих, которые до сих пор оплачивались хуже всего. Но этому повышению денежного заработка не соответствовало такое же увеличение производства продуктов; наоборот, в начальный период диктатуры последнее обнаружило значительный регресс. Отсюда получилось весьма большое различие между денежной и реальной заработной платой, между потенциальной и реальной покупательной способностью. Чем лучше проведено государственное распределение, чем успешнее ведется борьба с подпольной торговлей и спекуляцией, тем труднее реализовать все, что превышает средний заработок, тем

меньше действительной пользы получают рабочие от увеличения заработной платы. *Но так как с постоянным недостатком в продуктах приходится считаться на долгое время, то увеличение денежной заработной платы может иметь лишь ограниченное действие на повышение интенсивности и продуктивности труда.*

Поэтому, если поднятие интенсивности и производительности труда можно достигнуть только материальной выгодой, то нужно платить натурой. В Венгрии был план вознаграждать все, что выработано индивидуумом или коллективом сверх нормы, выдачей одежды или предметов роскоши. Но план этот не был осуществлен.

Во время диктатуры пролетариата для установления новой дисциплины труда и повышения интенсивности труда естественнее было бы прибегнуть к идеологическим средствам, к настойчивой агитации, к апелляции к общественному чувству рабочих. Но тут мешает инерция идеологии масс, в силу которой рабочие, видя в государстве или коммуне работодателей, сохраняют в отношении к нему то же враждебное отношение, как и к прежним капиталистам. Для борьбы с этим явлением необходима упорная, настойчивая просветительная работа. *Идеология рабочих должна быть переработана соответственно изменившейся экономической основе.* Это процесс необычайно трудный, ибо инерция идеологии, как мы уже говорили, поддерживается тем экономическим фактом, что рядом с экспропрированными предприятиями сотни тысяч мелких предприятий остаются в частной собственности и, как таковые, применяют наемный труд. Можно принять, что в первый год диктатуры еще половина промышленных рабочих занята у частных работодателей. Само собой разумеется, что с установлением пролетарского господства эксплуатация в частных предприятиях понижается до минимума. Высокая заработная плата, короткое рабочее время, низкая продуктивность труда отнимают у работодателя большую часть капиталистической прибыли. *Однако, форма социальных отношений: эксплуататоры и рабочие—остается неизменной и поддерживает привычную, социально все еще оправдываемую боевую позицию рабочих.* И так как профессиональные союзы охватывают всех рабочих одной и той же профессии—все равно, работают ли они в экспроприированных или частных предприятиях, так как возможен переход из частных предприятий в экспроприированные и наоборот и так как администрация профессиональных союзов заинтересована в том, чтобы союзы эти и в дальнейшем оставались боевыми организациями, то отсюда понятно, как трудно переделывать идеологию рабочих. Это еще одно добавочное обстоятельство, говорящее, за то, что нужно возможно скорее произвести как можно более полную экспроприацию.

Помехой служило также невыясненное отношение между рабочими и администрацией в экспроприированных предприятиях. На капиталистической фабрике функция административного персонала

двойная. Кроме технического руководства на нем лежит представительство интересов капитала по отношению к рабочим: установление заработной платы, контроль над выработкой, поддержание дисциплины и т. д. Хотя преобладающее большинство этих служащих, как в отношении заработка, так и по социальному своему положению, являются такими же наемными рабочими, таковыми же пролетариями, тем не менее, у рабочих по отношению к ним существует сильное недоверие, вследствие выполняемых ими функций контроля, вырождающихся иногда в бездушное понукание. Вопрос об отношении административного персонала к рабочим во время диктатуры, мы будем разбирать в следующей главе. Здесь же мы хотим только установить тот факт, что при изменившемся социальном соотношении сил восстановление трудовой дисциплины не может быть достигнуто помощью тех служащих, которые исполняли эту функцию, уже прежде, на службе у капитала. Эту функцию могут выполнить только новые пролетарские органы: заводские советы и комиссары по организации производства. И потому, прежде всего, необходимо было установить круг действия этих органов в вопросе о трудовой дисциплине. С этой целью *Высшим Советом народного хозяйства* было вырабатано нечто в роде дисциплинарного кодекса. Существеннейшие пункты его были следующие:

Если рабочий провинится в смысле нарушения дисциплины: выйдет слишком поздно на работу, самовольно прервет ее и т. д., то он подвергается:

1. *Выговору через заводской совет.*
2. *Занесению на черную доску завода с указанием причины.*
3. *Переводу на другое место в предприятии.*
4. *Понижению заработка соответственно меньшей выработке.*
5. *Увольнению из предприятия или же исключению из всех предприятий коммуны с правом или без права получения установленной для безработных помощи.*
6. *Исключению из профессионального союза, что влечет за собой необходимость перемены рода занятий.*

Тяжелые наказания последних двух пунктов могут быть налагаемы заводским советом только с согласия соответствующего профессионального союза. О всех наказаниях доводится до сведения рабочих предприятия, как предостережение.

Чтобы поднять продуктивность труда, в каждом предприятии должна быть установлена определенная, равная прежней, минимальная выработка. Те рабочие, которые вырабатывают меньше, подвергаются вышеуказанным наказаниям. За выработку, значительно превосходящую норму, предусматривалась публичная похвала, а иногда также материальное вознаграждение. Новое в этой системе заключается в том, что центр тяжести переносится на общественное мнение рабочих масс в целях

дисциплинирования каждого отдельного рабочего. Поэтому действенность этой системы зависит от степени развития морального уровня рабочих. Заводской совет и комиссар только там могут применять строгость, где они пользуются нравственным влиянием среди большинства рабочих, и где их мероприятия по поднятию продуктивности труда встречают поддержку рабочих. Если же этого нет, заводской совет не добьется ничего, так как за строгие мероприятия он будет смещен и заменен на новых выборах более покладистыми людьми. Ничего не добьется также и комиссар, хотя он и несменяем, если большинство рабочих деморализовано. В таких случаях нужна помощь со стороны. Вмешаться должен комиссариат труда. На заводы должны явиться агитаторы, чтобы по окончании работ объяснить рабочим на собраниях необходимость дисциплины и интенсивной работы. На плохо работающий завод нужно из других предприятий переводить рабочих с развитым классовым сознанием, чтобы они могли влиять своим примером. Таким образом, без применения насильственных мер вполне возможно медленно поднимать продуктивность труда до ее нормальной высоты.

Но может случиться, что в интересах всего пролетариата придется отказаться от применения этого по необходимости медленно действующего средства. *Общее душевное состояние рабочих отдельных предприятий или целой отрасли производства может быть настолько заражено, что необходимо применение насильственных мероприятий.* Пришедшее в упадок на отдельных предприятиях производство приостанавливается, лучшие рабочие переводятся в другие предприятия, худшие на время остаются без работы. Если речь идет о целой отрасли производства, нужно применить *личную диктатуру*, как это имело место в России на железных дорогах. Но тут возникает принципиальный вопрос: «совместимо ли вообще, как говорит Ленин, назначение отдельных лиц, наделенных неограниченными полномочиями, т.-е. диктаторов, с основными принципами Советской власти».

На этот вопрос тов. Ленин в брошюре «Ближайшие задачи Советской власти» решительно и определенно дает положительный ответ. Он говорит:

«Если мы не анархисты, то мы должны признать необходимость государства, т.-е. принуждения, для возможности перехода от капитализма к социализму. Форма принуждения определяется степенью развития данного революционного класса, затем такими особыми обстоятельствами, как, например, наследие долгой и реакционной войны, затем формами сопротивления буржуазии или мелкой буржуазии. Поэтому нет решительно никакого принципиального противоречия между советским (т.-е. социалистическим) демократизмом и применением диктаторской власти отдельных лиц. Всякая крупная машинная индустрия, т.-е., материальный производственный источник и фундамент социализма,—тре-

бует безусловного и строжайшего единства воли, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. Но как может быть обеспечено строжайшее единство воли? Подчинением воли тысяч воле одного. При идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, это подчинение напоминает больше мягкое руководство дирижера. Оно может принимать резкие формы диктаторства, если нет идеальной сознательности и дисциплинированности. Но так или иначе, для успеха процессов работы, организованной по типу крупной машинной индустрии, безусловно необходимо беспрекословное подчинение единой воле».

Само собой разумеется, назначение руководителей с диктаторскими полномочиями не может рассматриваться, как окончательное решение вопроса. Окончательное решение дает только приспособление всей идеологии рабочих к новому социальному положению. Это изменение идеологии—трудная, но, безусловно, необходимая работа. В этом направлении шла работа в Венгрии, и можно утверждать, что в смысле установления дисциплины и поднятия производительности труда, сильно упавших в первый период диктатуры, в дальнейшем были достигнуты значительные успехи. К сожалению, этого нельзя показать на цифрах; приведение данных по отдельным предприятиям, как это мы часто получали из России, не может быть убедительным. Мы, со своей стороны, придерживаемся того убеждения, что дисциплины труда и соответствующей продуктивности работы можно добиться и без кнута капиталистического эксплуататора, а систематически применяя моральное воздействие. Чем развитее пролетариат страны, чем более он склонен к самоорганизации, чем выше значение общественного мнения, чем глубже, благодаря хорошей воспитательной работе, проникло в массы коммунистическое настроение, тем легче достигается и тем действеннее будет новая свободная дисциплина. Английский народ с его талантом и к самоорганизации и к добровольной дисциплине гораздо легче создаст явную дисциплину, чем народы, в течение долгого времени привыкшие к деспотическому правлению.

VII. Проблема чиновничества.

Проблема чиновничества находится в самой тесной связи с вопросом о зрелости пролетариата и поднятия производительности. В капиталистическом строе чиновничество образует слой наделенных большими привилегиями наемных работников — в форме государственной и военной бюрократии оно представляет собой собственно правящую касту, так как современная буржуазия, правда, господствует, но не располагает временем, чтобы управлять — слой, который, как иерархически организованный класс, вообще говоря, враждебно противостоит господству пролетариата.

С другой стороны, этот слой состоит из лиц, обладающих, благодаря специальному образованию и усвоенной на службе рутине, специальными познаниями в области производства и организации, которых недостает рабочим и которых нельзя усвоить в короткое время. Таким образом, проблема состоит в следующем: сломить могущество чиновничества, как самостоятельно организованного класса, и вместе с тем привлечь на службу пролетарского народного хозяйства и трудно заменимых специалистов, так как полная их потеря причинила бы большой вред как организации управления и отчетности, так и самому производству. Мы намеренно употребили выражение: (привлечь на службу пролетарского народного хозяйства», так как как-раз для важных интеллектуальных функций работа, вынужденная путем внешнего насилия, является бесплодной. Мы не думаем, чтобы русская система рабочего контроля, в сущности своей основанная на принуждении, давала действительное решение вопроса. Ибо, если контролирующие рабочие обладают достаточными специальными познаниями, чтобы судить о правильности распоряжений чиновника-специалиста, то оставление такого чиновника на службе является излишним. Если же рабочие этими специальными познаниями не обладают — а так обстоит дело в большинстве случаев в начальный период диктатуры, — то контролируемый чиновник будет водить контролера за нос, и вся система будет иметь только ту пользу, что постепенно вводит рабочего в курс дела. Поэтому нужно стремиться действительно привлечь к себе ценные интеллектуальные силы.

Это было затруднено тем обстоятельством, что как русское, так и венгерское советское правительство стало принципиально

на ту точку зрения, что между физическими и умственными работниками нет никакого различия и что положение чиновника в отношении заработной платы, рабочего времени, обеспечения на случай болезни и т. д. ничем не должно отличаться от положения рабочего физического труда (позднее в России было сделано исключение для специалистов). Это было предвосхищением того состояния, которое должно наступить уже во втором поколении после установления диктатуры, когда каждый, пройдя через новую трудовую школу, получит должную подготовку для умственного и физического труда. В первый же период диктатуры так решать вопрос нельзя. Но мы вернемся к этому ниже.

В капиталистическом строе чиновничество могло быть отнесено к пролетариату постольку, поскольку оно также живет продажей своей рабочей силы. Но способы продажи этой силы различны и отсюда вытекает глубокое различие в условиях жизни и идеологии. Рабочий продает свою рабочую силу со дня на день; он получает часовую заработную плату; в любой момент, без объяснения причины, работодатель может предупредить рабочего о предстоящем увольнении и через несколько дней после этого — в лучшем случае через две недели — уволить. Чиновники получают месячную или годовую плату; срок предупреждения об увольнении простирается до одного года; государственные, муниципальные, а иногда и частные чиновники имеют пожизненную службу; они могут быть уволены только в дисциплинарном порядке. *Прочность службы — уже сама по себе — создает глубокое различие в социальном положении и имеет следствием консервативную идеологию чиновника.*

Рабочий получает часовую плату: поэтому каждый праздник, каждые пропущенные полчаса немилосердно вычитываются. Чиновник получает месячное жалование; за праздники ему платят; пропущенные рабочие дни и часы ему засчитываются. Когда рабочий заболевает, уплата жалования прекращается: он получает только больничные деньги. Заболеет чиновник, он продолжает получать обычное жалование. Старый, потерявший трудоспособность рабочий выбрасывается на мостовую, — чиновник получает пенсию. Рабочий никогда не имеет отпуска, чиновник ежегодно получает отпуск с сохранением жалованья.

Различие в обращении с рабочими и чиновниками зависит не столько от различия между физическим и умственным трудом — труд многих рабочих требует больше умственного напряжения и знания дела, чем шаблонная конторская работа, — сколько от различия социальных функций того и другого. Чиновничество является орудием господствующего класса для обуздания рабочих, стеной, отгораживающей оба класса друг от друга, искусственно созданным расширением узкого базиса, на котором стоит господствующий класс. *Поэтому и бюрократия чувствует себя принадлежащей к господствующему классу.* И действительно, верхи как государственной, так и бюрократии работающей

в области хозяйства, происходят из господствующих классов или сливаются с ними по образцу жизни или через родственные связи. Поэтому идеология бюрократии, это—идеология принадлежности к господствующему классу, укрепляющаяся общностью привычек, образования, одежды и т. д., тогда как те же самые моменты' отделяют чиновника от рабочего. Вследствие быстрого ухудшения жизненных условий, вызванного необычайной дороговизной, эта идеология была поколеблена только в последнее десятилетие.

Но для уяснения проблемы недостаточно говорить о классе чиновников вообще. Чиновничество, в свою очередь, распадается на слои, и на важнейших из них необходимо становиться.

1. *Чиновничество, непосредственно принадлежащее к организации власти господствующего класса*: офицеры и унтер-офицеры всех родов оружия, чиновники управления и суда. Этот слой идеологически теснее всего связан с господствующим классом; он обладает сильным чувством сословности и склонностью вести свою собственную политику, отличную даже от политики экономически господствующего класса. Для рассматриваемых нами проблем он может быть совершенно оставлен в стороне.

2. *Учительский персонал всех ступеней*: в капиталистическом строе это хуже всего оплачиваемый, пользующийся наименьшим престижем слой чиновничества, который легче всего примыкает к пролетариату.

3. *Чиновничество, занятое в производстве и обращении*. Часть его выполняет незаменимые производственные функции: инженеры, химики, техники, организаторы, управляющие; другая часть выполняет необходимую работу по распределению и надзору; деятельность третьей вызвана исключительно конкуренцией и составляет непроизводительные издержки капиталистической хозяйственной системы. Конечно, имеются и переходные слои: железнодорожные и почтовые чиновники, частью принадлежащие к первой категории, частью выполняющие производительные функции. Железнодорожные рабочие, слуги и т. д., имеющие пожизненную службу, но являющиеся все же рабочими.

Для диктатуры пролетариата первая и вторая категории чиновничества не выдвигают каких-либо трудных проблем. Первую категорию чиновников нужно разогнать, их организационную структуру необходимо разбить. Только после окончательной ликвидации старой организации принуждения, отдельные лица, принадлежавшие к ней, могут быть приняты на службу пролетарского государства¹⁾. Иначе обстоит дело с учительским персо-

¹⁾ Так дело обстоит в России. В Венгрии, где диктатура пролетариата явилась не в результате классовой революции, а мирным путем, вся бюрократия, принадлежавшая к организации власти старого государства, „с готовностью“ предложила свои услуги пролетарскому правительству. Генералы и статс-секретари соперничали между собой в готовности служить ему; организации государственного чиновничества стали тотчас же на платформу пролетарской диктатуры. Неудивительно, что при

налом: его можно целиком взять на службу пролетарского государства; чистку нужно произвести только среди верхов, и весь дух должен быть приспособлен к новым условиям, что в этой категории чиновничества не встречает серьезных затруднений.

Собственно проблему представляет только чиновничество, занятное в производстве и распределении, живущее в непосредственном соприкосновении с рабочим классом. Этот слой в капиталистическом строе играл двойную роль. По отношению к рабочим он представлял — в лице руководителей предприятий, контролеров, калькуляторов заработной платы, мастеров — анонимный, невидимый капитал. В этой роли чиновники были ненавистны рабочему классу. С другой стороны, в качестве инженеров, организаторов, химиков, техников, они исполняли очень важные производственные функции, в которых их очень трудно заменить пролетариями. Чтобы достигнуть соответствующей производительности в работе предприятия, безусловно необходимо взаимное соглашение между рабочими и техническим персоналом. Но это соглашение чрезвычайно затрудняется своеобразными условиями диктатуры. *Рабочие, к которым при диктатуре переходит функция управления производством, требуют, чтобы тотчас же было осуществлено на деле принятое в принципе уравнение чиновников и рабочих в отношении оплаты труда и условий работы.* Итак, либо уничтожение вышеупомянутых привилегий чиновников, либо распространение этих привилегий на всех рабочих.

Отсюда во время венгерской советской республики происходили все более и более увеличивавшиеся разногласия между чиновниками и рабочими, разногласия, весьма невыгодно влиявшие на производительность фабрик и заводов. Чиновники, среди которых до диктатуры было много горячих сторонников, даже борцов за советскую систему, остыли, исключая небольшой слой, действительно убежденных, — к работе, когда они не только не получили ожидаемого руководящего положения в производстве и политике, но увидели, что и их старым привилегиям грозит опасность. Профессиональные союзы чиновников высказались решительно за сохранение status quo. Правда, отдельные спорные вопросы так или иначе разрешались смешанными комиссиями соответствующих профессиональных союзов. Но тем не менее выяснилась настоятельная необходимость взять в этих вопросах определенную принципиальную позицию, ибо в противном случае грозил всеобщий саботаж всего персонала. Высший Совет Народного Хо-

таких обстоятельствах разрушение старого аппарата принуждения было произведено только поверхностно. Преобладающее число чиновников было оставлено на своих местах; большая часть его веда незаметный, осторожный, но упорный саботаж. Тому обстоятельству, что старый бюрократический аппарат не был разрушен, нужно приписать то, что реакционному режиму в Венгрии в сравнительно короткий срок удалось восстановить старую систему.

зайства выделил комиссию для исследования этого вопроса, которая, однако, своей работы не закончила.

В России чиновники, а также и технический персонал, после завоевания пролетариатом политической власти, решительно заняли место во враждебном лагере и оказывали открытое сопротивление новому строю. Это сопротивление нужно было разбить. Противоречие между специальными познаниями и социальной благонадежностью было без колебаний разрешено в пользу последней. В своей речи 28 марта 1918 г. Троцкий по этому поводу говорит следующее 1):

«Военное сопротивление буржуазии оказалось сломленным в кратчайший срок. Она выдвинула тогда другой механизм сопротивления—в виде саботажа чиновничьего и технического персонала, всех квалифицированных и полуквалифицированных интеллигентных сил, которые служат в буржуазном обществе естественным механизмом технического руководства и вместе с тем классового господства, классового правления.

«Все эти элементы встали на дыбы после завоевания власти рабочим классом. Упразднив Учредительное собрание, советы разбили позвоночный столб интеллигентского саботажа. Сопротивление всех этих технических, административных чиновничьих элементов оказалось преодолено».

Но победа эта была куплена ценою «усиления разрухи». И рабочий класс, предоставленный самому себе, не мог остановить этой разрухи.

«Несчастье рабочего класса заключается в том, что он всегда занимал положение угнетенного класса. Это отразилось на всем: и на уровне его образования, и на том, что у него не было тех навыков управления, какие имеет господствующий класс и передает по наследству через свои школы, университеты и проч. Он должен поэтому извлечь из аппарата все ценные, квалифицированные элементы, технически ему необходимые, поставить их на надлежащее место... Теперь борьба с саботажем должна выражаться в том, чтобы вчерашних саботажников превратить в слуг, в исполнителей, в технических руководителей там, где это нужно новому режиму. Если мы с этим не справимся, если не привлечем все те силы, которые нам необходимы, и не поставим их на советскую службу, то наша вчерашняя борьба с саботажем, борьба военно-революционная, была бы тем самым осуждена, как совершенно напрасная и бесплодная».

Решение вопроса Троцкий видит в контроле через рабочие коллегии и в некотором самоограничении рабочего класса, «который знает, где может сказать решающее слово выборный представитель самих рабочих и где необходимо очистить место технику, специалисту, который вооружен известными познаниями, на

1) Л. Троцкий. „Труд, дисциплина и порядок“. Стр. 9 и след. изд. Петрогр. Сов. Раб. и Кр. Армейских депутатов. 1918 г.

которого можно возложить большую ответственность и который должен быть взят под бдительный политический контроль».

Проблема схвачена здесь во всем своем значении, но собственно решения никакого не дается. Очень легко разграничить круг деятельности технических руководителей и рабочего фабрично-заводского совета, *если с обеих сторон налицо добрая воля* (об этом мы уже говорили в главе об организации). Но можно ли побудить пропитанного алчно эгоистической идеологией чиновника к тому, чтобы он работал с полным напряжением и силой при окладе, пониженном до уровня заработной платы рабочего? С другой стороны, можно ли добиться от господствующего политически класса рабочих физического труда, чтобы он в производстве подчинялся распоряжениям техника-чиновника и чтобы, несмотря на принципиальное признание равенства условий труда, предоставил бы ему более высокую заработную плату и лучшие условия труда? Для решения этого вопроса нужно пойти наш анализ несколько дальше. Слой занятых в производстве и обращении чиновников, как-то: банковские, фабрично-заводские служащие, чиновники путейского ведомства и торговые служащие, которых, в противоположность государственным чиновникам, обычно называют частными служащими, — этот слой принимается обыкновенно, как нечто однородное, только потому, что всех их объединяет одна профессиональная организация. Что же касается их роли в производстве, то они резко разделяются на два слоя. 90 процентов из них выполняет обыкновенную несложную работу, которой в короткое время может научиться всякий, обладающий нормальными умственными способностями: армия переписчиков-машинистов, бухгалтеров, корреспондентов, служащих в складах, продавцов и т. п. Этот слой служащих затрачивает при своей работе не больше умственной энергии, чем многие рабочие ручного труда. Схематизация работы в этой области сделала за последние десятилетия огромные успехи. Как говорит где-то Вольдт, корреспондентам в больших предприятиях не предоставляется даже свободы самим решать, какое письмо подписывать «с почтением», «с совершенным почтением», или каким-либо иным оборотом вежливости. Эти обороты пронумеровываются и корреспондентам даются указания, когда употребить 1, 2, или 3 номер. Система Тейлора тоже не без успеха пыталась способствовать дальнейшей механизации конторской работы. Поэтому нет никакого основания предоставлять этим служащим лучшие условия труда, чем рабочим фабрик и заводов¹⁾, тем более, что с прекращением анар-

¹⁾ Маркс установил это еще полстолетия тому назад. „Собственно торговый наемный рабочий принадлежит к лучше оплачиваемому слою наемных рабочих, к тем, труд которых — искусный труд, стоит выше среднего труда. Однако, с развитием капиталистического способа производства заработная плата имеет тенденцию к понижению, даже по сравнению со средним трудом. Отчасти благодаря разделению труда в самой конторе отсюда необходимость производства лишь односторонне развитой рабочей

хин производства и с организацией центрального хозяйственного управления конторская работа еще больше упрощается, схематизируется. *Итак, нет никакого основания ставить эту огромную армию чиновников в преимущественное положение, оставлять им привилегии, приобретенные на службе классового государства.* Условия их труда, т.-е., длину рабочего дня, сроки предупреждения о прекращении договора о найме и т. п., можно совершенно спокойно приравнять к условиям труда рабочих. В других отношениях это уравнение должно было бы быть произведено путем улучшения условий труда рабочих. Так, например, следовало бы предоставить всем рабочим право на отпуск с сохранением жалования. Примеры из капиталистической практики показывают, что рабочие наверстывают потерянное вследствие отпуска время более интенсивной работой. Саботажа со стороны этого слоя чиновников сильно бояться не приходится, так как надсмотр над ними очень легок, и в случае нужды их можно заменить рабочими.

Совсем иначе обстоит дело с остальными десятью процентами, или еще более узким кругом специалистов: техническими руководителями, организаторами, химиками и т. д. Они не могут быть заменены рабочими и деятельность их, как мы уже сказали, с трудом поддается контролю рабочих. Их нужно так или иначе привлечь к себе.

«Без руководства специалистов различных отраслей знания, техники, практики, переход от диктатуры пролетариата к социализму невозможен, ибо социализм требует сознательного и массового движения вперед к высшей по сравнению с капитализмом производительности труда. Специалисты в массе своей неизбежно являются буржуазными, в силу всей обстановки той общественной жизни, которая сделала их специалистами... Массы саботажников «идет на службу, но лучшие организаторы и крупнейшие специалисты могут быть использованы государством либо постарому, по буржуазному, т.-е., за высокую плату, либо по-новому, по-пролетарски, т.-е. созданием той обстановки всенародного учета и контроля, которая неизбежно и сама собой подчинила и поставила бы на свое место специалистов»¹⁾.

силы, при чем производство ее отчасти ничего не стоит капиталисту, так как искусность рабочего развивается в самом процессе его труда.

Во-вторых, потому, что, по мере развития науки и народного образования, необходимая подготовка, торговые знания, знание языков и т. д. могут быть воспроизведены все быстрее, все легче и дешевле, чем больше капиталистический способ производства направляет методы преподавания и т. д. на практические цели. Всеобщее народное образование позволяет набирать этих служащих из таких классов, которым раньше подобный труд был недоступен и которые привыкли к худшему образу жизни. За некоторыми исключениями поэтому, с развитием капиталистического производства рабочая сила этих людей обесценивается: их заработная плата падает, в то время как их работоспособность повышается»²⁾.

(«Das Kapital» III/1 стр. 284—3-е и др.).

¹⁾ Ленин. Очередные задачи советской власти.

С своей стороны, мы не думаем, чтобы эти специалисты, даже при помощи самой лучшей организации могли бы быть принуждены к полному напряжению своих сил и способностей. Между тем в России этой организации и не существовало. Ленин говорит далее:

«Мы должны теперь прибегнуть к старому буржуазному средству и согласиться на очень высокую оплату услуг крупнейших из капиталистических специалистов. Ясно, что такая мера есть компромисс, отступление от принципов пролетарской власти, требующих сведения жалования к уровню оплаты среднего рабочего, шаг назад со стороны нашей социалистической, советской государственной власти! с самого начала провозгласившей и проводившей новую политику понижения высоких окладов до заработка среднего рабочего».

В противоположность Ленину в высоком вознаграждении *специалистов* мы не видим более *серьезного разрыва с принципами Советской власти*, сколько-нибудь более *значительной уступки* привитой капитализмом *корыстно-эгоистической психике* современного поколения, чем в *оплате труда соответственно количеству выработки вообще*. Если сильный, ловкий рабочий может при аккордной плате зарабатывать вдвое больше, чем слабый, болезненный рабочий, производящий только половину, то непонятно, почему выдающийся техник или организатор, работа которого может дать стократный вклад по сравнению с работой среднего рабочего, не должен получать гораздо более высокой оплаты. Разрыв с принципами в обоих случаях совершенно одинаковый.

Итак, в Венгрии с самого начала, в России спустя некоторое время была введена высокая оплата специалистов. Но этим вопрос еще не был решен. Во-первых, должно быть уничтожено объединение в одной профессиональной организации специалистов со средними конторскими работниками — если нужно, путем роспуска профессиональной организации служащих, так как в противном случае все дипломированные рабочие силы, даже те, которые исполняют самую простую конторскую работу, потребуют оплаты, как специалисты, как это и случилось в Венгрии. Далее, надо позаботиться о том, чтобы специалисты за свою высокую денежную оплату могли получать нужные им реальные блага, так как иначе их высокое жалование окажется призрачным.

Успешное решение этого вопроса, как и большинства вопросов экономической политики, теснейшим образом связано с успехами в области политической. Если для чиновников, и в особенности для специалистов станет ясно, что нет никакой надежды на возвращение капиталистической системы, они будут работать с напряжением всех своих сил. Ибо теперь в их собственных интересах будет, чтобы экономические силы страны развернулись во всю ширь. Кроме того, ведь как раз творчество является жизненным элементом всех действительно крупных тех-

ников и организаторов. С другой стороны, с быстрым ростом народной культуры сама проблема чиновничества скоро потеряет свое значение. Вырастет новое поколение, воспитанное в духе чистого братства, свободное от корыстных чувств и буржуазных предрассудков, одинаково ценящее умственный и физический труд. Только в этом новом поколении проблема чиновничества может исчезнуть совершенно.

Но уже в начале диктатуры целый ряд абсолютно преданных, выдающихся представителей умственного труда отдает себя на службу пролетариата. Исполняется предсказание коммунистического манифеста:

«Наконец, в тот период, когда классовая борьба приближается к развязке, процесс разложения внутри старого общества принимает такой сильный, такой резкий характер, что небольшая часть господствующего класса отрывается от него и примыкает к революционному классу, держащему в своих руках будущее. И как прежде часть дворянства переходила к буржуазии, так и теперь часть буржуазии переходит к пролетариату, и особенно часть буржуа-идеологов, которые поднялись до теоретического понимания всего исторического движения».

(Коммунист. Маниф. перев. П. Орловского, стр. 29).

Мы с гордостью можем отметить, что цвет молодого поколения венгерской интеллигенции был на стороне советской республики и всей душой служил делу пролетариата.

Проблема чиновничества имеет также и количественную сторону. С организацией общественного хозяйства число обслуживающих его чиновников сильно увеличивается. Но зато в еще большей степени сокращается число частных служащих, работавших в экспроприированных предприятиях, в особенности, если причислить сюда еще всех излишних теперь самостоятельных агентов в сфере обращения товаров. Отсюда возникает трудная задача: *непроизводительных потребителей превратить в производительных рабочих*. В Венгрии мы только дошли до осознания этой задачи. Ничего положительного в этом отношении сделано не было, так как к организации распределения человеческого материала только лишь приступали; далее еще потому, что профессиональные союзы чиновников оказывали здесь дружное сопротивление, и правое крыло правительства, социал-демократы, стояли на той точке зрения, что ни один служащий не должен быть уволен, прежде чем ему не будет обеспечено какое-либо другое соответствующее занятие. Вследствие этого получилось морально невыносимое положение. Десятки тысяч служащих закрытых учреждений, служащих контор, больше не функционировавших банков, круг деятельности которых сократился до минимума, получили, не совершая никакой работы, полное, даже повышенное содержание, бродили без всякого дела, отклоняли всякое предложение работы на том основании, что они уже состоят на «службе», разбивая тем самым энергию к работе у служащих советского

правительства, которые за такое же вознаграждение должны были нести тяжелый труд, в то время как первые разгуливали без дела. Одним из важных выводов из венгерского опыта является то, что даже на переходное время не следует оставлять на службе чиновников, для которых нехватает работы.

Для производительного использования оказывающихся излишними чиновников имеется достаточно возможностей. Молодое, крепкое поколение можно перевести на полевые работы, где для интеллигентных рабочих сил открывается безграничное поле деятельности по интенсификации труда и поднятию производительности хозяйства. Найдется производительная работа и в отдельных отраслях промышленности. Путем соответствующей подготовки части их может быть увеличен учебный персонал, что крайне необходимо для подъема народной культуры. Наибольшая же часть найдет себе применение в государственных и коммунальных организациях распределения и контроля. Но предварительным условием превращения оказавшихся излишними чиновников в производительную рабочую силу является немедленное увольнение каждого лишнего чиновника. Если это не будет сделано, то только весьма немногие чиновники по собственному почину решатся переменить свою непроизводительную профессию на производительную¹⁾. Сопротивление их профессиональных союзов должно быть сломлено путем интенсивной агитации, в крайнем случае даже путем их роспуска.

¹⁾ Во время венгерской советской республики чиновники одного находившегося в стадии ликвидации финансового учреждения, когда их помещение должно было быть очищено для других целей, заявили следующее: *они смотрят на свой письменный стол, как на клочок земли, обеспечивающий им средства к существованию*. И это в то время, когда за своими письменными столами они не занимались ничем другим, как чисткой своих ногтей.

VIII. Аграрная политика пролетарского государства.

Труднейшей проблемой при пролетарской диктатуре—и в экономическом, и политическом отношениях является аграрный вопрос. В экономическом—потому, что обеспечение городского пролетариата необходимейшими продовольственными продуктами зависит от правильного разрешения аграрного вопроса; в политическом—потому, что в аграрных странах восточной и средней Европы ни одно правительство городского пролетариата не смогло бы долго устоять против единодушного сопротивления сельского населения. *Поэтому нужно вести такую политику, которая не только не создаст тормоза для сельского хозяйства, но по возможности способствует его развитию, обеспечивает питание городского населения и дает пролетарскому режиму опору в деревнях.* Следует поэтому вести такую политику, которая по меньшей мере завоевывает для диктатуры пролетариата сельскохозяйственных пролетариев и деревенскую бедноту (крестьян, которые производят не больше, чем нужно для поддержания жизни, которые не употребляют наемных рабочих, при случае даже сами служат по найму), а средние слои крестьян в крайнем случае заставляет занимать нейтральное положение в политической борьбе.

В первой стадии существования диктатуры питание армии и городов является самой насущной и самой трудной задачей. Почему это так, об этом мы говорили в третьей главе. Поэтому в начале пролетарской диктатуры нужно прежде всего стремиться к тому, чтобы производство не останавливалось ни на одну минуту. Даже в промышленности перерыв приносит большой вред; он крайне опасен в производстве сельскохозяйственном. По естественным производственно-техническим условиям сельскохозяйственная работа имеет периодический характер: что раз упущено, того позже не наверстать—в пределах того же сельскохозяйственного года. И так как сельское хозяйство дает необходимейшие средства к существованию, то прежде всего нужно позаботиться о том, чтобы производство шло без перерывов.

Необходимость обеспечить непрерывность производства оказывает большое влияние и на то, как и какую землю подвергнуть отчуждению. Принципиально дело обстоит так же, как и относительно всех средств производства; всякая земельная собственность

должна быть экспроприрована, *(хотя и земельная собственность, не превышающая определенного размера, является не средством эксплуатации, а естественной основой существования при помощи продуктов своего же труда)*. Но совершенно независимо от этой принципиальной стороны вопроса, из практических соображений ясно, что и здесь, как и в индустрии, нельзя идти ниже определенной границы. *По политическим основаниям*: миллион фанатических собственников—мелких крестьян не следует превращать в активных политических противников, не следует толкать их в лагерь контр-революции. *По экономическо-организационным основаниям*: пролетариат не располагает достаточным количеством приверженцев с развитым классовым сознанием, чтобы одним ударом отказаться от миллионов руководителей сельско-хозяйственных предприятий, и это тем более, что каждая ошибка в этом направлении подвергает опасности снабжение городов продовольствием.

Указать принципиальную границу для экспроприации здесь так же трудно, как и в индустрии. Это прежде всего зависит от распределения землевладения и базирующегося на нем классового расслоения сельского населения, а также и от его идеологии. Чем большая доля земли приходится на крупное землевладение, чем больше абсолютно безземельных пролетариев в сельском хозяйстве, чем острее развито классовое противоречие между крупными землевладельцами и сельско-хозяйственными рабочими, тем прочнее может утвердиться в деревне диктатура, тем дальше можно идти с экспроприацией земли. Напротив, чем равномернее землевладение, чем меньше лишенных собственности настоящих пролетариев, чем слабее поэтому классовые противоречия, тем менее благоприятны условия для пролетарского господства, тем осторожнее нужно приступать к экспроприации. Между прочим, в аграрном вопросе социал-демократический ревизионизм и революционный большевизм расходятся сильнее всего. Развитое крупное землевладение обозначает в глазах буржуазно-демократических политиков феодальную реакцию, экономическую политику в интересах аграриев, высокие цены на продукты продовольствия. Отсюда: острые классовые противоречия, благоприятная почва для пролетарской революции. Преобладание же мелкой крестьянской собственности означает: демократию, слабое развитие классовых противоречий в стране, следовательно, неблагоприятную почву для чисто пролетарской революции. Поэтому ревизионисты — за раздробление крупной земельной собственности, коммунисты, наоборот, — за сохранение ее ¹⁾.

¹⁾ То обстоятельство, что большевики в России давали крестьянам раздроблять крупные имения, ничуть не противоречит этой принципиальной постановке вопроса. Русских большевиков принуждала к этому в политическая обстановка: в стране по преимуществу крестьянской они могли закрепить революцию только этим способом. Теперь они стараются организовать остатки крупного землевладения в виде советских хозяйств и восстановить крупное хозяйство на товарищеских началах.

Как известно, распределение земельной собственности в Венгрии весьма неравномерно. Из всей пахотной земли в 1916 г. 35% падало на хозяйства с площадью более 100 йох (57 гектаров). Если взять всю земельную площадь, то еще большая доля падала на крупное землевладение. В находившейся под властью советской республики и незанятой неприятелем части Венгрии это отношение было еще более неблагоприятно. Соответственно этому в Венгрии насчитывались миллионы абсолютно безземельных сельскохозяйственных рабочих. Если не считать Румынии и Ирландии, то нигде нет такого огромного числа безземельных сельскохозяйственных рабочих, как в населенной мадьярами части старой Венгрии, людей, которые даже самого незначительного клочка земли не могут назвать своим, которые даже не в состоянии обрабатывать за свой счет арендованную землю и, подобно индустриальным рабочим, перебрасываются судьбой то сюда, то туда!

В виду такого положения, в деле экспроприации земли можно было действовать со всей энергией. *Декретом от 3-го апреля была объявлена экспроприация, без какого бы то ни было вознаграждения, всех крупных и средних имений со всем живым и мертвым инвентарем и со всеми принадлежащими им долговыми требованиями и банковыми суммами.* Минимум оставшийся незатронутым от экспроприации в самом земельном декрете не был установлен. В инструкции о проведении декрета этот минимум был определен в 100йох (57 гектаров)¹⁾. Таким образом, несколько миллионов гектаров, приблизительно 50% всей земельной площади, от 35 до 40% пахотной земли, юридически перешло в руки трудящихся.

Экспроприация в Венгрии была проведена в экономически значительно более совершенной форме, чем это происходило в России. В России собственно экспроприации земельной собственности и не было: крестьяне просто поделили ее между собой, разграбив и растащив при этом весь инвентарь. Это была не экспроприация, а революционный раздел. На вредные последствия этого явления очень удачно указал Ленин в своей речи: «Борьба за хлеб». *В Венгрии экспроприация крупного землевладения произошла без раздела, хозяйственный инвентарь остался неприкосновенным, в производстве не произошло перерыва.*

Это менее всего является заслугой деятелей венгерских советов,—это лишь следствие совершенно различных исторических условий, среди которых происходила экспроприация. В России крестьяне, руководимые притом имущими слоями среди них, при-

¹⁾ Само собой разумеется, что установление свободного от экспроприации владения по признаку протяженности не удовлетворяет требованию равномерности: 100 йох плодородной пахотной земли представляют большую ценность, чем 500 йох плохой земли. Но другого ясного признака минимальной границы, кроме территориального, не могло быть найдено. Возникающие отсюда несправедливости должны были впоследствии исправляться.

нимали активное участие в революции. Соответственным образом революция поэтому разрешила и аграрный вопрос. Крестьяне разделили между собой землю и растащили средства производства, при чем наибольшую долю получили не беднейшие, а наиболее зажиточные из них. В Венгрии не было пролетарской революции в собственном смысле слова. Власть перешла в руки пролетариата внезапно, так сказать, легально. Революционное движение в деревне проявило себя лишь очень слабо, но не было и вооруженного сопротивления. Поэтому юридическая экспроприация могла быть произведена без всяких помех, крупное хозяйство могло быть сохранено. В России пытаются ныне создать в сельском хозяйстве государственные крупные предприятия. С осени 1918 г. русское советское правительство идет все дальше и дальше в направлении сохранения крупного хозяйства в форме советских имений, кооперативных хозяйств, сельско-хозяйственных коммун. Несмотря на сопротивление крестьян эта новая форма хозяйства быстро развилась. В начале февраля 1919 г. уже было 1500 кооперативных хозяйств, в конце июля—свыше 5000. Сообщают, что им принадлежит свыше двух миллионов десятин¹⁾.

Мы подчеркиваем выражение *юридически*, ибо нужно откровенно сознаться, что в большинстве случаев экспроприация была произведена только юридически, в социальном же отношении дело обычно менялось так мало, что сельское население часто не имело ясного представления об экспроприации.

Каким образом была произведена экспроприация?

Чтобы только не повредить урожаю, правительство в большинстве случаев оставляло в экспроприированных имениях весь служебный персонал. Они руководили хозяйством попрежнему, теперь только за счет государства. Во многих случаях оставляли в качестве управляющего даже бывшего землевладельца — там, где он сам вел хозяйство. — То же самое делалось и в России при экспроприации крупных промышленных предприятий. Но в то время, как в России сейчас же выступали фабрично-заводские комитеты, фактически осуществляя рабочий контроль, на экспроприированных крупных имениях Венгрии предусмотренное, правда, образование подобных же комитетов оставалось по большей части на бумаге. Если же прежний владелец оставался в качестве назначенного государством управляющего в своем экспроприированном имении, то и в социальном отношении ничего пока не менялось. Владелец продолжал жить в прежнем помещичьем доме, выезжая на четверные, и рабочие попрежнему называли его «барином». Вся перемена заключалась в том, что он не мог больше свободно располагать своим имуществом, но должен был подчиняться распоряжениям центра. Но сельско-хозяйственный рабочий этой перемены почти не замечал. Для него социальная революция

¹⁾ „Russische Korrespondenz“ 1920 г. январь.

имела значение постольку, поскольку он стал получать гораздо большую плату, чем прежде. Более глубокое социальное переустройство было отложено до менее чувствительного в смысле обеспечения непрерывности производства времени — до осени.

Если этот образ действий оправдывался экономически, то в политическом отношении он был тем более опасен, что препятствовал распространению социальной революции среди сельско-хозяйственных рабочих и отдалял момент социального и идеологического присоединения сельского пролетариата к революции. *Таким образом, только незначительная часть сельских рабочих поняла социальную революцию и отдала за нее свою жизнь в рядах красной армии.* Правда, до сбора урожая было бы крайне рискованно с экономической точки зрения пустить корни политической агитации среди деревенских рабочих масс. Если при провозглашении диктатуры промышленный пролетариат Венгрии не был еще «зрелым», чтобы руководить промышленным производством, то в еще худшем положении были сельско-хозяйственные рабочие, которые не прошли никакой, ни экономической, ни социальной школы, среди которых половина не умела ни читать, ни писать и где преобладающим стремлением было приобрести землю в частную собственность. Между ними не только не было коммунистов, но даже и социал-демократов, так как агитация среди сельских рабочих до революции подавлялась всеми средствами правительственного аппарата, находившегося в распоряжении крупных земельных собственников. С этим сырым, неподготовленным человеческим материалом нужно было обращаться очень осторожно, чтобы не подвергать опасности предстоящий урожай. И непрерывность сельско-хозяйственного производства действительно удалось сохранить, правда, дорогой ценой отказа от политической встряски широких масс сельского пролетариата.

Организационное строительство в отношении экспроприированных крупных имений проводилось следующим образом.

Из отдельных имений образовывали производственные товарищества. Товарищества данного района объединялись под общим высшим руководством. Все производительные товарищества были объединены в «центральное управление сельско-хозяйственными производительными товариществами», которые находились в непосредственном ведении земельной секции Высшего Совета Народного Хозяйства. Форма производительных товариществ была выбрана вследствие социальной отсталости сельско-хозяйственных рабочих. Если бы мы просто объявили крупные имения государственной собственностью, то требования со стороны рабочих о повышении заработной платы были бы безграничны, а интенсивность труда минимальной. Поэтому можно было при агитации за повышение интенсивности труда и за трудовую дисциплину ссылаться на то, что чистый доход от имения принадлежит рабочим. Этим удовлетворялось также до известной степени стремление рабочих получить землю в собственность. И политически это казалось не-

обходимым, чтобы вырвать почву у контр-революционной агитации, так как с этой стороны говорилось рабочим, что они только переменяли хозяина, что вместо того, чтобы работать у «благородного графа», они теперь «слуги у городского пролетариата». Материально эта уступка не имела большого значения, так как бухгалтерия всех имений велась в центре. Было предположено, после того, как будет совершена достаточная просветительная работа, объявить экспроприированные крупные имения государственной собственностью, а рабочих превратить в служащих государства, совсем как в обрабатывающей промышленности¹⁾.

Управление хозяйством отдельных имений было организовано совершенно так же, как управление фабриками. Непосредственный управляющий имением, подобно производственному комиссару на фабрике, назначался государством. Членами *производительного товарищества* были постоянные рабочие силы, а именно: получающие годовое жалованье батраки и те свободные рабочие, которые обязывались в течение года проработать в имении определенное минимальное количество рабочих дней (120). Члены товарищества избирали совет с такими же функциями, как фабрично-заводские советы в крупных промышленных предприятиях. Но так как при очень низком уровне образования сельско-хозяйственных рабочих, а также благодаря их консервативной идеологии авторитет управляющего, назначенного государством, был очень велик, то, конечно, такой управляющий всегда имел перевес над советами, которые к тому же не всюду были выбраны. Поэтому сельско-хозяйственные советы функционировали в общем только формально. Организационная работа должна была начаться только с осени. Спокойный ход столь важной для продовольствия страны летней работы не должен был нарушаться. Но и в сельском хозяйстве между рабочими и служащими стали обнаруживаться такие же разногласия, как на фабриках, и примирение их встретило бы и здесь большие затруднения.

В то же время было приступлено к организации экспроприированных имений для обеспечения пропитания городского пролетариата, так как нельзя было в достаточной степени рассчитывать на сдачу продовольственных продуктов со стороны крестьян. *Поэтому делалось все возможное, чтобы поднять производительность экспроприированных крупных имений.* Имевшийся в недостаточном количестве вспомогательный материал—уголь, бензин,

¹⁾ Остается открытым вопрос, возможен ли был бы перевод сельских рабочих на положение государственных служащих, возможна ли была бы социализация крупных имений без их раздела. Многие указания говорят за то, что венгерские сельские рабочие после надлежаще проведенной агитации, добровольно приняли бы такое решение вопроса и добровольно отказались бы от совсем не блестящего положения изолированного мелкого крестьянина. Может быть, было бы выгоднее частично утолить земельный голод деревенских бедняков, предоставив им мелкие участки не больше гектара. Это могло бы быть также сделано в форме наследственной аренды.

искусственное удобрение, а также орудия производства—машины, плуги и т. д.,—все это в первую очередь доставлялось экспропрированным крупным имениям. Существовал план организовать на всех крупных имениях, расположенных кругом Будапешта и больших городов, интенсивное—отчасти огородное—хозяйство. В окрестностях Будапешта уже в первый месяц установления диктатуры были устроены большие огороды на территории прежних скачек. Осенью должны были быть обработаны под огороды новые площади земли. На многих крупных имениях путем использования прежних военных материалов были проведены полевые железные дороги. Молочные коровы отдаленных от железных дорог имений были сконцентрированы в расположенных вблизи железнодорожных станций молочных хозяйствах, чтобы облегчить доставку молока в столицу и другие города. Освободившиеся в предприятиях, вырабатывающих предметы роскоши, а также оказавшиеся излишними в других областях хозяйственной жизни рабочие и служащие должны были направляться в качестве рабочих в экспроприированные имения. Это дало бы им производительное и здоровое занятие и, кроме того, способствовало бы поднятию интеллектуального уровня и вместе с тем интенсивности труда сельскохозяйственных рабочих. На упомянутых выше больших огородах работали сотни бывших служащих и других членов прежних господствующих слоев, работали притом прилежно и рюхотно. Одним словом, это был очень хорошо продуманный план поднятия в короткий срок производительности экспроприированных имений, обнимающих от 40 до 50% всей земельной площади, чтобы обеспечить хотя бы скудное пропитание городского населения и сломить экономическую монополию крестьян в деле продовольственного снабжения. *Самым большим препятствием в проведении этого плана были близорукие, враждебно настроенные к диктатуре пролетариата, всецело погразившие в унаследованной ими умственной косности возжди профессиональных союзов сельскохозяйственных рабочих*, которые подстрекали сельских рабочих к таким безмерным требованиям, при удовлетворении которых весь урожай данного хозяйства достался бы им, а городскому населению не досталось бы ничего. Возможно, что при надлежащей агитационной работе и эту трудность можно было бы преодолеть.

Все без исключения экспроприированные крупные имения были пока-что переданы в ведение государственного центрального хозяйственного управления. Но обсуждался вопрос, не целесообразнее ли было бы муниципализировать отдельные крупные имения, чтобы поднять их доходность при помощи местной работы и контроля. Промышленные рабочие отдельных крупных предприятий также делали предложения о передаче им крупных имений в их непосредственное заведывание: они хотели по окончании работ на фабрике или заводе принять участие в работах в «своем» имении. Хотя это и казалось соблазнительным, все же из принципиаль-

ных соображений мы отклоняли подобные предложения. При всеобщей тенденции к партикуляризму, свойственной всякой революционной эпохе, приходилось опасаться того, что при таком разрешении вопроса расстроится центральный продовольственный аппарат. В России, с ее колоссальными расстояниями, выгоды, которые должны получаться благодаря местной заинтересованности в поднятии производительности хозяйства, повидимому, перевешивали тот вред, который неизбежно связан с расстройством единства продовольственного аппарата. В статье Ларина, напечатанной в «Красном Знамени» в конце 1919 года, говорится следующее:

«Для того, чтобы сельское хозяйство служило интересам пролетариата и могло развиваться, советское правительство отдает большие участки земли фабрикам, предприятиям и обществам для организации на них сельскохозяйственных работ, равно как и органам городского управления. Декрет Совета Народных Комиссаров от 15 февраля 1919 года дает еще лишнее поощрение в этом направлении. Так, наряду с сельскохозяйственными предприятиями мелких крестьян, наряду с частными хозяйствами или хозяйствами небольших групп, в имениях прежних крупных помещиков (если только имения эти не были в значительной степени поделены между крестьянами) создается социалистическое сельское хозяйство. Таким образом, на глазах крестьян создаются местные центры, которые своим примером убеждают крестьян в преимуществе товарищеской и рациональной организации и вызывают их на подражание».

Здесь мы подходим к специальной проблеме крестьянства, подлежащего владеть своей землей на правах частной собственности. Мы считаем утопичным оптимизм Ларина—такой же взгляд высказывает Каутский в своем Аграрном вопросе,—будто под влиянием государственных крупных хозяйств крестьяне придут к добровольному отказу от своей частной собственности. В России, где, благодаря общинному владению землей, благодаря «миру», у крестьян могли сохраниться следы мирозозерцания, близкого к коммунизму, может быть, это и возможно. Но в тех странах, где частная собственность на землю утвердилась уже с давних пор и где алчно-эгоистическая идеология пустила глубокие корни и в крестьянстве, нечего и думать о добровольном отказе нынешнего поколения от частной собственности. Каждое пролетарское правительство должно, по нашему мнению, считаться с этим фактом.

Как же быть с крестьянами?

Этот вопрос стоит в теснейшей связи с проблемой питания. В Венгрии половина всей земельной площади, как крупное землевладение, была экспроприрована, и так как, казалось, таким образом обеспечивалось, по крайней мере, скудное питание городского пролетариата, то в крестьянском вопросе мы могли занять выжидательную позицию. Путем организации просветительной работы мы могли бы научить крестьян лучшим методам хозяйства, повысить

их потребности и *предупредить*, таким образом, *возврат к замкнутому домашнему хозяйству*. Предполагалось сделать попытку получать у крестьян продовольственные излишки мирным путем—посредством покупки или натурального обмена. Более решительные меры пришлось бы принять только в том случае, если бы зажиточные крестьяне систематически отказывались от продажи или обмена своих избытков по политическим мотивам. В этом случае нет другого средства, кроме экспроприации самой земли. Реквизиции не ведут к цели, так как они влекут за собой сокращение производства. Но так как экспроприированные крестьянские хозяйства могли бы управляться только местными органами и вследствие своей распыленности на мелкие единицы в большинстве случаев не пригодны для крупного хозяйства, то для этой цели должна была бы быть создана новая политически и экономически надежная местная пролетарская организация. В России была сделана попытка организации контроля над сдачей продовольствия богатыми крестьянами через так называемые комитеты деревенской бедноты—объединения безземельных и малоземельных сельских пролетариев, но, как кажется, без особенного успеха. Подобным же организациям, *состоящим из сельских пролетариев и находящимся под контролем местного совета,—мелким трудовыми товариществами* должны были бы быть переданы экспроприированные крестьянские имения для коллективной обработки, за натуральную арендную плату. Мы потому говорим о мелких товариществах, что на разбросанных участках при помощи простых крестьянских орудий производства могло бы пока вестись только мелкое хозяйство.

Но чтобы все это осуществить, должна быть проделана огромная работа: сельских пролетариев нужно вырвать из идеологического плена богатых крестьян, нужно внести в деревню идею классовой борьбы и пробудить сознание солидарности сельскохозяйственных рабочих с городским пролетариатом. Это необычайно трудная задача. В Венгрии, где в самой деревне существует резкое классовое деление между крепким мужиком («Vollbauer») и малоземельными («Kleinhäusler»), где имущественные различия между отдельными слоями крестьян очень велики, эта задача, пожалуй, легче разрешима. В странах же, где распределение земли более равномерно и где поэтому нельзя провести резкой

¹⁾ Мы припоминаем здесь классическое изображение Маркса в „18-м Брюмера Луи Наполеона“ (цит. по переводу Б. Кричевского).

„Каждая отдельная крестьянская семья почти не нуждается ни в ком постороннем; она сама непосредственно производит наибольшую часть предметов своего потребления, добывая, таким образом, жизненные средства больше в сношениях с природой, чем в сношениях с обществом. Клочок земли, крестьянин и его семья; рядом другой клочок земли, другой крестьянин и другая семья. Несколько дюжин всего этого составляет деревню, несколько дюжин деревень составляет департамент. Так-то большая масса французской нации образуется от простого сложения одноименных величин, вроде того, как мешок картофеля составляется из

границы между богатыми крестьянами и деревенской беднотой, такой способ решения представляется непригодным¹⁾. В таких случаях *вопрос разрешается лишь путем изменения всей крестьянской идеологии*. Для этой цели необходимым условием прежде всего является привлечение учительства на сторону пролетарской власти. Можно также использовать тех коммунистически настроенных промышленных рабочих, которые еще связаны со своим родным селом, в качестве агитаторов и вождей сельских советов и т. д. Пролетарское правительство имело бы, таким образом, в каждой деревне несколько надежных своих представителей, которые следили бы за всеми контр-революционными крестьянскими движениями. При их посредстве можно было бы приняться за переработку крестьянской идеологии путем печати, летучих листков, лекций, школьных занятий. При непрекращающихся продовольственных затруднениях в городах для этой цели всегда нашлось бы достаточное количество промышленных рабочих. Это тяжелая и длительная работа, но она должна быть во что бы то ни стало проделана для того, чтобы гражданская война между городом и деревней не превратилась бы в постоянную.

сложенных в мешок картофеля". В течение семидесятилетий, прошедших после написания этих строк, в среде крестьянства произошла определенная дифференциация, на что уже указывал Маркс. Однако, общая картина и по сей день еще остается верной для многих стран.

IX. Продовольственный вопрос.

В первые годы по установлении диктатуры продовольственный вопрос не может быть разрешен для пролетариата в смысле улучшения его питания. Об этом мы говорили уже в третьей главе. Установление диктатуры дает значительное повышение заработной платы сельско-хозяйственным рабочим, частью непосредственно в форме увеличения натуральной оплаты; но и повышенная денежная плата здесь, у источника продовольствия, легко поддается превращению в предметы продовольствия. При прочих равных условиях этого было бы достаточно, чтобы значительно ухудшить питание городов, так как при одинаковом урожае на долю городов оставалось бы меньшее количество продовольствия. Что же касается экспроприированных имений, находящихся в ведении государственного или коммунального управления, то получающийся из них излишек продуктов поступает в распоряжение центрального продовольственного органа (если оставить в стороне известный партикуляризм у местных советов, думающих прежде всего об обеспечении своей местности).

В Венгрии, где с экспроприацией крупного землевладения от 40 до 50% пахотной земли—притом наиболее плодородной—перешло в непосредственное распоряжение государства, продовольственный вопрос был наполовину разрешен. Можно было поэтому терпеливо ждать, как отнесется крестьянин к вопросу о сдаче продуктов продовольствия.

После тяжелых опытов с крестьянами в первые два года существования диктатуры, в России тоже пришли к мысли перенести центр тяжести в вопросе о снабжении городов продуктами продовольствия на вновь образованные крупные имения государственных, кооперативных и сельских коммун. В «Русской Корреспонденции» за январь 1920 г. мы читаем следующее:

«Если хозяйства коммун и кооперативов, в особенности на советских землях, в большинстве случаев велись не вполне удовлетворительно вследствие недостатка в специалистах, сельскохозяйственных машинах и рабочем скоте, все же это направление в аграрном вопросе... эта организация крупных хозяйств... есть несомненный шаг вперед: не подлежит никакому сомнению, что эти хозяйства, преодолев первые трудности, образуют прочную

основу для снабжения продовольствием России. В советских кругах в середине 1919 г. было вычислено, что эти хозяйства смогут дать 100 миллионов пудов хлеба, что составляет то количество, которое Комиссариат Продовольствия в состоянии был заготовить в 1918 г.»

Между тем этот способ решения вопроса, перенесение центра тяжести сельскохозяйственного производства на государственные крупные хозяйства, быстрое поднятие производства на них, уничтожение этим монопольного положения крестьянства в деле снабжения городов продовольствием и, в связи с этим, предоставление крестьянству свободы действия, почти пассивное отношение к нему, — такой способ решения не может применяться повсюду. В большинстве стран от 80 до 90% посевной площади раздроблено по хозяйствам, размером до 50 гектаров. Поэтому пропитание городского пролетариата может совершаться только из излишков крестьянских хозяйств. Нужно поэтому найти способ побудить крестьян к сдаче продуктов продовольствия. Принуждать крестьян к производству не приходится; свои паши они редко оставляют необработанными. Формально путем к этому является установление или сохранение введенной во время войны хлебной монополии и других государственных монополий. Однако опыт России и всей средней Европы показывает, что провозглашение хлебной монополии и хлебной повинности само по себе еще мало что значит. *Доставит ли крестьянин предметы продовольствия монопольным организациям или нет, это всецело зависит от того, пользуется ли существующая государственная власть в его глазах уважением, считает ли он ее достаточно сильной.*

Если крестьянин не хочет доставлять, он найдет для этого много путей, он обратит хлеб на корм скоту, закопает его, продаст из-под полы и т. д. Можно предвидеть, что в большинстве стран крестьяне будут враждебно настроены к пролетарскому государству¹⁾ и будут уклоняться от выполнения хлебной повинности. Мы должны поэтому исследовать средства, имеющиеся в распоряжении пролетарского режима, для преодоления сопротивления крестьян, для обеспечения продуктами продовольствия индустриального пролетариата. Мы мысленно отделим экономические, политические и агитационные средства, при чем подчеркиваем, что, на практике применяемые одновременно, они

¹⁾ Враждебность зажиточных крестьян и всех слоев господствующих классов к пролетарскому государству не зависит от формы последнего: советская ли это система, правительство ли профессиональных союзов или парламентское рабочее большинство — для господствующих классов безразлично. Каждой форме они оказывают одинаково сильное сопротивление, раз только серьезно приступают к строительству социалистического хозяйства.

находятся во взаимодействии друг с другом. Итак, мы различаем следующие средства:

1. *Экономические средства:*

а) *Покупка за деньги.*

б) *Натуральный обмен на продукты обрабатывающей промышленности.*

2. *Политические средства:*

а) *Налоги.*

б) *Реквизиции.*

в) *Экспроприация хозяйств богатых крестьян.*

3. *Агитационные средства для установления солидарности между городским и сельским пролетариатом.*

Экономические средства.

а) В странах, где крестьяне за время войны чрезмерно не обогатились, где они накопили не слишком много бумажных денег, где, таким образом, еще существует стремление к накоплению сокровищ для пролетарского государства, по крайней мере, в первые один-два года существования диктатуры, самым удобным, самым дешевым способом было бы—покупать продукты продовольствия у крестьян за бумажные деньги. Если такая покупка наладится, можно при установлении цен пойти навстречу требованиям крестьян. Придется только соответственно с этим повысить заработную плату промышленных рабочих и цены на продукты, доставляемые крестьянам из государственных предприятий. Для пролетарского государства это только арифметическая задача.

К сожалению, для венгерской советской республики этот путь был неприемлем. Во-первых, за время войны крестьяне накопили так много денег, что стремление к дальнейшему накоплению их в виде сокровища уже сильно притупилось. Во-вторых, мы имели несчастье—иначе мы этого назвать не можем—не обладать техническими средствами для изготовления так называемых синих билетов, которые единственно принимались крестьянами. К денежному вопросу мы еще вернемся. Здесь мы только укажем, что за те деньги, которые были в нашем распоряжении, крестьянин вообще не хотел продавать продуктов продовольствия. В России старый бумажный рубль, повидимому, все еще служит у крестьян для накопления сокровищ и принимается ими, хотя и с очень пониженной покупательной силой.

б) Помимо духа консерватизма—недоверия ко всему новому, в отказе крестьян принимать деньги играло важную роль то обстоятельство, что все билеты, как новые, так и старые, в хозяйственном смысле собственно уже не представляли собой

денег, не являлись всеобщим эквивалентом, ибо крестьянин не мог с помощью денег удовлетворять своих потребностей, не мог покупать на них продукты индустрии. Сельскохозяйственные орудия производства, по причинам, изложенным в предыдущей главе, должны были быть сохранены, главным образом, для крупных государственных имений. Изделия обрабатывающей промышленности, служащие для непосредственного потребления, как материя, обувь, мебель, посуда и т. д., попадали в первую очередь городскому пролетариату. Да и вообще, с системой хозяйства пролетарского государства совершенно не вяжется — отдавать то, что имеет действительную ценность, за бумажные деньги, сами по себе лишённые ценности и накопленные до периода диктатуры путем нетрудового дохода. Только после радикального уничтожения всей унаследованной от капиталистического периода потенциальной покупательной способности можно было бы говорить о том, чтобы снова признать деньги, как полноценное средство купли продуктов пролетарского государственного хозяйства.

Чтобы уничтожить влияние накопленной крестьянами в форме денег потенциальной покупательной способности, иными словами: чтобы получать за доставляемые индустриальные изделия в равной или большей степени продукты продовольствия, в Венгрии был испробован примитивный натуральный обмен. Поезда с индустриальными изделиями, особенно нужными крестьянам, — соль, керосин, косы, лопаты, текстильные изделия, картины — направлялись в большие села для обмена на продукты крестьянского хозяйства — сало, яйца и т. п. Было предположено организовать позднее этот обмен таким образом, чтобы, вместо поездов, устроить под руководством описанных выше местных хозяйственных органов постоянные склады для обмена продуктов продовольствия на индустриальные изделия¹⁾.

Первые попытки дали, однако, противоречивый результат. Именно как раз сельские и деревенские бедняки, на которых советская система хотела в деревне опереться, стали к ней, вследствие этого обмена, во враждебное отношение. Дело в том, что у них нашлись бы еще деньги, чтобы купить предлагаемые им

¹⁾ В России было испытано нечто подобное. Во многих местах между городскими потребительскими кооперативами и крестьянскими обществами была введена система договоров. На основе учета результатов урожая к крестьянскому обществу предъявляется требование доставить определенное количество продуктов. С своей стороны, продовольственный комитет данной губернии обязывался отправить в распоряжение крестьянских обществ определенное количество городских товаров. Эти товары по мере выполнения договора доставлялись крестьянским обществам. Таким образом, крестьяне узнавали непосредственно, что получение продуктов городской промышленности обусловлено сдачей излишков хлеба по твердой цене. Этот опыт был применен в прошлом году в Тульской губернии, где, таким образом, в одном уезде в течение шести недель было собрано 1. 600.000 пудов хлеба. (Из статьи Ленина.)

изделия, но у них не было излишних продуктов продовольствия для обмена. Поэтому только зажиточные крестьяне могли принять участие в обмене. Пролетарии и деревенские бедняки возмущенно спрашивали, что же собственно изменилось, если и при пролетарской диктатуре богатые крестьяне имеют преимущество.

Чтобы выйти из затруднения, надо было бы продавать пролетариям и беднякам эти изделия за деньги. Но дело в том,—а в этом и заключается существо проблемы,—что государство не располагало достаточным количеством продуктов городской промышленности, чтобы решить вопрос таким образом; этих продуктов не хватало даже на то, чтобы путем натурального обмена скупить у крестьян весь избыток урожая. *Обсуждался проект скупать у крестьян урожай, выдавая им специальные государственные знаки, которые обеспечивали бы преимущественное право на закупку государственных монопольных продуктов.* Этим была бы уничтожена покупательная способность крестьян, в виде старых бумажных денег. Падение диктатуры не дало возможности провести этот план.

Вторым интересным моментом было то, что богатые крестьяне находили часто предлагаемые для обмена товары слишком дорогими и их не покупали. Чтобы понять это, мы должны вспомнить совершенно своеобразное положение Венгрии. Это — маленькая страна, граничащая с государствами, в которых накопленные в Венгрии бумажные деньги имеют хождение, как законное покупательное средство. За деньги, путем контрабанды, крестьяне достают себе за границей все, что им нужно. Поэтому они отказывались платить цену, превышающую мировую рыночную.

Неудачу этого опыта в Венгрии нужно приписать отчасти этим совершенно особым обстоятельствам. Совсем иначе может происходить дело в странах, где, благодаря обширной территории, контрабанда не пустила в население таких глубоких корней и где установление диктатуры сопровождается быстрым падением валютного курса, что затрудняет и удорожает ввоз иностранных товаров. Здесь, вероятно, возможно путем принудительных хозяйственных мероприятий, путем строгой государственной монополии на важные для крестьян индустриальные продукты, — как соль, керосин, железо, сельско-хозяйственные машины и орудия, мануфактура,—и путем более высоких монопольных цен, понудить крестьян к сдаче достаточного для пропитания городского населения количества продуктов продовольствия. Но и это возможно только тогда, когда государственное промышленное производство в полном ходу, т.-е. имеется достаточное количество индустриальных изделий для обмена на продукты продовольствия, чего при установлении диктатуры нигде не может быть и когда меновые пропорции не слишком невыгодны для крестьян. Мы должны подчеркнуть, что *нет ни одного слоя населения, который так легко, как крестьяне, мог бы отказаться от потребления всего того, что производится на стороне.* По-

кажется ему керосин дорогим, он вернется к масляной лампочке. Найдет он слишком дорогой мануфактуру, он начнет сам прясть и ткать для себя. А если слишком подорожают сельско-хозяйственные машины, он будет сеять руками, молотить цепом, обрабатывать землю лопатой. Раз он владеет важнейшими средствами производства — землей, то экономическими мероприятиями, переходящими определенную границу, с ним ничего не сделаешь. Он возвращается к примитивным хозяйственным формам и вообще отказывается от покупки городских изделий.

Роль государственного принуждения.

До сих пор мы предполагали, что крестьяне в своем отношении к пролетарскому государству руководствуются чисто экономическими мотивами. Но это неправильно: *верный своим классовым интересам, слой богатых крестьян из соображений политических отказывается в обслуживании городского пролетариата продуктами продовольствия.* В этот бойкот—пока идея классовой борьбы не проникла в деревню—он втягивает также и средний слой крестьянства, даже часть сельского пролетариата. Поэтому, как мы уже говорили, необходимо путем агитации, просвещения и соответствующих учреждений и идеологически и политически оторвать от богатей слой пролетариев и деревенской бедноты и организовать его в каждой деревне для защиты пролетарской диктатуры и для обеспечения снабжения продовольствием горсдов. Это требует, во всяком случае, много времени, больше, чем могут ждать голодающие городские пролетарии земледельческих стран. Поэтому мерами государственного принуждения крестьяне должны быть вынуждаемы к доставке продуктов продовольствия. Вопрос только в том, в какой форме это сделать.

а) Прежде всего путем *налогов*—это и понятнее и психологически приемлемее всего для крестьян, так как они издавна привыкли к такому именно вмешательству государства в их хозяйство. В Венгрии мы сделали ту ошибку, *что освободили крестьян от земельных налогов, бывших и без того достаточно низкими.* Это была не финансовая ошибка, ибо при огромном бюджете советского правительства те 20—30 миллионов, которые платили крестьяне в виде земельного налога при старом режиме, не играли никакой роли. Но это была *политическая* ошибка. Мера эта была мимо цели, так как этим не только не удалось расположить к себе крестьян, но, наоборот, их оппозиция еще усилилась. В факте уничтожения земельных налогов они увидели признание пролетарского правительства в своей слабости и черпали в этом силу для игнорирования других правительственных распоряжений. Правильнее была бы противоположная политика: надо было немедленно нажать податной пресс, ввести высокий, но справедливый налог, который должен был бы выпла-

чиваться сельско-хозяйственными продуктами¹⁾. Если пролетарская правительственная власть достаточно авторитетна, то таким способом можно получать значительные количества продуктов продовольствия от крестьян без компенсации.

б) Второй, более радикальный способ государственного принуждения, это — реквизиция продуктов продовольствия, как она практиковалась капиталистической правительственной властью. При чем реквизиция может производиться либо с *уплатой деньгами* или такими денежными знаками, которые наиболее охотно принимаются при покупке продуктов индустрии, либо *бесплатно*, как это часто бывало в большевистской России. Хотя последний способ для пролетарского государства самый дешевый и многими коммунистами считается самым лучшим, однако, мы полагаем, что его нужно по возможности избегать и при том по чисто экономическим причинам. Реквизировать бесплатно можно, собственно, только урожай одного года. На следующий год крестьянин, с которым обошлись таким образом, во-первых, сократит производство, и вместо того, чтобы посеять хлеб, который трудно скрыть от учета, обратит землю под другие растения, поспевающие в разное время. Затем он будет скрывать урожай, закапывать его, употреблять на корм скоту и т. д. Посылка вооруженных отрядов промышленных рабочих из городов в деревни для насильственной реквизиции продуктов продовольствия может в том или ином случае оправдаться. Но постоянное обеспечение продовольствием городов таким путем невозможно. В России, как уже сказано, сделана была попытка внести классовую борьбу в деревню, для чего были организованы «комитеты» из пролетариев и деревенской бедноты, долженствовавшие постоянно следить за урожаем и сдачей крестьянами причитающейся с них доли сельско-хозяйственных продуктов. Насколько оправдали себя эти комитеты, мы не знаем. Задача обеспечения крестьянского урожая за государственной монопольной организацией в последней инстанции выпала в Венгрии на местные политические советы. Как это оправдало бы себя, мы не знаем. Но так как фактиче-

¹⁾ Иные коммунисты считают излишней систематическую разработку налогового обложения крестьян, так как они думают, что находящаяся во владении крестьян земля скоро перейдет к государству либо путем экспроприации, либо путем добровольного присоединения крестьян к государственным крупным имениям. Нам кажется, что это произойдет не так скоро — не только по политическим и идеологическим основаниям, но и по **причинам хозяйственно-техническим**. *Миллионы самостоятельных крестьянских хозяйств не могут управляться общественно-хозяйственным способом*. Соединению же их в крупные хозяйства мешает то обстоятельство, что существующие орудия производства крестьян мало приспособлены для крупного хозяйства, а индустриальное производство необходимых для крупного сельского хозяйства средств производства не может совершаться таким быстрым темпом. *Поэтому, по нашему мнению, в течение достаточно долгого переходного периода безусловно необходимо применять соответствующую налоговую систему.*

ское руководство в деревенских советах во многих местах было в руках богатых крестьян, а комитеты обнаруживали большую склонность к партикуляризму и старались хорошо обеспечить в первую очередь население собственной территории, то, несомненно, и при этой системе встретились бы большие затруднения.

в) *Если богатое крестьянство оказывает сдаче продуктов упорное политическое или вооруженное сопротивление, то по выше приведенным основаниям представляется целесообразным не применять насильственной реквизиции урожая (это можно сделать с успехом только один раз), а экспроприировать земли у этих богачей.* Если после подавления открытого сопротивления земля попрежнему останется во владении богатых крестьян, то наступит саботаж в самом производстве и во второй раз реквизировать будет уже нечего. Поэтому, само производство должно быть передано в другие руки. Спрашивается только, в чьи?

В Венгрии мы не дошли до этой стадии развития и потому в этом отношении у нас нет никакого практического опыта. В России вопрос, повидимому, решается следующим образом: комитеты бедноты экспроприированную землю получают для кооперативной обработки. Этим восстаивается на новой пролетарски-политической основе старая форма общинной собственности. Остается только открытым вопрос: дает ли уже сам по себе этот переход хозяйств богатых крестьян к одному или нескольким товариществам гарантию того, что, по крайней мере, продовольственные излишки попадут в распоряжение городского пролетариата. Ибо вполне возможно, что товарищества деревенской бедноты при отсутствии соответствующей экономической компенсации *окажут такое же сопротивление сдаче продуктов продовольствия, какое раньше оказывали богачи.*

3. Этим мы подходим к третьему кругу проблем: к установлению солидарности между городским и сельским пролетариатом. *Ибо, очевидно, совершенно недостаточно внести в деревню классовую борьбу только в отрицательном смысле, — сплотить деревенскую бедноту против богатых крестьян, помочь им средствами государственной власти отнять у богачей землю.* Необходимо еще пробудить ясное сознание, что свое освобождение от ига помещиков и богатых крестьян они могут добыть только с помощью городского пролетариата, передового отряда революции, и что для удержания завоеваний революции необходимым условием является снабжение города продуктами продовольствия. *Сознание классовой солидарности необходимо развить настолько, чтобы деревенская беднота добровольно наложила бы сама на себя некоторые лишения, чтобы обеспечить самым необходимым городской пролетариат.* Это такая же великая агитационная задача, каковой являлось в свое время пробуждение классового сознания у городского пролетариата; только она должна быть выполнена в самый краткий срок, чтобы

избегнуть крушения диктатуры пролетариата. То, для чего там потребовались десятилетия, здесь должно быть сделано в немногих лет.

Правда, в распоряжении промышленного пролетариата, ставшего господствующим классом в государстве, имеются совсем иные средства агитации и просветительной работы, чем в то время, когда эта работа велась против господствующего класса землевладельцев и крестьян. Монополия прессы, устной и письменной агитации, возможность поселить в каждой деревне хотя бы одного промышленного рабочего с развитым классовым сознанием, который руководил бы деревенской беднотой, просвещал, организовывал бы ее, учил бы ее классовой солидарности; затем находящиеся в руках пролетариата школы,—все это создает возможность быстрого изменения идеологии деревенского населения и вместе с тем окончательного обеспечения питания городского пролетариата в том случае, если промышленный пролетариат обладает достаточными силами для решения этой трудной задачи. При этом скажутся интересные «национальные различия». В восточных странах Европы сравнительно мало промышленных рабочих, а среди сельского пролетариата еще слабо развито классовое сознание. Но также слабо развито оно и у богатых крестьян. В западных странах преобладающим является промышленный пролетариат. Благодаря тому, что эти страны сплошь пропитаны промышленными центрами и отдельными промышленными предприятиями, сельские рабочие находятся в постоянных сношениях с индустриальным пролетариатом, поэтому сельский пролетариат в этих странах начинает уже проникаться идеей классовой борьбы и классовой солидарности. В свою очередь, и класс крестьян-собственников в гораздо большей степени проникнут сознанием своих классовых интересов, и в защите их проявляет гораздо большую активность. История покажет, какое положение вещей более благоприятно для пролетарского дела.

Во избежание недоразумений повторяем еще раз, что мы только мысленно можем отделить экономические, политические и идеологические средства; в действительности они переплетаются друг с другом, действуют одновременно, усиливая при этом друг друга. Если промышленное производство пролетарского государства в полном ходу, если государство в состоянии давать крестьянину изделия городской промышленности, оно пользуется в глазах крестьян большим политическим престижем. С другой стороны, чем большим престижем пользуется пролетарское государство, тем легче поддаются разрешению экономические проблемы. Чем глубже проникла в деревню агитация, чем больше число убежденных сторонников коммунизма, тем прочнее пролетарское государство. Обратно: чем прочнее государственная власть, тем успешнее может быть агитация. Все эти отдельные факторы находятся не в односторонней причинной зависимости, а во взаимодействии друг с другом.

В тех странах, где вследствие большой плотности населения принуждены были при капитализме постоянно прибегать к ввозу продуктов продовольствия из-за границы, к задаче овладения производством внутри страны присоединяется еще вопрос об импорте. Вследствие этого положение еще более затрудняется. В начале мировой революции, пока капиталистические государства имеют перевес, вновь возникающие пролетарские государства подвергаются бойкоту и исключаются из участия в мировой торговле. Если только не удастся завязать торговые сношения с другими пролетарскими государствами, продовольственная нужда может действительно стать очень великой. Этим объясняется, почему диктатура пролетариата утвердилась прежде всего в России, Венгрии и Баварии, т.-е. в таких странах, которые сами себя снабжают продуктами продовольствия, и почему большевизм быстрее развивается в этих странах, чем в тех, которые зависят от ввоза жизненных припасов. Но чем дальше будет развиваться мировая революция, чем в большем числе государств установится господство пролетариата, чем прочнее будет революция и новая система хозяйства, тем легче будет преодолеть продовольственный кризис и в тех странах, которые зависят от ввоза продуктов продовольствия.

Х. Проблема распределения благ.

Еще при финансовом капитализме наблюдается сильная тенденция к ограничению торговли. Эта тенденция проявляется тройким образом:

1. Монополистические картели — сюда мы относим также монополии капиталистического государства — совершенно устраняют посредническую торговлю, продавая свой товар непосредственно самим потребителям: розничный продавец получает определенный комиссионный процент. Это мы видим у керосинового картеля, картеля по продаже пива и т. д. Функции торгового капитала, а также прибыль его переходят к промышленному капиталу, период обращения которого соответственно удлиняется.

2. Потребители объединяются в потребительные товарищества для оптовой закупки товаров непосредственно от производителя.

3. Мелкие производители объединяются в так наз. производительные товарищества; эти товарищества в действительности являются организациями совместного сбыта их товаров, минуя посредника-торговца.

К этим свободно возникшим организациям примыкают принудительные организации периода военного хозяйства — различные центральные органы, обслуживающие распределение нормированных продуктов по карточной системе. Мы видим, что капитализм и в этой области проделал для социализма ценную подготовительную работу. Теперь необходимо все эти капиталистические организации (за исключением потребительских товариществ) превратить в пролетарские. *Распределение благ, являющееся необходимой функцией при всяком общественном строе, не основанном на «замкнутом домашнем хозяйстве», должно быть отделено от торговли, от самостоятельной купли-продажи благ в качестве товаров в целях присвоения прибавочной стоимости.* При том недостатке товаров, какой существует в начале пролетарской диктатуры, торговля неизбежно вырождается в спекуляцию и ростовщичество, и необходимо как можно скорее избавиться от нее. В то время, как, напр., самостоятельное крестьянское хозяйство, хотя и стоящее вне государственного хозяйства, является элементом пассивным, не нарушающим государственного хозяй-

ства, — самостоятельная торговля, наоборот, является разлагающим элементом внутри урегулированного государственного хозяйства. Торговля загуманивает ясное представление о потребностях, делает невозможным приспособление производства к потреблению, идет вразрез со всем государственным хозяйством, основанным на планомерном производстве и распределении материалов и потребительных благ, и сама по себе является анархическим, контр-революционным элементом. С ней надо покончить прежде всего.

Чисто теоретически здесь не встречается никаких затруднений. Вместе с экспроприацией крупных предприятий, оптовая торговля отпадает сама собой. Производственные центры снабжают сырьем и другими средствами производства все подведомственные им предприятия. Распределение готовых продуктов производится или непосредственно через эти же центры, или через соответственное материальное управление. Экспропрированные государственные и коммунальные предприятия, включая и крупные сельско-хозяйственные предприятия, не могут иметь никакого отношения к торговле, ни при купле, ни при продаже. Мы имеем, собственно, перед собой нечто иное, как охвативший все производство трест эпохи капитализма, «генеральный картель» Гильфердинга.

Рука об руку с этим идет огосударствление внешней торговли, которая, естественно, всегда является оптовой торговлей. Только центральный орган по внешней торговле, которому производственные центры и материальные управления дают сведения о том, какие продукты необходимо получить из-за границы и какие свободны для вывоза, только этот орган имеет право ввозить и вывозить товары, конечно, за счет государства. Это является дальнейшим развитием той формы внешней торговли, обусловленной разрешениями со стороны государства, которая установилась уже во время войны.

Распределение продуктов потребления между потребителями легко осуществляется через *потребительские общества путем принудительного включения всех жителей в местные потребительские объединения*. Нормированные продовольственные продукты и другие предметы потребления выдаются каждому жителю, ведущему самостоятельное домашнее хозяйство, в распределительных пунктах его участка. Нигде в другом месте он покупать не может (система районирования). Для одиноких лиц, не ведущих домашнего хозяйства, а также и для семей, нежелающих вести своего хозяйства, организуются в городах общественные столовые. Деревенские распределительные пункты снабжаются только индустриальными продуктами. Местное распределение совершается только под наблюдением местного совета. Принципы распределения продуктов, имеющих в недостаточном количестве, должны быть установлены в зависимости от при-

надлежности потребителя к тому или иному классу. Но об этом будет сказано ниже.

Наконец, в целях устранения торговли и спекуляции, нужно создать организацию для учета продуктов, производимых в неэкспроприированных предприятиях, поскольку эти продукты монополизируются государством. Мелкие промышленные предприятия очень легко поддаются регламентации, если только хорошо организовано материальное хозяйство пролетарского государства; их изделия легко перевести в руки государственного или коммунального распределительного аппарата. В случае необходимости эти мелкие предприятия можно объединять в крупные или предоставить их медленному вымиранию. Боязнь лишиться топлива, железа, кожи и т. п. заставит мелкие промышленные предприятия подчиниться распределительной системе государства или общины и отказаться от спекуляции и подпольной торговли; в противном случае они будут лишены необходимых для производства материалов. Гораздо сложнее обстоит дело с крестьянами. Необходимо создать монополистические организации для хлеба, масла, молока, мяса и т. д. Железные дороги и пароходы должны перевозить продукты только для этих организаций. Всякая частная купля и продажа, вне определенных местных границ, должна быть строго воспрещена и наказуема. Но эти организации должны пользоваться некоторой местной автономией и не застывать в бюрократических формах и приемах. Семья рабочего в деревне должна иметь возможность без особых осложнений получать от крестьян своей деревни необходимые ей продукты продовольствия.

Теперь, на основании венгерского опыта, попытаемся отметить, какие практические трудности могут возникнуть при проведении этого плана.

Одним из первых распоряжений советского правительства было — закрытие всех оптовых торговых предприятий и магазинов в городах, за исключением магазинов съестных припасов, писче-бумажных и книжных материалов и т. п. Эта мера подверглась резкой критике со стороны меньшевиков и она, действительно, повлекла за собой некоторые неудобства: население вследствие недостаточного числа распределительных пунктов не могло получать многих продуктов. *Несмотря на это, мы считаем эту меру необходимой и неизбежной.* Во-первых, в магазинах и на складах у торговцев находится настолько значительная часть всех наличных благ, что невзятие их на учет очень сильно нарушило бы организацию материального хозяйства и организацию распределения. Во-вторых, если бы это мероприятие не было проведено, то буржуазия и крестьяне поспешили бы привести в действие потенциальную покупательную силу накопленных ими денег и скупили бы и без того скудные запасы обуви, мануфактуры и т. п., как это и имело место в России. Таким образом, они не только обеспечили бы самих себя в изобилии и на долгое время, но отняли бы у пролетариата воз-

возможность удовлетворить самые насущные потребности в промышленных изделиях, реализовать свою денежную заработную плату в продуктах. Свободной продажей всех продуктов буржуазии была бы предоставлена возможность скупить все имеющееся на рынке и этим создать для пролетарской власти серьезные затруднения. Запасы товаров крупных торговых предприятий были конфискованы и переданы соответствующим органам; мелким торговцам была уплочена стоимость их товаров, однако, они могли получать в счет образовавшегося у них, таким образом, капитала не более 2.000 крон ежемесячно. Правда, несмотря на закрытие магазинов, много товаров продавалось из-под полы. Торговые служащие, которые должны были бы, в качестве доверенных лиц пролетариата, следить за собственниками, часто входили с ними в сделки, растаскивали товары и выбрасывали их на подпольный рынок, — явление, которое вследствие алчно-эгоистической психологии настоящего поколения будет, вероятно, повторяться повсюду.

Ошибка заключалась не в закрытии магазинов, а в том, что недостаточно энергично проводилась пролетарская политика, что слишком медленно создавался тот распределительный аппарат, который должен был перенять распределительные функции торговли. Лежавшие в частных магазинах и складах товары необходимо было бы в кратчайший срок перевезти на склады соответствующих хозяйственных органов, освободившиеся помещения должны были бы быть приспособлены для жилья, потребители объединены в потребительские организации и, наконец, должно было бы быть организовано достаточное количество государственных и кооперативных распределительных пунктов. Энергичное проведение этой программы замедлялось саботажем торговых служащих и чиновников, боявшихся потерять свою службу, поведением социал-демократов, прикрывавшихся флагом «защиты мелкого люда», наконец, наличием многих иностранных предприятий, состоявших под охраной своих капиталистических государств.

Что касается продуктов экспроприированных предприятий, то торговля ими действительно была совершенно исключена. Перешедшие к государству крупные сельско-хозяйственные предприятия все свои продукты — хлеб, скот, шерсть и т. д. — сдавали непосредственно соответствующим центрам так же, как фабрики — производственным центрам или материальным управлениям. Из производства экспроприированных предприятий только весьма незначительная часть, вследствие злоупотреблений, попадала на подпольный рынок.

Своеобразные формы приняла внешняя торговля. Венгрия не сразу подпала под строгую блокаду Антанты. Но товарный обмен с границей был сопряжен с большими затруднениями, так как иностранные капиталисты не хотели признавать комиссариат внешней торговли, этот орган пролетарского государства, заслужи-

вающим доверия контрагентом и ставили большие препятствия купле-продаже товаров. Мы были поэтому вынуждены вести внешнюю торговлю под фирмой хорошо известных за границей капиталистических предприятий. Не мало фабрик и заводов Венгрии было основано иностранными предпринимателями; от своих учредителей они поэтому могли получать товары, которых не в состоянии было получать пролетарское государство, как таковое. Иностранный капитал смотрел на диктатуру, как на явление временное. Позднее, когда блокада Антанты приняла более строгий характер, единственной возможностью внешнего товарообмена оставалась контрабанда со всей деморализацией, обманом и воровством, с какими она по необходимости связана¹⁾. От единственного существовавшего тогда пролетарского государства — России мы, к сожалению, были совершенно отрезаны. Излишне говорить о том, как сильно облегчил бы укрепление пролетарского хозяйства свободный обмен товаров между пролетарскими государствами.

Во время существования венгерской советской республики не было возможности серьезно приступить к организации распределения продуктов между потребителями. Дело в том, что потребительские общества в Венгрии были очень слабо развиты. Только в столице находился большой рабочий потребительский кооператив и при нем около 200 распределительных пунктов. Эти потребительские кооперативы были поставлены под контроль государства и должны были образовать ядро новой организации распределения. Проведение этого плана натолкнулось на ожесточенный саботаж, при том не в малой степени со стороны правления самого потребительского кооператива, члены которого опасались, что с падением диктатуры погибнет и кооператив. Введение единообразного принудительного порайонного распределения затруднялось возникшими во время войны *заготовительными объединениями (Anschaffungsruppen)*. Все рабочие и служащие какой-либо фабрики, все чиновники какого-нибудь министерства, все железнодорожные, почтовые служащие и т. д. объединялись в организации и сообща закупали предметы потребления. В то время, как государственные органы могли платить за предметы продовольствия только установленные твердые цены, эти организации не были связаны твердыми ценами и были поэтому в состоянии обеспечить себя лучше, чем в том случае, если бы они зависали от государства или если бы каждый из членов в отдельности старался обеспечить себя продовольственными продуктами. Ловкачи бывали часто членами нескольких таких заготовительных объединений. Если несколько членов семьи работало в

¹⁾ Довольно характерно для капиталистической морали: в то время, как венгерские войска дрались с чешскими, чешские капиталисты входили в торговые сделки с Венгрией, напр., в обмен на кожу поставляли дубильные вещества.

различных предприятиях, каждый такой работник зачислялся, как глава семьи, в соответственное объединение, и таким образом семья получала несколько пайков. Эти-то выгоды и вызвали самую резкую оппозицию со стороны чиновников и рабочих, занятых в крупных предприятиях, против введения системы районирования, ибо эта система предполагала, конечно, роспуск таких заготовительных объединений. В России проблему распределения предметов потребления пытались разрешить таким же образом, с той только разницей, что в России в первый год диктатуры получили колоссальное развитие потребительские кооперативы. «Декретом 20 марта, — читаем мы в «Russische Korrespondenz» от января 1920 г., — государство взяло под свой контроль аппарат потребительской кооперации, доказавший свою жизнеспособность и пустивший глубокие корни, и приспособило его к нуждам социалистического распределения. Таким образом распределение должно перейти в руки самого населения. В основу системы снабжения населения всем необходимым кладется принцип самодеятельности. Все население принимает участие в заготовке продуктов и само же их распределяет. Фактически все население Советской России так или иначе уже связано с кооперативами. Декрет 20 марта обязывает приписку всего населения к кооперативам. Конечно, необходимо придать распределительной системе строго организованный характер. С этой целью государство объединяет все кооперативные общества, существовавшие до сих пор обособленно, в единый кооператив, имеющий единое имущество, единую кассу, единое управление, а в качестве своих членов — все население.

После создания этого единого распределительного аппарата правительство намерено прекратить непосредственное участие своих органов снабжения в распределении и ограничиться только общим контролем. Декрет был издан 20 марта 1919 г. В течение пяти месяцев была проделана громадная подготовительная работа. После окончания этой работы, состоявшей в устройстве многочисленных съездов и собраний, в выработке ряда инструкций и т. д., начался процесс слияния кооперативов. Легче всего, безболезненное и дисциплинированное всего этот процесс протекал в Москве, где уже с 31 июля существует единый потребительский кооператив, обслуживающий в продовольственном отношении все московское население, в ведении которого находится также карточное бюро, т. е. регистрация всего московского населения. Конечно, создание единого распределительного аппарата в провинции представляется делом более сложным, чем в больших городах, где все упрощается благодаря карточной системе. Несмотря на это, подготовительная работа по осуществлению декрета уже почти везде закончена». (Сообщение это относится к осени 1919 г.).

Все дело снабжения и распределения государство переложит, таким образом, на плечи самих потребителей и передаст его

в руки всеобъемлющей единой потребительской организации. Государство оставило за собой только снабжение такими продуктами, которые заготавливаются путем государственной реквизиции (зерно), распределение же передается кооперативным организациям. К сожалению, до сих пор мы не имеем надежных сведений о том, как оправдал себя в России этот новый аппарат.

Теперь мы переходим к сложному вопросу — взятие на учет государства продовольственных излишков крестьянского хозяйства; об этом мы уже говорили отдельно. С точки зрения города это — вопрос о *мещечничестве*, причинившем много хлопот как у нас, так и в России. Мы указывали на то, что, уже во время войны крестьяне отказывались продавать продовольственные продукты за деньги и по установленным предельным твердым ценам. Они требовали в обмен товары. Капиталистическое государство таковых им дать не могло, поэтому оно прибегало к реквизиции. Это повело к сокрытию продовольственных продуктов. Крестьяне не привозили продуктов на рынок, а ждали, пока спекулянт или потребитель придут к ним сами и дадут какую угодно цену. Положение все ухудшалось. Снабжение продовольствием делалось все анархичнее. С каждым поездом тысячи горожан выезжали в деревню — к родственникам, друзьям, знакомым, чтобы раздобыть продовольствие. Белье, ботинки, драгоценности, — все тащили в крестьянские дворы для обмена. Чрезмерный спрос взвинчивал цены все выше, требования крестьян не знали никаких границ.

Провозглашение диктатуры не произвело в этом отношении никакой перемены. *Вызванный экономическими причинами отказ крестьян обслуживать город продовольственными продуктами усложнялся теперь политическим сопротивлением.* Для пролетарской диктатуры возникла трудная дилемма. Без уничтожения мещечества нельзя было приступить к действительному государственному учету продовольственных излишков крестьян, нельзя было организовывать правильного снабжения городского населения. Потребность в хлебе и муке была покрыта еще прошлогодним урожаем. Потребность в мясе была покрыта принудительной сдачей крестьянами определенного процента скота. Было обеспечено также снабжение молоком, что достигалось тем, что крестьянам в качестве премии за доставленное молоко выдавалось определенное количество отрубей, сахару и т. п. Но обнаружился большой недостаток в других продуктах крестьянского хозяйства: в яйцах, сале, птице, всякого рода овощах и т. п. Этот недостаток был, конечно, вызван значительным увеличением заработной платы широких слоев городского пролетариата после установления диктатуры. *Всякая попытка правильной организации заготовки разрушалась развившимся до невиданных размеров мещечничеством.* С другой стороны, запрещение мещечества казалось возможным лишь в том случае, если предварительно удалось бы обеспечить снабжение городов

предметами питания, заготавливаемыми средствами государственной организации. В результате получилось колебание в политике как венгерского, так и русского советского правительства. Мешечничество запрещалось, но мера эта не могла быть строго проводима. так как городские мешечники и занятые в мелких предприятиях рабочие, снабжение которых государством было, конечно, труднее, чем снабжение рабочих крупных предприятий, протестовали против этого запрещения. Все дело было парализовано распоряжением главнокомандующего Красной армии тов. Бема, который на свою ответственность разрешил каждому возвращающемуся с фронта красноармейцу провозить домой 25 килограммов продовольствия. Теперь все мешечники стали ездить в военной форме. Тогда прибегнули к демократическому средству — к агитации. В Советах и на массовых собраниях рабочим разъяснялось, что анархическое мешечничество делает невозможной пролетарскую организацию распределения продовольственных продуктов и прежде всего выгодно буржуазии, давая ей возможность и дальше жить без труда и в полном благополучии. Агитация подействовала. На больших заводах рабочие стали выносить резолюции, требовавшие строжайшего запрета мешечничества. Но в этот момент произошло крушение республики.

Имеется, правда, одно действительное средство для воспрепятствования тайной торговли и мешечничества; *однако, руководимые стремлением показать миру, что диктатура пролетариата не влечет за собой никакого хаоса или культурного регресса*, мы опасались применить его. Это средство — *приостановление пассажирского движения на железных дорогах и пароходах* — мера, применявшаяся в целях экономии угля осенью 1919 г. в капиталистической Германии и Австрии. Если бы на немногих обращающихся поездках ездили только официальные лица, то мешечничество и тайная торговля сделались бы невозможными; затруднилась бы также организация контр-революции, достигнута была бы значительная экономия в угле. Ведь при диктатуре пролетариата не должно быть никаких поездок по торговым делам, а от поездок для удовольствия пришлось бы на некоторое время отказаться. Одновременно, конечно, по всей линии должны бы были быть запрещены посылки с продовольственными продуктами. Чтобы уничтожить подпольную торговлю целыми вагонами продовольствия, надо было, чтобы железные дороги и пароходы принимали только грузы, адресованные производственным центрам, материальным управлениям, местным хозяйственным учреждениям. Все это мероприятия весьма серьезного характера, но без них нельзя достигнуть в короткий срок правильного снабжения городов. Когда крестьянин заметит, что вследствие запрещения передвижения его уже не осаждают покупатели и никто не несет ему, всякого добра в дом, он скорее согласится отдать государству свои излишки. Этот переход был бы очень тяжел для города, но

радикальное решение вопроса возможно только таким способом ¹⁾.

Рассмотрим теперь проблему распределения с точки зрения классовой борьбы. Мы уже говорили, что промышленный пролетариат прежде всего ждет от диктатуры повышения своего жизненного уровня; мы показали, что до полной реорганизации производства, приспособленного к капиталистическому распределению дохода, и до повышения производительности труда это невозможно. Мало того, повышение жизненных условий сельского пролетариата неизбежно должно происходить за счет снабжения продовольственными продуктами городов. Тут не могут помочь никакие мероприятия экономической политики. Но чтобы городской пролетариат и в особенности некоммунистические элементы среди него не сделались жертвой контр-революционной агитации, как это случилось в Венгрии, необходимо найти какое-то иное средство. Таким средством является *система классовых пайков и классовых цен*.

Зародыш классового пайка можно найти уже в капиталистическом продовольственном хозяйстве военного периода, а именно, рабочие, занятые тяжелым трудом, получали усиленный хлебный и мучной паек. Существующая в Советской России система классовых пайков является дальнейшим развитием этого зародыша: занятые физическим трудом рабочие получают большие пайки нормированных продуктов, чем чиновники и буржуазия, труд которых менее утомителен. Это прежде всего политическое, а не экономическое мероприятие. При начале диктатуры пайки вследствие продовольственных затруднений настолько незначительны, что дальнейшее сокращение их для непролетарских элементов, составляющих меньшую часть всех потребителей, может иметь лишь экономически весьма ограниченное значение для улучшения питания пролетариата. Но рабочие гораздо легче переносят свои собственные лишения, если они видят, что и богатые должны терпеть лишения и получают от государства даже меньшее количество продовольствия, чем рабочие, занятые тяжелым трудом. Обратное тому, что они видели при капиталистическом строе, когда богачи, даже в периоды самой острой нужды, могли доставать для себя решительно все, даже самые лакомые куски ²⁾.

¹⁾ Блестящее подтверждение нашего взгляда дало прекращение ж.-д. движения в Австрии в рождественскую неделю 1919 г. В то время, как подвоз молока в Вену составлял ежедневно 60.000 литров, в рождественскую неделю обычно на 10.000 литров меньше, оказалось, что вследствие невозможности мешечничества подвоз молока поднялся до 77.000 литров ежедневно.

²⁾ К сожалению, венгерский пролетариат на собственной шкуре познает ныне различие между пролетарским и капиталистическим хозяйством. Во время диктатуры, когда промышленные рабочие в общем были хорошо обеспечены, не прекращались жалобы, что города недостаточно снабжаются продовольствием и что рабочие не могут тратить своих денег на покупку продовольствия. Теперь продовольственных продуктов в Будапеште сколько угодно. Выставки магазинов изобилуют разными яв-

Классовый паек прежде всего является средством для поднятия классового сознания рабочих масс, которые в период пролетарской диктатуры должны научиться чувствовать себя господствующим классом.

Именно поэтому лучшие продовольственные продукты — птица, рыба и т. п., поскольку они попадали в распоряжение государственных распределительных организаций, выдавались непосредственно рабочим фабрик и заводов. Система классового пайка имеет еще и другую выгоду. Чем меньший паек получает буржуазия, чем успешнее ведется борьба с подпольной торговлей, тем дороже должна платить буржуазия за приобретаемые в подпольной торговле продукты, тем скорее иссякают остатки ее прежнего богатства, вследствие чего ей скорее придется подумывать о том, чтобы производительным трудом способствовать строительству пролетарского государства.

Системе классового пайка со стороны социал-демократов был сделан упрек в негуманности, в особенности по отношению к детям. Но ведь буржуазия, несмотря на скудный паек, в начальной стадии пролетарской диктатуры, может обеспечить себе на остатки своего прежнего состояния в общем лучшее питание, чем рабочие. Мы могли бы также возразить еще, что буржуазия, когда она была господствующим классом, никогда не беспокоилась о том, достаточно ли питаются пролетарские дети. Но нужно подчеркнуть, что вся система классового пайка предназначена только для начального периода диктатуры. В России в настоящее время все дети — и дети буржуазии в том числе — получают продовольственные карточки первой категории, дающие право на наибольший паек.

Такое же значение имеют и классовые цены. Отпускные цены нормированных продуктов — муки, мяса и т. п. — устанавливаются единообразно, но пролетарии пользуются скидкой. Это мероприятие тоже имеет прежде всего политическое значение. Вследствие недостатка в продуктах денежный доход рабочего превышает ту сумму, которая ему нужна, чтобы заплатить за причитающиеся ему пайки. Поэтому рабочие могли бы обойтись и без скидки. Но когда рабочий видит, что «его государство» дает ему преимущество перед богатыми, он с большей твердостью переносит выпадающие на его долю лишения. Когда господство трудящихся укрепится окончательно, когда завершена будет экспроприация средств

ствами. Можно иметь все, чего пожелаешь, но, конечно, только за большие деньги. Заработка рабочего хватает, самое большее, на хлеб и овощи. Хлеба по карточкам нет, но на углах улиц можно купить из-под полы за дорогую цену белые булки. Сахару нет вовсе, но в кондитерских сколько угодно дорогих сахарных изделий. Это страшный, но исторически необходимый урок для венгерского пролетариата, не пожелавшего во время диктатуры дождаться возможности повышения своего жизненного уровня.

производства и строгая организация государственного учета и распределения продуктов, тогда буржуазия, как класс, исчезнет и каждый будет существовать собственным трудом, тогда не будет уже различия между бывшими рабочими и бывшими буржуа и вместе с тем потеряют свой смысл классовой паек и классовые цены. И то и другое — лишь меры переходного времени. Чем скорее они изживут себя, тем лучше для многострадального человечества нашего века.

XI. Проблема денег в эпоху диктатуры.

При капиталистическом строе деньги выполняют различные функции. Они являются всеобщим эквивалентом, идеальной счетной единицей, масштабом цен. Они служат средством обращения и платежным средством на внутреннем рынке и мировыми деньгами на мировом рынке. Они накапливаются в качестве сокровища, как потенциальная покупательная сила. Все эти функции выполняются деньгами при капитализме независимо от того, являются ли они в форме металлических денег или бумажных знаков, при условии, что общая номинальная стоимость выпущенных в обращение бумажных денег не превышает «общественно-необходимой стоимости обращения», т.-е. что бумажных денег выпущено в оборот не больше, чем необходимо для товарного обращения ¹⁾).

Военное хозяйство всех стран характеризуется тем, что общий запас благ сокращается, что потребляется больше, чем производится, т.-е., что реальная, выраженная в общественном рабочем времени общая стоимость находящихся в обращении товаров становится все меньше и меньше. Но соответственно с этим вовсе не уменьшается количество находящихся в обращении денежных знаков. Наоборот, количество их непрерывно растет. Главным потребителем периода военного хозяйства является государство. Реальные блага покупаются государством у отдельных частных владельцев за наличный расчет. Деньги же для этого государство достает себе или непосредственно через эмиссионный банк, увеличивая таким образом текущий долг, или путем военных займов. Если государство пользуется непосредственно эмиссионным банком, то потребленный запас реальных благ просто заменяется бумажными знаками. *Эти бумажные знаки только по внешнему виду являются банкнотами. По своей же народно-хозяйственной сущности, это — бумажные деньги, непокрытые государственные билеты, ибо они выпускаются в оборот не путем банковских кредитных операций для удовлетворения потребностей обращения, а лишь*

¹⁾ Р. Гильфердинг. Финансовый капитал.

для покрытия военных издержек государства ¹⁾. Эти бумажные деньги не могут вновь превращаться в товары, ибо реальное потребление благ далеко превосходит производство. Но так как такое состояние не совмещается с характером анархически-капиталистического хозяйства, то цены на все товары должны повышаться до тех пор, пока каждый не сможет превратить в реальные блага свой выраженный в деньгах номинальный доход. Поэтому, по мере увеличения массы выпущенных в обращение излупных бумажных знаков, цены поднимаются все выше. Одна и та же денежная единица покупает теперь гораздо меньшее количество «застывшего рабочего времени», чем прежде.

Часть бумажных денег накапливается, как сокровище, собирается в банках, складывается миллиардами в крестьянские кубышки. Вследствие невозможности купить на рынке элементы производительного капитала в их натуральной форме эти денежные суммы нельзя превратить в производительный капитал. Но остается еще возможность превращения их в фиктивный капитал. Лишь незначительная часть этих денег может принять форму простого ссудного капитала, так как все банки и т. п. учреждения до того перегружены выкладами, что, напр., в Венгрии в последний год войны провинциальные банки совсем не принимали процентных вкладов. Остается единственный выход: вложить деньги в военные займы, эту типичнейшую форму фиктивного капитала. Все снова и снова государство берет у имущих классов накопленную массу бумажных денег и превращает ее в дающие проценты военные займы, в расписки на часть трудового дохода будущих поколений, которую государство будет взимать путем налогового обложения народа. Вследствие системы военных займов, номинальный доход населения страны повышается, что ведет к дальнейшему обесценению денег. Ибо, разумеется, не масса выпущенных в обращение бумажных билетов, как таковая, приводит к обесценению денег, как это утверждает количественная теория в ее наиболее грубой форме, а *перевес выраженного в деньгах дохода над реальным производством*. Обесценение денег во время войны приняло в странах центральной Европы такую острую форму, что под вопросом была поставлена сама роль денег, как орудия обращения: на место купли-продажи появился примитивный натуральный обмен ²⁾. В таком состоянии находилось денежное обращение Венгрии, когда власть перешла в руки пролетариата.

Полное развитое коммунистическое хозяйство не знает проблемы денег, так как здесь вовсе и не существует денег в капиталисти-

1) Современная задолженность европейских государств эмиссионным банкам: Италия — 12 миллиардов лир, Франция — 26 миллиардов франков. Австро-Венгрия — 22 миллиарда крон, немецкая Австрия — 5 миллиардов крон, Венгрия — 7 миллиардов крон.

2) См. Г. В. Барга. Деньги и капитал в военном хозяйстве, „Die Neue Zeit“, 1916.

ческом смысле. Коммунистическое хозяйство — это натуральное хозяйство, в котором хотя и могут обращаться похожие на деньги знаки, но где деньги эти не служат выражением происходящих за спиной производителей неосознанных общественных процессов. Не количество реализованных на рынке денег дает производителю ответ на вопрос, удовлетворяют ли произведенные им товары общественной потребности или нет, является ли содержащееся в его товаре рабочее время общественно-необходимым рабочим временем или нет. Вместе с анархическим производством на неизвестный рынок исчезает также и мистическое понятие «товарного рынка», прекращается *фетишистский характер* товара. Вместе с этим отпадает и проблема денег.

Но тем труднее представляется эта проблема в период перехода от товарного хозяйства к натуральному в начале пролетарской диктатуры. Проблема состоит в том, чтобы роль денег изменить таким образом, чтобы одни функции их сохранить, а другие уничтожить. В этот начальный период пролетарское государство не может отказаться от денег, как масштаба цен и средства обращения, не может до тех пор, пока не проведено вполне натуральное распределение благ и пока рядом с общественным хозяйством продолжают существовать еще многие остатки частно-хозяйственной системы. Попытки немедленного уничтожения денег повели бы к хозяйственному хаосу.

Точно так же пролетарское государственное хозяйство не может отказаться от денег для формального покрытия дефицита. Пролетарское государственное хозяйство работает вначале неизбежно с большим дефицитом, так же как и капиталистические государства после войны¹⁾. Капиталистические государства могут покрывать часть своего дефицита путем заключения новых займов. Пролетарское государство аннулирует старые государственные долги и, разумеется, не может заключать новых займов, создавать новых источников нетрудового дохода. Таким образом для покрытия дефицита не остается никакого другого средства, кроме выпуска новых бумажных денег.

Следующие же функции денег должны быть, наоборот, уничтожены:

Функция денег, как *денежного капитала*, как средства к присвоению прибавочной стоимости, в форме ли ссудного капитала или торгового капитала, или путем превращения в *промышленный капитал*, так как такая функция денег противоречит бы самой сущности пролетарского хозяйства.

Функция денег, как *сокровища*, как унаследованной от времен капитализма накопленной потенциальной покупательной си-

¹⁾ На 1919—20 г. дефицит Соединенных Штатов составляет около 2 миллиардов долларов, что составляет 100 миллиард марок, Англии—600 милл. фунтов стерлингов (174 миллиарда марок), Франции—20 миллиардов франков (100 миллиардов марок), Германии около 20 миллиардов марок, Италии—20 миллиард. лир (70 миллиардов марок).

лы, — так как сохранение этой функции дало бы возможность владельцам денег жить без труда и до израсходования своего денежного имущества потреблять продукты, не давая взамен ничего реального.

Функция денег, как *мировых денег*, с провозглашением диктатуры ограничивается без всякого участия пролетарского правительства только металлическими деньгами — золотом и серебром, ибо капиталистические государства не принимают бумажных денег пролетарского государства: у них нет гарантии, что они смогут купить на эти деньги товары или превратить их в капитал. Что же касается обмена между пролетарскими государствами, то тут деньги излишни.

Исходя из вышеизложенных принципиальных соображений, рассмотрим теперь денежное хозяйство Венгерской советской республики. Первый шаг к урегулированию денежного хозяйства заключался в том, чтобы *подчинить государственному контролю все денежные учреждения*, эти основные центры капиталистической хозяйственной системы. В силу этого, все прежние директора были лишены права распоряжения в этих учреждениях. На их места были назначены управляющие из социалистически настроенных банковских служащих с теми же полномочиями, как и производственные комиссары на заводах. Благодаря этой мере советское правительство сразу же получило в свое полное распоряжение весь финансовый и банковый аппарат. От формальной экспроприации и национализации, считаясь с существованием значительных иностранных финансовых институтов и с тем, что в номинально венгерских предприятиях принимал широкое участие иностранный капитал, воздержались. Переход всех денежных учреждений в ведение государства совершился без малейшего сопротивления. Поэтому можно было сейчас же приступить к преобразованию функций денег.

В начале диктатуры прежде всего приходилось заботиться о том, чтобы не произошло катастрофы из-за недостатка средств обращения, чтобы из-за недостатка денежных знаков не остановилось бы производство, чтобы прежде всего рабочие получали свою заработную плату. Поэтому всем банковым учреждениям было предписано выдавать предприятиям, с которыми они до тех пор состояли в финансовых отношениях, с их счетов необходимые для уплаты заработной платы суммы, на основании представленных производственным комиссаром и фабрично-заводским советом ведомостей. Подобным же образом банки предоставляли денежные средства для оплаты материалов, которые экспроприированные предприятия покупали у частных предприятий. Для расчета же между экспропрированными предприятиями с самого начала была введена система переводов. Предприятиям, не имевшим своего счета в банке и нуждавшимся в деньгах для уплаты заработной платы, предоставлялся государственный кредит. *Весь этот порядок являлся лишь временным.* После

организации производственных центров эти последние должны были бы вести кассовые операции для всех подведомственных им предприятий. Таким образом функция денег, как средства обращения, была пока сохранена. Это же и давало возможность путем выпуска новых бумажных денег покрывать дефицит государственного хозяйства.

Функция денег, как денежного капитала, была тотчас же уничтожена. Уплата процентов во всех денежных институтах была прекращена ¹⁾.

Превращению денежных сумм в производительный капитал мешала грозящая экспроприация, а также невозможность приобрести на рынке материальные элементы производительного капитала. Крупные недвижимости, а также и доходные дома в более крупных городах были экспроприированы. Недвижимости малых размеров, крестьянские земли, владельцы их не продавали ни за какие деньги. Таким образом, если оставить в стороне контрабанду, подпольную торговлю и тому подобные нелегальные операции, которые с развитием государственного распределения благ все больше теряют свое значение, превращение денег в капитал становилось невозможным.

Гораздо труднее уничтожить функцию денег как сокровища, воспрепятствовать, чтобы владельцы денежных сумм могли бы реализовать накопленную еще при капиталистическом строе потенциальную покупательную силу, приобретать всевозможные товары, жить без труда до тех пор, пока не наступит истощение этого денежного запаса. В отношении тех сумм, которые уже приняли форму капитала, приносящего проценты, — вклады в кредитных учреждениях — вопрос решался просто. Этим учреждениям было предписано выдавать со всех счетов и вкладов ежемесячно всего 10%, и не больше двух тысяч крон в месяц. Вклады, принадлежавшие одной семье, соединялись на одном счету, чтобы воспрепятствовать тому, чтобы месячная норма снималась по несколько раз. *Радикальнее было бы объявить все счета и вклады аннулированными.* Но мы избегали этого, считаясь, во-первых, с иностранцами, а затем и в виду невоз-

¹⁾ В позднейший период, когда государственным кассам грозила опасность очутиться совершенно без денег и не было еще ни бумаги, ни технических приспособлений для печатания бумажных знаков, была сделана попытка, *вразрез с принципиальной точкой зрения*, пополнить недостаток денег путем восстановления свободных процентных вкладов. Суммы, внесенные после образования советского правительства наличными деньгами в один из находящихся под государственным контролем банк, считались свободными вкладами и подлежали оплате процентами в размере 4% годовых; владелец мог в любой момент истребовать весь свой вклад полностью. Попытка эта не увенчалась успехом. Только весьма незначительные суммы были внесены отсталыми крестьянами, не имевшими ясного представления о происшедшем социальном перевороте, в отделения крестьянского центрального кредитного товарищества. Отступление от правильной принципиальной точки зрения в этом случае не оправдалось.

возможности немедленно же осуществить государственное обеспечение всех переработкоспособных. Мы хотели избежать того, чтобы нетрудоспособные старики и больные в результате аннулирования счетов и вкладов не очутились бы сразу в нищете, без всяких средств к жизни. Полное аннулирование должно было произойти только после организации государственного обеспечения всех нетрудоспособных.

Для уничтожения покупательной силы денег, накопленных в виде сокровища, — мы имеем в виду те миллиарды крон, которые находились в руках крестьян и буржуазии (последняя, ввиду неясности политического положения, также держала у себя постоянно большие суммы наличных денег), — теоретически возможны три пути:

1. *Самым радикальным средством было бы объявить действительными все бумажные деньги, выпущенные при капиталистическом строе, и ввести в оборот новые знаки.* Это средство сразу уничтожило бы покупательную силу накопленных денег, но оно предполагает, что политическая власть нового пролетарского государства очень сильна, что она достаточно для того, чтобы заставить крестьян принимать новые деньги. Но вначале пролетарское государство при меновых сношениях с крестьянами является экономически более слабой стороной, — как потому, что оно должно получать от крестьян большее по общей их денежной стоимости количество благ, чем оно в состоянии предоставить им в виде изделий городской промышленности, и должно пополнять разницу каким-нибудь формальным платежным средством¹⁾, так и потому, что крестьяне менее нуждаются в благах, предоставляемых им государством, чем городской пролетариат в сельскохозяйственных продуктах. Поэтому в начале диктатуры вряд ли возможно применить это наиболее радикальное средство: применение его необычайно затрудняло бы продовольственное снабжение городов.

2. Второе средство заключалось бы в том, *чтобы радикальным обесценением денежной единицы понизить до минимума покупательную силу накопленных денежных сокровищ.* Пролетарское государство и без того не может избежать обесценения денег, так как для покрытия дефицита у него нет иного пути, кроме все новых и новых выпусков денежных знаков. Спрашивается, однако, следует ли принципиально ставить себе целью обесценение денег, или же, наоборот, путем развития безденежных расчетов и установления цен на производимые в государственных предприятиях блага в размере их стоимости производства, стремиться к дальнейшему увеличению количества денег и их обеспечению. Быстрое и непрерывное обесценение де-

¹⁾ О возможности пополнить разницу путем налогов см. следующие главы.

нес вредно в том отношении, что оно препятствует устойчивости заработной платы, вызывает борьбу за заработную плату и постоянные недоразумения между пролетариатом и пролетарским государством, вызывает необходимость постоянного повышения заработной платы, затрудняет калькуляцию и делает невозможным составление и осуществление правильного финансового плана. Решение вопроса — стремиться ли к обесценению или нет — зависит, в конце концов, от того, каких размеров фактически достигают накопленные в руках зажиточных слоев суммы денежных знаков.

3. *Третий и окончательный путь, это — предоставить деньгам умереть собственной смертью.* Пролетарское государство принципиально имеет дело только с потребительными благами, оно является натуральным хозяйством. По мере организации государственного хозяйства деньги прежде всего исчезают из оборота между общественными предприятиями. Угольные шахты без посредства денег снабжают углем железные дороги и металлургические заводы. Металлургические заводы снабжают железом машиностроительные заводы, а эти последние доставляют машины государственным сельскохозяйственным хозяйствам и все это без посредства денег. Рабочие получают все увеличивающуюся часть своей платы натурой: квартира, отопление, хлеб, мясо и т. д. Чем лучше организовано общественное производство и распределение и чем глубже оно проникает весь хозяйственный организм страны, тем скорее и крестьяне должны будут приспособиться к системе продуктового хозяйства, тем труднее для них станет реализация потенциальной покупательной силы унаследованного от капитализма денежного запаса. Они должны будут в обмен на производимые в государственном хозяйстве продукты давать свои собственные продукты, уплачивать подати натурой. Деньги отмирают и в качестве орудия обращения — еще прежде, чем совершится экспроприация или добровольный отказ крестьян от частной собственности на средства производства. Вместе с тем окончательно решается и вопрос о накопленных денежных сокровищах. Но это предполагает уже значительное укрепление — организационное и политическое — пролетарского государства, равно как и бездефицитное финансовое хозяйство, уже не нуждающееся для формального покрытия дефицита в выпуске новых бумажных денег.

Аннулирование, обесценение и отмирание денег — вот три возможных формы уничтожения покупательной силы накопленных бумажных денег. Эти методы не исключают друг друга. Всякое пролетарское правительство будет стремиться к организации продуктового, обобщественного хозяйства и к уничтожению возможно скорее тех функций денег, какие свойственны им при капиталистическом строе. Всякое пролетарское правительство будет вынуждено прибегать к выпуску бумажных денег для покрытия дефицита государственного финансового хо-

зяйства и, таким образом, обесценивать перешедшие от капитализма запасы наличных денег. Возможно, наконец, что еще до окончательного отмирания денег наступит такой момент, когда можно будет одним ударом покончить с процессом обесценения денег и объявить старые деньги недействительными. Применение того или иного метода решения вопроса зависит от конкретной исторической и политической обстановки.

Для Венгерской республики благодаря стечению своеобразных обстоятельств решение денежной проблемы оказалось особенно трудным. При капитализме Венгрия не имела собственной валюты. Билеты австро-венгерского банка служили в качестве денег и после распада Австро-Венгерской монархии во всех образовавшихся новых государствах, при чем в некоторых из них деньги штемпелевались, однако, штемпель очень легко было подделать. Печатный станок находился в Вене. Новые государства покрывали свою нужду в деньгах путем банкнот, получаемых от эмиссионного банка, в форме текущего кредита. Для пролетарской Венгрии эмиссионный банк, конечно, закрыл кредит. Однако, для покрытия государственных расходов, в особенности расходов вспыхнувшей вскоре войны, деньги были необходимы. В Будапеште эмиссионный банк мог печатать только билеты в 200 и 25 крон. Их и стали печатать, когда изсяк имевшийся запас банкнот¹⁾. Но эти билеты в 200 и 25 крон, впервые пущенные в обращение в последнюю неделю войны, в тексте которых значилось, что к концу июня 1919 г. они будут изъяты из обращения, никогда не пользовались доверием крестьян. Несчастная мысль печатать билеты только с одной стороны сделала эти так называемые «белые деньги» крайне непопулярными. До установления диктатуры, когда во всех образовавшихся из Австро-Венгерской монархии новых государствах старые «синие деньги» обращались наравне с белыми, отказ крестьян принимать белые деньги не имел особенного значения; крестьянам давали синие деньги, а белые пускали в оборот в городах. Но на третий месяц своего существования на руках у советского правительства оставались уже одни только белые деньги²⁾, которые в пограничных с Венгрией новых государствах не признавались законным платежным средством, так как австро-венгерский банк объя-

¹⁾ Тут не было никакой „подделки билетов“, как часто утверждают. Билеты, печатавшиеся советским правительством, обозначались другой серией, чем те, которые были отпечатаны при старом режиме; обстоятельство, которое, кстати сказать, было обильно использовано контр-революционной агитацией для дискредитирования советских денег. Печатающие старые образцы совершалось открыто — с ведома руководителей австро-венгерского банка. Это по существу был принудительный заем, совершенный из государственного банка данной страны.

²⁾ В государственных кассах и в эмиссионном банке советское правительство нашло около 2 миллиардов крон; из них билетов в 200 крон на 1400 миллионов. Они уже тогда имели довольно ограниченную сферу обращения.

вил напечатанные советской республикой белые деньги недействительными, да и вообще изымал из обращения все билеты в 200 и 25 крон. Крестьяне с еще большим недоверием относились к новым белым билетам, чем к старым. Повторилось хорошо известное в истории денежного обращения явление: *худшие деньги вытесняли из обращения лучшие*. Синие деньги стали прятать и не выпускать из рук. Каждый старался сбыть белые деньги. При покупке продовольственных и других продуктов крестьянского хозяйства возникали чрезвычайные трудности. Крестьяне требовали, чтобы им за их продукты платили синими деньгами. Железнодорожники, государственные служащие и рабочие в провинции испытывали величайшее затруднения, так как на белые деньги они ничего не могли купить у крестьян. Финансовая секция советского правительства ежедневно осаждалась депутациями, требовавшими уплаты синими деньгами. *Чем ближе к границе государства, тем хуже делалось положение: синие деньги по ту сторону границы считались законным платежным средством, белые же деньги не принимались совсем.* Установилось дизажио на белые деньги по отношению к синим, обусловленное, с одной стороны, более низким уровнем цен в соседних государствах, а с другой — отказом крестьян принимать белые деньги, вытекавшим частью из их консерватизма, частью же из определенно контр-революционного образа их мысли.

При таких совершенно своеобразных обстоятельствах советскому правительству не оставалось ничего другого, как ввести совершенно новую бумажную валюту. Билеты австро-венгерского банка — *как синие, так и белые* — были лишены характера законного платежного средства: синие билеты высокого достоинства — немедленно, а белые и мелкие синие билеты — через короткий срок. Синие деньги были объявлены иностранной валютой. Одновременно через почтовые сберегательные кассы, популярнейшее денежное учреждение Венгрии, были выпущены новые билеты в 5, 10 и 20 крон; они были объявлены законным платежным средством и за отказ принимать их было установлено суровое наказание. Прежние билеты, как синие, так и белые, обменивались по номинальной стоимости. В виду недостатка в мелких деньгах, а особенно из-за красивой отделки новых бумажных знаков, эти последние принимались публикой охотнее, чем белые деньги.

Но если и наступило некоторое облегчение, все же проблема денег этим не была разрешена. В той сфере хозяйственной жизни, которая уже получила общественную организацию, в обороте между экспропрированными предприятиями и в торговле их произведениями, как и вообще почти во всем городском обороте замена старых денег новыми прошла без всяких затруднений. Крестьяне, однако, оказывали сопротивление, они не принимали новых денег и не обменивали на них в назначенный срок свои синие деньги. *Госу-*

дарство не обладало достаточной властью, чтобы принудить их к этому, ни экономической — потому что частное хозяйство, по указанным выше причинам, было пока сильнее обобщественного хозяйства, к организации которого только еще приступали, ни политической — потому что пролетарское государство в провинции не имело в своем распоряжении достаточного числа действительно преданных ему людей, могущих вступить в борьбу с богатыми крестьянами.

Таким образом в отношении денег получилось своеобразное положение. *В одной и той же стране образовались две отдельные системы хозяйства с различными валютами.* Учреждения обобщественного хозяйства при оборотах между собой пользовались в качестве средства обращения новыми деньгами. Государство платило рабочим и служащим новыми деньгами и давало им за них все те блага, которыми оно располагало. Крестьяне и все частные предприятия составляли вторую систему хозяйства, отдельные члены которой при взаимном обороте применяли в качестве платежного средства синие деньги. При расчетах с учреждениями обобщественного хозяйства частные лица употребляли попадавшие в их руки новые билеты. С другой стороны, все лица, подчиненные государственной системе, должны были расплачиваться с крестьянами синими деньгами, поскольку только не имело место непосредственное применение силы. Государственный служащий получал, например, жалованье белыми деньгами. Этими деньгами он мог заплатить за квартиру и за все предметы, которые ему давало государство; но он не мог купить на них у крестьян ни одного яйца. *Так как частно-хозяйственная система имела по отношению к государственной системе активный торговый и платежный баланс, ибо государство покупало у крестьян больше, чем крестьяне могли купить у него, то произошло то, что все синие деньги постепенно перешли во владение членов частно-хозяйственной системы и синие деньги приобрели значительное ажио по отношению к белым.* Создавалась запрещенная, правда, но тем не менее цветущая торговля обоими сортами денег: дизайно новых денег составляло к концу пролетарской диктатуры 50%. Частно-хозяйственная система пользовалась еще тем громадным преимуществом, что употреблявшиеся ею средства обращения являлись законным платежным средством в соседних государствах, иногда непосредственно, иногда же после очень несложной процедуры итенипелования. Также и на мировом рынке эти деньги являлись признанной валютой. Новые же деньги советского правительства бойкотировались всеми капиталистическими государствами, так что в сношениях с капиталистическими иностранными государствами — с некапиталистическими странами мы не имели никаких связей — советское правительство тоже должно было пользоваться синими деньгами.

Таким образом получилось совершенно своеобразное тяжелое положение, вызванное тем, что, не имея технической возможности перепечатывать старые билеты, советское правительство вынуждено было преждевременно аннулировать старые деньги и ввести новую денежную систему. Преждевременно потому, что общественно-хозяйственная система не успела еще развиться настолько, чтобы подчинить себе частно-хозяйственную и навязать ей новые деньги путем экономических средств, а политическая власть государства не была достаточно сильной, чтобы добиться этого силой. Падение советской республики разрубило этот узел.

ХII. Бюджет пролетарского государства.

Государство капиталистических стран является организацией насилия господствующих классов над угнетаемыми классами. К этому приспосабливаются все отрасли деятельности государства даже в области чисто идеологической. Школьное обучение детей рабочих развивается лишь постольку, поскольку это безусловно необходимо для выработки специалистов-рабочих. Вся система обучения проникается целью привить детям шовинистическую, консервативную идеологию, убивающую их классовое сознание. В экономическом отношении функция государства менялась в соответствии с теми изменениями, какие происходили в самом характере капитализма. Простой будочник, страж частной собственности при капитализме периода свободной торговли; регулятор рыночных цен — в период покровительственной системы; завоеватель новых рынков, новых сфер эксплуатации — в период новейшего империализма; организатор всего хозяйства — во время мировой войны.

Диктатура пролетариата следует за этим последним периодом. Путем экспроприации и обобществления средств производства, государство захватывает еще большую область хозяйства в свое ведение и постепенно берет в свои руки все производство и распределение. Этим совершенно меняется также и характер государственного бюджета. Правда, и капиталистическое государство обладает рядом производительных предприятий, как железные дороги, рудники и т. д., но эти предприятия имели здесь лишь второстепенное значение. Бюджет капиталистического государства в отношении доходов был построен исключительно на налогах, взимаемых с его граждан, а расходы его были, главным образом, непроизводительными расходами для поддержания организации насилия.

Не входя в детали налоговой политики, мы можем установить, что доходы капиталистического государства от налогов питались следующими источниками:

1. *Налог на имущество*: сюда относятся наследственный и поимущественный налог.

2. *Налоги на земельную ренту*: поземельные налоги (взимаемые по площади или по ценности земли).

3. *Налоги на прибавочную стоимость*: сюда относятся все виды подоходного налога.

4. *Налоги на заработную плату*: почти все виды косвенных налогов и доходы от монополий, равно как и целый ряд так называемых прямых налогов, которые перекладываются на трудовой доход.

При диктатуре пролетариата хозяйственная жизнь делится на две резко разграниченных сферы: новое общественное хозяйство и обреченные на исчезновение остатки частного хозяйства. Соответственно этому пролетарское государство должно строить и свою налоговую политику. По отношению к существующим еще частным собственникам оно должно, если обладает достаточной силой, беспощадно применять первые три формы обложения. Высокий налог на наследство, затем такой земельный налог, который поглотил бы по возможности всю чистую земельную ренту, и, наконец, подоходный налог в таком размере, чтобы жизненный уровень мелких промышленников и мелких крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство, не мог превышать жизненного уровня рабочих, занятых в экспроприированных крупных предприятиях.

По отношению к частным собственникам пролетарскому государству гораздо легче нажать налоговый пресс, чем капиталистическому государству. При капитализме общественное накопление, развитие и умножение средств производства составляют задачу капиталистического класса: общественное накопление является результатом частного накопления бесчисленного множества отдельных капиталистов. Если капиталистическое государство берет для покрытия всех непроизводительных расходов, (а таковыми являются почти все расходы капиталистического государства) настолько значительную часть прибавочной стоимости, что у отдельных капиталистов отнимается возможность накопления, то вместе с этим прекращается и общественное накопление, всякий экономический прогресс. С экспроприацией крупных предприятий пролетарское государство берет на себя задачу реального накопления, развития производительных сил. Накопление богатства в руках частных лиц для пролетариата в пролетарском государстве не только излишнее, но и вредно. Поэтому для пролетарского государства не существует никаких экономических границ в обложении имущества и доходов, протекающих из прибавочной стоимости. Правда, результаты обложения не могут быть значительными, так как крупные предприятия, являвшиеся наиболее крупными плательщиками налогов, после их экспроприации вообще перестают быть таковыми, производимая же в остающихся еще частных предприятиях прибавочная стоимость, вследствие низкой нормы эксплуатации рабочего класса, очень незначительна.

Здесь возникает следующий вопрос: если пролетарское государство настолько сильно, что в состоянии взимать такие высокие налоги, то не проще ли было бы произвести экспроприацию всех

средств производства, принадлежащих этим слоям. Отчасти это, может-быть, и так, хотя полная экспроприация земельной собственности миллионов крестьян все же вызовет более сильный контр-революционный отпор, чем высокий, но справедливый земельный налог или очень высокий налог на наследства, который всегда поражает лишь отдельных лиц, но не сразу целые массы. Но и независимо от политической стороны вопроса экспроприация нескольких миллионов хозяйств есть прежде всего организационный вопрос, а не вопрос силы. Одна экспроприация еще очень мало что дает пролетариату: экспроприированные предприятия должны органически войти в структуру общественного хозяйства. Но в первые годы диктатуры, пока не будет воспитано новое поколение, для выполнения этой задачи не хватит человеческого материала ¹⁾. Поэтому представляется целесообразнее не экспроприировать мелкие хозяйства, а обложить их частный доход высоким налогом и таким именно образом использовать их для пролетарского государства.

Что касается косвенных налогов и пошлин, то они в общем, в пролетарском государстве не могут иметь значения. В капиталистическом государстве косвенными налогами облагаются массовые продукты, как сахар, спиртные напитки, керосин и т. д. Но эти продукты производятся в крупных предприятиях и в пролетарском государстве являются объектами государственных монополий. Было бы совершенно бессмысленно устанавливать определенную цену на эти предметы, взимаемую государством, а затем еще облагать их особым налогом; точно так же, как и в капиталистическом государстве, очень мало смысла устанавливать железнодорожный тариф, а затем еще прибавлять к нему железнодорожный налог. При монополизации внешней торговли всякий смысл теряют и пошлины. Все прежние доходы от пошлин и косвенных налогов объединяются теперь в доходах государственных производственных центров. Пошлины же и косвенные налоги становятся теперь излишними. Но тут возникает совершенно новый круг вопросов, связанных с политической цен. Об этом мы будем говорить ниже.

Здесь же мы должны выдвинуть вопрос о том, каким образом вообще денежные налоги могут быть согласуемы с системой пролетарского государства, в принципе стремящегося к установлению продуктового хозяйства? Если мелкая буржуазия и крестьянство обложены такими налогами, что их доходы не превышают заработной платы рабочих, то с точки зрения продуктового хозяйства это значит, что они не могут покупать и потреблять больше продуктов, чем рабочие. Иначе об-

¹⁾ Так обстоит дело, по крайней мере, в России, Венгрии, вообще в Восточной Европе. В Западной Европе, где общее развитие пролетариата гораздо выше, где каждый промышленный рабочий умеет по меньшей мере читать, писать и считать, вопрос организационного строительства разрешается гораздо легче.

стоит дело с богатыми и средними крестьянами с их миллиардными запасами бумажных денег. Для продуктового хозяйства пролетарского государства денежные налоги, взимаемые с крестьян, если они уплачиваются из накопленных денежных запасов, совершенно бесполезны. Такие налоги могут только сократить работу печатного станка. Поэтому необходимо возможно скорее перейти к натуральному налогу и к взиманию земельного налога хлебом, если только введением новых денег не удастся сразу же обесценить накопленные денежные запасы крестьян. Если же обесценение миллиардов старых бумажных денег произошло, и в обращении остаются лишь новые деньги, то с точки зрения натурального, продуктового хозяйства значение такого, взимаемого с крестьян, денежного налога будет состоять в том, что это вынудит крестьян продавать продовольственные продукты для уплаты налогов¹⁾.

Собственно непроизводительные расходы пролетарского государства — не говоря, следовательно, о производительных расходах, связанных с производством — в начале диктатуры будут гораздо значительнее, чем при капитализме. Изолированное пролетарское государство вынуждается соседними капиталистическими государствами на войну. Приходится держать под оружием большое войско. Быстро увеличиваются расходы на народное образование и на социальное обеспечение: помощь больным, безработным и т. д. Зато прекращаются расходы по уплате государственного долга.

И без особых статистических доказательств очевидно, что каких бы размеров ни достигало обложение частных хозяйств, не подвергшихся экспроприации, полученных таким путем сумм далеко не достаточно для покрытия государственных расходов, даже если бы взимание налогов проходило без всяких политических трений, — предположение, впрочем, совершенно нереальное в начальный период диктатуры. На языке натурального хозяйства это значит: взятых у частных производителей в форме налога продуктов нехватает на содержание непроизводительных слоев населения — солдат, чиновников, учителей, безработных, больных и инвалидов. Поэтому львиную долю для покрытия государственных расходов должны давать государственные предприятия. Это значит: *массы производительно занятых в государственных предприятиях рабочих ни в коем случае не получают полного продукта своего труда*. Значительная часть произведенных благ должна быть предоставлена названным выше непроизводительным, но в то же время необходимым для существования пролетарского государства категориям населения, затем всем категориям нетрудоспособных. Но так как пока еще существуют денежные цены и денежная заработная плата, то мы таким образом возвраща-

¹⁾ См. главу о денежной проблеме.

емся к затронутому уже вопросу об установлении государством цен.

Как должны быть установлены цены на государственные изделия? Если продавать их по себестоимости, то государство будет лишено доходов для покрытия стоимости содержания упомянутых выше непроизводительных слоев населения. Кроме того, не было бы и возможности реального накопления средств производства, что в пролетарском государстве еще более существенно необходимо для поднятия жизненного уровня населения, чем в капиталистическом. Поэтому принципиально все государственные изделия должны продаваться по «общественной себестоимости»¹⁾. Под этим мы понимаем *издержки производства плюс надбавку на покрытие издержек по содержанию нетрудящихся, плюс надбавку для возможности осуществления реального накопления*. Выражаясь иначе: продажные цены должны быть установлены так, чтобы государство не только не имело дефицита, но чтобы в его распоряжении был еще некоторый излишек для организации новых производительных предприятий.

Таково принципиальное решение вопроса. Практически же пролетарское государство работает вначале с большим дефицитом и покрывает его так же, как в настоящее время почти все капиталистические государства, — выпуском бумажных денег.

Укажем еще на то, что с точки зрения продуктового хозяйства нет никакой разницы в том, достигается ли равновесие бюджета пролетарского государства продажей государственных изделий по общественной себестоимости, или же дефицит покрывается усиленным выпуском бумажных денег. Количество произведенных продуктов от этого ничуть не изменится. Не изменится от этого и распределение благ. Непроизводительные работники и нетрудящиеся элементы должны получить свою долю необходимых для поддержания жизни продуктов независимо от того, имеет ли государство дефицит или нет. *Денежный дефицит пролетарского государства отнюдь не равнозначит дефициту в реальных благах, т.-е. уменьшению запаса реальных благ государства*. Широкое реальное накопление, интенсивное развитие производительных сил может идти рука об руку с колоссальным денежным дефицитом в бюджете пролетарского хозяйства. Финансовый дефицит и покрытие его выпуском новых бумажных денег имеет лишь то неприятное последствие, что благодаря ему разница между денежным и реальным доходом увеличивается и в глазах покупателей недостаток в продуктах кажется еще гораздо сильнее, чем если бы все государственные изделия продавались по общественной себестоимости и государственное хозяйство не имело бы дефицита. Следует ли придавать большое значение бездефицитности

¹⁾ Это понятие было введено во время диктатуры народным комиссаром Лениным.

бюджета или нет, зависит поэтому от той денежной политики, которой вообще придерживается пролетарское государство. Раз удалось путем введения новой валюты окончательно обесценить, накопленные еще при капиталистическом строе бумажные деньги, то, во избежание дальнейшего выпуска билетов для покрытия дефицита и в целях противодействия обесценению новых денег бездефицитность бюджета весьма желательна. В противном же случае дефицит и непрерывные выпуски бумажных денег приведут к радикальному обесценению накопленных денежных запасов и ускорят переход к безденежному, продуктовому хозяйству. *Самой собой разумеется, что дефицит в реальных благах не может быть устранен никакими мероприятиями финансовой политики.* Такой дефицит означает или то, что, поскольку это технически возможно, потребляется основной капитал хозяйства, (жизненные припасы, скот, изнашивание машин без соотв. воспроизводства их), или же что потребление должно быть ограничено для того, чтобы восстановить прежнее равновесие между потреблением и производством. В вполне развитом коммунистическом продуктовом хозяйстве проблема дефицита совершенно исчезает. Она без остатка растворяется в проблеме всего общественного хозяйства данного народа в его целом.

Но в период пролетарской диктатуры на-ряду с общественно-хозяйственной системой продолжают еще существовать в виде перешедшего из эпохи капитализма частного хозяйства крестьян и мелких буржуа пережитки старой системы. Чтобы не влияли остатки частной собственности на средства производства на реальное распределение доходов—пока не возможна еще и политически и организационно полная отмена частной собственности—мы проектировали введение таких налогов, чтобы доходы крестьян и мелких буржуа сравнялись бы с доходами рабочих. Однако весьма сомнительно, чтобы в первое время после установления диктатуры было политически возможно столь высокое прямое обложение этих слоев населения. Для этой цели, равно как и для сохранения равновесия в бюджете государства, можно прибегнуть еще к новому виду косвенного обложения этих слоев населения: именно к политике классовых цен, о которой мы уже упоминали, когда говорили о распределении. Можно отпускать монополизированные предметы потребления пролетариату по низкой цене, а мелкобуржуазным слоям—выше общественной себестоимости.

Однако, в отношении важнейших монополизированных государством благ—предметов продовольствия—эта политика классовых цен не применима к крестьянам, так как они сами являются производителями и отчасти продавцами этих благ. Они должны быть поэтому обложены при помощи таких продуктов, которых они сами не производят и без которых им трудно обойтись: соль, керосин, железо, сельско-хозяйственные орудия и машины. На эти блага можно назначить высокие цены, не переходя, однако, при

этом, как мы уже указывали, определенной границы, ибо иначе крестьяне вернутся к замкнутому домашнему хозяйству, и уровень сельско-хозяйственного производства упадет¹⁾.

И в отношении этой проблемы наилучшее и окончательное решение заключалось бы в возможно скорой организации общественного хозяйства, в скорейшем переходе от капиталистической системы и денежного хозяйства к чисто натуральному хозяйству коммунизма.

¹⁾ Большой подъем школьного дела и всеобщего народного образования при диктатуре, поднимая потребности крестьян, составляет противорес тенденции к замкнутому домашнему хозяйству, обозначающей культурный регресс.

XIII. Международные экономические проблемы при пролетарской диктатуре.

В нашем исследовании нам до сих пор уже не раз приходилось затрагивать и международные проблемы. Однако, мы считаем необходимым рассмотреть этот предмет и в отдельности.

Изолированное пролетарское государство подвергается хозяйственному бойкоту со стороны окружающих его капиталистических государств. Поэтому пролетарское государство лишается выгод международного разделения труда. Все продукты по возможности должны производиться на его собственной территории. Это равносильно большому понижению производительности труда, так как производство многих продуктов должно в таком случае происходить в неблагоприятных для производства условиях. *Поэтому производство требует большего количества рабочего времени, чем это было бы общественно необходимо с точки зрения общих условий мирового хозяйства.* Некоторые существенные виды сырья, как каучук, хлопок, медь, нефть и т. д., находятся только в ограниченных областях земного шара и, вследствие хозяйственной изоляции, могут стать совершенно недоступными для пролетарского государства. Современный капитализм, помимо разделения труда, основанного на естественных условиях, развил в пределах мирового хозяйства еще весьма широкую специализацию в области промышленного производства. Некоторые машины производятся только в Америке, другие (напр., по обработке дерева)—только в Швеции; некоторые химические и оптические аппараты изготовляются только в Германии и т. д. Патенты, тайны фабрикации и отсутствие необходимых для производства приспособлений часто надолго задерживают производство этих продуктов, даже тогда, когда налицо имеются все необходимые для этого сырые материалы. Все это необыкновенно затрудняет хозяйство изолированного пролетарского государства.

Правда, и при хозяйственной изоляции даже самая строгая блокада не в состоянии воспрепятствовать контрабанде. Однако, венгерский опыт показывает, что контрабанда ни в коем случае не может заменить легального товарообмена. Кроме того, контрабанда влечет за собой, вследствие связанных с ней обмана, взяток и т. п., глубокую деморализацию хозяйственного ап-

паратз пролетарского государства. Практикуемая государством контрабанда ведет за собой частную контрабанду и подпольную торговлю, так что еще неизвестно, не превышают ли отрицательные стороны контрабанды тех выгод, которые она приносит. Судя по венгерскому опыту, целесообразнее всего было бы запретить контрабанду в отношении продуктов продовольствия, ограничив ее отдельными специальными товарами: приборами, машинными частями и т. д.

Может случиться, как это было, напр., в Венгрии, что отдельные капиталистические страны или отдельные капиталистические группы в этих странах вступят в торговые сношения с пролетарским государством. *И чем важнее те продукты, которые пролетарское государство может предложить капиталистическим соседям, чем труднее их заменить какими-либо другими, тем скорее это случится.* При этом товарообмен может происходить так, как это было в Венгрии, где отдельные экспроприированные предприятия, под своей старой фирмой, выписывали из-за границы товары или экспортировали туда свои изделия. Но так может быть только в первый период диктатуры, пока иностранные капиталисты усматривают в диктатуре только скоропреходящее явление. Когда же пролетарская власть укреплится, изменится и форма международных хозяйственных отношений. *Тогда приостановится международный кредит, так как существующие в пролетарском государстве отношения собственности и правовые отношения не могут обеспечить иностранным капиталистам подходящих условий для кредитных сделок.* Деньги перестают выполнять интернациональные функции. Капиталисты не принимают бумажных денег пролетарского государства, ибо они не уверены в возможности превратить их в реальные продукты или источники дохода. В свою очередь, и пролетарское государство может воспользоваться иностранными платежными средствами только в ограниченных размерах, так как вследствие постоянно угрожающей блокады нет никакой гарантии, что удастся приобрести на иностранные деньги за границей товары. Что касается золота, играющего при капитализме роль мировых денег, то в капиталистическом государстве оно ценится совершенно по-другому, чем в пролетарском государстве. При капитализме золото служит *«всеобщим овеществлением человеческой рабочей силы», «общепризнанной овеществленной формой стоимости».* Поэтому, каково бы ни было его происхождение, оно является абсолютным, покупательным и платежным средством. Если пролетарское государство находится в торговых сношениях с капиталистическими государствами, за золото оно может получить все, что угодно. Для пролетарского государства, непрерывно приближающегося к натуральному хозяйству, золото, вследствие его малой полезности, имеет значение только покупательного средства в капиталистических государствах. Поэтому пролетарское государство без всяких колебаний

предоставит свой золотой запас для закупки товаров за границей. Напротив, в уплату за свои товары оно согласится принять золото лишь в том случае, если у него есть возможность получить взамен его продукты на мировом рынке. Если установятся мирные сношения между пролетарским и капиталистическим государствами, внешняя торговля между ними получит, в конце-концов, форму систематического натурального обмена; так, уже во время войны в торговых сношениях между государствами преобладали так называемые *«компенсационные договоры»*. В этих меновых сделках обнаруживается основное различие между пролетарской и капиталистической хозяйственной системой. Для пролетарского государства, идущего к натуральному хозяйству, определяющим моментом при товарообмене является только полезность. Для капиталистов вопрос о полезности не имеет никакого значения. Они пойдут на меновую сделку только в том случае, если получат при этом прибыли в своей или мировой валюте. Поэтому товарообмен будет происходить в валюте капиталистического государства¹⁾. Капиталисты с количественной стороны определяют меновое отношение односторонне—соответственно мировой рыночной цене. Наоборот, на пролетарское государство выпадает совершенно новая задача—сравнивать полезности с количественной стороны. Ему приходится решать, уравнивается ли потеря в полезности, связанная с отказом от определенных продуктов, с выигрышем в полезности, получающимся благодаря обмену. Для решения этой задачи в отношении продуктов, производящихся также и в пролетарском государстве, можно опираться на исчисление издержек производства внутри страны. В то время, как при капиталистической хозяйственной системе определение полезности продукта есть частное дело отдельного покупателя и осуществляется анархически, в виде рыночных цен, в пролетарском государстве это определение полезности составляет функцию хозяйственной организации.

Товарообмен между пролетарским и капиталистическим государствами будет экономически легко совершаться до тех пор, пока пролетарское государство имеет еще запасы продуктов и пока оно, вследствие невозможности быстро преобразовать производственный аппарат, производит еще продукты, предназначенные для потребления капиталистов,—продукты, которые при низком жизненном уровне населения пролетарского государства временно не могут идти для потребления рабочих. Сюда относятся золотые и серебряные вещи, драгоценные камни, роскошная мебель и ковры, дорогие ткани и т. д. Сюда надо причислить также заграничные ценные бумаги. Эти запасы, которые для пролетарского государства имеют весьма малую полезность, а на капиталисти-

4) В капиталистических государствах интернациональные меновые сделки тоже совершались часто в иностранной валюте, в большинстве случаев в фунтах стерлингов или с недавнего времени в долларах.

ческом рынке ценятся высоко, могут легко быть употреблены для меновых сделок. Если же речь идет об уступке сырых материалов или предметов потребления пролетариата, то в пролетарском государстве при всеобщем недостатке продуктов (вызванном тем, что денежный доход широких слоев населения увеличился очень сильно, а производство продуктов соответствующим образом не возросло) определить целесообразность товарообмена представляется задачей весьма трудной.

Легче, конечно, совершается обмен между пролетарскими государствами. Но и тут возникают весьма интересные проблемы. *В начальной стадии пролетарского хозяйства прежние политические государственные границы явятся, вероятно, и экономическими границами — частью по организационно-техническим основаниям*, так как уже центральное руководство хозяйством даже одного только государства представляет собой трудно разрешимую задачу, *частью же потому, что находящиеся в лучшем экономическом положении пролетарские государства вряд ли согласятся сразу же образовать единую с более бедными государствами хозяйственно-распределительную область*. Возможно также, что такое слияние пролетарских государств в одну хозяйственную область будет и географически невозможно, что вновь образовавшиеся пролетарские государства будут всецело или частью отделены на-время друг от друга капиталистическими государствами, как это было с Россией и Венгрией. Но если товарообмен между пролетарскими государствами все же возникает, *то количественное соотношение подлежащих обмену продуктов должно быть установлено не на основе полезности: в самом деле, исходя из этого основания, оба государства, участвующие в обмене, пришли бы к слишком различным результатам*. При обмене на основе полезности выигрывают обе обменивающиеся стороны. Поэтому, когда обменивающиеся стороны, основываясь на полезности, определяют то количественное соотношение, в котором должен произойти обмен, должен получиться некоторый *излишек полезности*, для распределения которого между обеими сторонами не имеется принципиально никакого базиса. Духу пролетарского государства более всего соответствовало бы исчислить рабочее время, потребное на производство продуктов, идущих в обмен, и установить, таким образом, потребное на производство рабочее время, как основу для меновых отношений. Но здесь возникает вопрос о *«национальных различиях»* рабочих сил. Рабочий день английского рабочего в среднем дает гораздо больший результат, чем рабочий день русского или венгерского рабочего, ибо английский рабочий работает в более благоприятных естественных условиях, употребляет при этом гораздо лучшие орудия производства, обладает лучшим специальным образованием и более высокой интеллигентностью, лучше питается и т. д. Спрашивается: должен ли рабочий день английского рабочего расцениваться наравне или же

выше, чем рабочий день русского или венгерского рабочего? Основной коммунистический принцип требовал бы, чтобы в обоих случаях рабочий день расценивался одинаково. Но и здесь придется делать уступки алчно-эгоистическому миросозерцанию. Подобно тому, как доля каждого отдельного рабочего при диктатуре измеряется не потребностями его, а производительностью его труда, точно также необходимо будет, чтобы в интернациональном товарообмене между пролетарскими государствами принималась бы во внимание более высокая национальная производительность труда. На практике пришлось бы, вероятно, учредить межгосударственную комиссию по товарообмену. В ней должны были бы быть представлены на паритетных началах обе обменивающиеся стороны; она должна быть или постоянной, или учреждаться на каждый отдельный случай.

Нужно заметить, что отношение между пролетарскими государствами и экономически совсем иное, чем отношение между капиталистическими государствами. Каждое пролетарское государство чрезвычайно заинтересовано в том, чтобы укреплять другие пролетарские государства: от этого увеличится политическая мощь этих государств, а укрепление пролетарского режима в других государствах укрепляет его и в собственной стране. *Поэтому к товарообмену между пролетарскими государствами приращивается в начальный революционный период чрезвычайно важный политический момент.* Те государства, которые в пролетарской революции идут впереди, хозяйство которых уже получило более прочную организацию, будут из политических соображений всеми силами стремиться облегчить переход от капиталистического хозяйства к пролетарскому другим государствам, у которых революция произошла позднее, что лучше всего может быть сделано путем предоставления им государственного товарного кредита.

Положение меняется, как только господство пролетариата прочно укрепляется во всех цивилизованных странах. Изолированное пролетарское государство вынуждено производить, если это только возможно, все продукты на собственной территории. Поэтому производительность труда, независимо от всех прочих обстоятельств, ниже, чем в капиталистических государствах, пользующихся выгодами международного разделения труда. Если же одновременно существует несколько пролетарских государств, то осуществляется принцип Рикардо, гласящий, что каждое государство производит те продукты, которые могут быть произведены на его территории дешевле всего. Этот принцип Рикардо получает в пролетарском государстве сознательное применение. Каждое государство производит только те продукты, для производства которых на его территории имеются наилучшие местные условия. Все те отрасли производства, которые капитализм путем высоких таможенных пошлин выращивал искусственно (а это всегда обозначало большой ущерб для производительности общественного труда в

его целом), будут ликвидированы. Из всего сказанного вытекает необходимость в надгосударственной организации хозяйства, — в лице мирового статистического органа и Высшего Совета мирового народного хозяйства для урегулирования всех межгосударственных проблем, покада вообще будут существовать отдельные государства, как самостоятельные хозяйственные единицы. Вместе с этим постепенно исчезают все национальные различия в производительности труда. С установлением диктатуры в отсталых до тех пор странах начинается быстрый культурный прогресс трудящихся слоев, автоматически ведущий к более высокой производительности труда. Планомерное интернациональное распределение производства по принципу местных условий (принцип Рикардо) влияет в том же направлении. В следующем поколении, возможно, будет применять в международном товарообмене в качестве единственного мирового мерила благ — рабочее время. Но тут мы зашли в такие области, которые близко соприкасаются уже с утопией...

Непосредственную же реальность представляет вопрос о вложенных за границей капиталах и вопрос о колониях. Западно-европейские государства-кредиторы: Англия, Франция, Голландия, Бельгия, Швейцария — вложили за границей огромные капиталы и уже до войны имели высокий пассивный торговый баланс. Они в качестве прибыли на вложенный ими за границей производительный капитал или на проценты на всякого рода осудный капитал получают из-за границы большие количества товаров, не возмещаемых ими соответствующим экспортом. С возникновением диктатуры пролетариата все это прекращается. Средства производства и запасы товаров экспроприируются без всякого вознаграждения тем народом, на территории которого они находятся. Сразу приостанавливается получение прибыли и процентов. Вследствие этого государства-кредиторы терпят колоссальные потери не только в своем денежном доходе, но и в снабжении благами.

Одновременно отпадают также все доходы от политической эксплуатации колоний. Пролетарское государство изменило бы самому себе, если бы оно продолжало вести старую колониальную политику и своей государственной властью подавляло и эксплоатировало бы более слабые народы. С провозглашением пролетарского господства бьет час освобождения для всех колониальных народов. Но это влечет за собой значительный реальный ущерб для господствовавших до сих пор народов.

Здесь в международном масштабе повторяется то, что происходит в национальных рамках с изолированным пролетарским государством (об этом мы говорили в 3-й главе). Подобно тому, как передовые отряды пролетарской революции, квалифицированные промышленные рабочие, в начале диктатуры питаются хуже, чем при капитализме, ибо вследствие резкого увеличения заработной платы сельскохозяйственного пролетариата значительно умень-

шается подвоз продуктов продовольствия в города, совершенно также, но только в интернациональном масштабе, диктатура пролетариата отнимает у государств-кредиторов и у государств, владеющих колониями, те избытки продуктов, которые они до сих пор получали без всякой компенсации от государств-должников и колоний; обстоятельство, которое в консервативном направлении влияет на образ мысли пролетариата этих стран.

Переход от капитализма к социализму сопровождается тяжелой борьбой и всякими лишениями. *Европейско-американская капиталистическая культура, основанная на эксплуатации не только собственного пролетариата, но и целых частей света, превращенных в колонии*, эта культура привилегированных слоев, к которым надо причислить также и часть квалифицированных рабочих этих стран, рабочую аристократию, то состояние, при котором некоторые страны являются промышленными мастерскими всего мира, — все это должно исчезнуть и дать место всеобщей народной культуре всего мира. Для населения этих стран переход этот будет тяжелым испытанием. Но, с другой стороны, все угнетенные до сих пор народы, освобожденные от национальных и колониальных цепей, быстро разовьют свои производительные силы до значительной высоты. Вследствие быстрого распространения народного образования, вследствие общего повышения народной культуры, прекращения анархии в экономических отношениях, вследствие систематического использования всех сил природы и распределения мирового производства соответственно местным хозяйственным условиям, — одним словом, благодаря планомерной организации мирового хозяйства произойдет быстрый расцвет мирового производства материальных богатств. В короткое время производство разовьется до такой высоты, что всем народам, всему пролетариату будет обеспечен такой жизненный уровень, какой имела рабочая аристократия при капитализме до войны. Произойдет интернациональное уравнивание доходов. На этой основе возникнет новая, всеобщая доступная всем людям мировая культура: свободное царство свободного от материальных забот человечества.

Заключение.

Некоторые читатели с разочарованием отложат эту книгу в сторону. Они испугаются необъятности задач, которые стоят перед пролетарской революцией, и тех тяжелых лишений, которые ждут передовых борцов. Мы не имели в виду вызвать в читателе мимолетного воодушевления, которое испарится при первой трудности. Пролетарской революции нужны закаленные борцы, предвидящие все затруднения, готовые на всякие лишения.

Эволюционистское толкование учения Маркса ведет к пассивной, фаталистической идеологии широких слоев пролетариата. Учение Маркса о неизбежной гибели капиталистического способа производства, его экономическое обоснование приближения социализма было неправильно истолковано в том смысле, что будто гибель капитализма может произойти автоматически, без революционной борьбы пролетариата. Это роковая ошибка. Среди факторов, ведущих к крушению капитализма, революционный пролетариат стоит у Маркса на первом месте. Если бы пролетариат приспособился к капитализму, последний сохранился бы на вечные времена, преодолевая за счет пролетариата все внутренние противоречия. Ни анархия производства, ни кризисы, ни падение нормы прибыли, ни обнищание масс не привели бы к крушению капиталистического общества. К этому приведет только сознательная революционная борьба рабочего класса.

Не должно недооценивать громадных трудностей, которые предстоит преодолеть пролетарскому режиму. Мы это испытали в Венгрии. Но тяжелее всего приходилось от изолированности пролетарского государства. Мы уже не раз указывали на экономически печальные последствия этой изолированности. Но гораздо важнее та психическая деморализация, которую влечет за собой изолированность вновь образовавшегося пролетарского государства.

Нереволюционные слои населения, даже рабочие, смотрят на изолированный пролетарский режим, как на преходящий политический эпизод. Активные контр-революционные элементы эмигрируют в соседние капиталистические государства и организуют там вооруженную контр-революцию. Буржуазия организует там финансовый и хозяйственный бойкот нового правительства. *Вместе*

с тем систематически проводится психологическая деморализация. В газетах, письмах и устной передаче непрерывно приходят известия о предстоящем вооруженном вмешательстве соседних капиталистических стран. В рядах не вполне убежденных сторонников пролетарской диктатуры создается неуверенность, чувство оторванности от всего мира и какой-то безотчетный страх. Этим задерживается организационное строительство нового государства. Лучшие интеллектуальные силы держатся вдали от организационной работы. Те, кто принимает в ней участие, втихомолку саботируют ее. То же делает—сознательно или бессознательно—большинство советских служащих, вышедших из рабочей среды. Всякого рода одолжениями они стараются обеспечить себе друзей в рядах буржуазии, собирают доказательства своей невинности и ищут лазеек, через которые можно будет спастись. Диктатура становится киселеобразной, декреты не проводятся строго, лишения переносятся не с поднятой головой. Вместо революционного энтузиазма царит настроение мелко-буржуазного похмелья. Направо стоящие элементы рабочих колеблются, стараются обеспечить свою жизнь свержением диктатуры, заключают компромиссные соглашения с буржуазией и становятся, таким образом, предателями.

Изолированная пролетарская диктатура может устоять только в такой большой стране, как Россия, в которой пролетариат отличается испытанным, твердым как сталь революционным характером, а коммунистическая партия,—та социалистическая партия, которая считает капитализм уже созревшим для его крушения, а пролетариат способным организовать социалистическое производство,—имеет в своих рядах большое количество убежденных борцов. Наоборот, в Венгрии, где до диктатуры, в сущности, вовсе не было организованной коммунистической партии, диктатура могла удержаться лишь при условии помощи извне—путем революции в соседних странах. Необходимость, самая настоятельная необходимость интернациональной революционной солидарности для успеха пролетарской революции—и не только на словах, но и на деле—нашла свое подтверждение в печальной судьбе Венгерской советской республики, которая, несмотря на много совершенных ошибок, составит не бесславную страницу в истории международной революции.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловие к русскому изданию.	5
Предисловие.	7
I. Кризис капитализма	11
II. Проблема производительности труда	21
III. Жизненный уровень при пролетарской диктатуре	35
IV. Экспроприация экспроприаторов	45
V. Организационная проблема пролетарского народного хозяйства	54
VI. Проблема трудовой дисциплины и интенсивности труда	70
VII. Проблема чиновничества	78
VIII. Аграрная политика пролетарского государства.	88
IX. Продовольственный вопрос	98
X. Проблема распределения благ	108
XI. Проблема денег в эпоху диктатуры	119
XII. Бюджет пролетарского государства	130
XIII. Международные экономические проблемы при пролетарской диктатуре.	137
Заключение	144

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ □ МОСКВА □ 1922.